Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Digitized by Google

Digitized by Google

Kondakov, Nikodim P

Русскіе клады.

Изслѣдованіе древностей великокняжескаго періода.

Н. КОНДАКОВА,

Заслуженнаго Профессора Императорскаго С.-Петербургскаго Университета.

Томъ первый.

Съ 20 таблицами рисунковъ и 122 политипажами.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, 40.
1896.

Digitized by Google

Digitized by Google

Ж30
К65

На ВЫСОЧАЙШЕ дарованныя средства.

Изданіе ИМПЕРАТОРСКОЙ
Археологической Коммиссіи.

Digitized by Google

Digitized by Google

но его цѣнность можетъ или быть исключительно матеріальною, если кладъ заключается въ слиткахъ и массѣ одинаковыхъ монетъ, или составить важный памятникъ древности. Именно, въ сферѣ русской древности домонгольскаго періода клады, состоящіе почти исключительно изъ предметовъ бытовыхъ и художественныхъ уборовъ и украшеній всякаго рода, являются съ такимъ особо важнымъ значеніемъ. И если извѣстная исключительность такого рода находокъ, или даже единичность по мѣстамъ (одинъ кладъ Орловской губ., одинъ—Курской, одинъ—Владимірской, одинъ—Смоленской и т. д.) останавливала доселѣ изслѣдователей русской археологіи отъ всякой попытки общаго обозрѣнія вещевыхъ кладовъ, то замѣчательные трактаты, посвященные знатоками археологіи: В. В. Стасовымъ, Д. И. Прозоровскимъ, графомъ А. С. Уваровымъ отдѣльнымъ кладамъ, казалось, достаточно обрисовали историческое значеніе каждаго клада въ отдѣльности. Однако, и теперь изученіе русскихъ кладовъ не можетъ еще считаться начатымъ, и доселѣ держится отрицательный взглядъ на самостоятельное значеніе всей группы кладовъ по отношенію къ такъ называемой доисторической древности, или, какъ въ русской археологіи уже установилось, къ древностямъ курганнымъ, точнѣе—погребальнымъ. Въ самомъ лучшемъ случаѣ, изслѣдователи курганныхъ древностей сторонятся отъ кладовъ, отказываясь даже понимать ихъ отдѣльные предметы, относя ихъ безусловно къ позднѣйшей эпохѣ, почти отрицая связь вещей и формъ въ кладахъ и курганныхъ древностяхъ. Главный недостатокъ кладовъ, какъ памятника, полагаютъ въ случайности ихъ состава и подбора предметовъ: клады зарываются наскоро, въ суетѣ, въ страхѣ передъ нашествіемъ, пожаромъ, истребленіемъ дома и семьи, состоятъ изъ вещей, случайно попавшихъ подъ руку, разрозненныхъ, разбросанныхъ, нерѣдко лишнихъ вещей и уборовъ, не бывшихъ въ обиходѣ, не на себѣ бывшихъ, а хранившихся въ ларцѣ, часто изъ лому и браку, лежавшаго тамъ въ кучѣ. Многіе отказываются понимать неполный подборъ предметовъ, оторванныхъ отъ ихъ назначенія, насильственно рознятыхъ, лишенныхъ паръ, крючковъ, прикрѣпленій, иногда прямо брошенныхъ въ кладъ частями. Находятъ мало интереса въ предметахъ кладовъ по ихъ большей или меньшей (что, однако, не было установлено точно) одновременности — предполагается, что клады въ большинствѣ (особенно кіевскіе) зарыты наканунѣ монгольскаго раззоренія. Наконецъ обычно жалуются на дурное состояніе предметовъ, вслѣдствіе самихъ условій сокрытія вещей въ грубомъ горшкѣ, ящикѣ, въ муссорѣ двора, среди развалинъ и пр., и на дурныя условія случайной находки, при землекопныхъ и пахотныхъ работахъ, и т. д.

Но всѣ эти детальныя возраженія противъ исторической важности кладовъ, какъ бы ни были сами по себѣ вѣрны и точны, уступаютъ мѣсто тому общепризнанному факту, что клады образуютъ въ Россіи какъ бы продолженіе курганныхъ древностей, точнѣе говоря, являются со времени распространенія христіанства и исчезновенія языческихъ погребальныхъ обычаевъ, оставившихъ намъ курганы, единственными (впредь до изслѣдованія христіанскихъ могильниковъ) вещественными древностями, мѣстами уже въ эпоху XI столѣтія, мѣстами для XII и XIII вѣковъ.

Digitized by Google

ческомъ, растительномъ и звѣриномъ, оказывается, что вся эта масса доселѣ мертваго матеріала оживаетъ, освѣщается внутреннимъ свѣтомъ. Видимо, исторія искусства есть общая наука древности и для этого отдѣла, и только ея принципы и методы могутъ ему придать научный характеръ, а слѣдовательно сдѣлать изъ этого предмета любопытства—предметъ знанія.

Съ другой стороны, какія непреодолимыя трудности встаютъ передъ изслѣдователемъ, если онъ пытается поставить весь матеріалъ мѣстнаго археологическаго отдѣла на почву изслѣдованія художественно-историческаго. Здѣсь, прежде всего, почувствуется полная рознь во мнѣніяхъ, толчея взглядовъ и враждебность, стремящаяся къ первенству, одиночеству и преобладанію; здѣсь доселѣ полная невозможность выработать себѣ общій взглядъ, руководящіе методы и найти точки опоры.

Сколько толкуютъ о прогрессѣ, но какъ только надо его понять по существу, какъ непрерывную историческую связь явленій, его нить разомъ перерывается во всѣхъ тѣхъ пунктахъ, гдѣ есть нація, на памяти исторіи выработавшаяся изъ варварскаго племени, а разъ нить эта порвана, каждый уже тянетъ свой конецъ въ свою сторону. Ученые при этомъ процессѣ слѣдуютъ, конечно, внушеніямъ неодолимаго еще для науки узкаго патріотизма, которымъ они пытаются сдабривать свои обзоры національныхъ древностей, взамѣнъ научнаго анализа, но источникъ этого непониманія кроется, отчасти, въ томъ мракѣ, который окутываетъ еще древности Византіи и Востока. Дѣйствительно, когда скандинавскій археологъ дробитъ исторію европейской орнаментики на историческіе отдѣлы, онъ слѣдуетъ, необходимо, руководству того круга фактовъ, который ему наиболѣе доступенъ. На первомъ мѣстѣ онъ ставитъ, понятно, не римскій міръ, съ необъятнымъ разнообразіемъ его художественныхъ формъ, какъ извѣстно, отовсюду унаслѣдованныхъ, но узкую среду германо-римской орнаментики, т. е. того художественнаго рынка или базара, какой былъ открытъ римскими фабриками и мастерскими въ разныхъ пунктахъ Германіи для ея варваровъ. Если и можно толковать здѣсь о художественномъ «направленіи», которое во время Имперіи будто-бы потянулось на сѣверъ, то развѣ о Галліи, никакъ не о Германіи или Британіи, а масса распространившихся всюду римскихъ издѣлій свидѣтельствуетъ всего менѣе въ пользу существованія самостоятельной Германо-римской орнаментики. Тѣмъ менѣе, стало быть, можно принимать въ серьезную сторону подобный заголовокъ «германо-римской» орнаментики, что тѣже изслѣдователи ищутъ съ особеннымъ вниманіемъ фактовъ самостоятельнаго творчества на сѣверѣ Европы, или даже и находятъ ихъ то въ филиграни, то въ звѣриныхъ формахъ орнамента, въ отличіе отъ римскаго образца.

Съ той поры, какъ стала извѣстна масса оригинальныхъ древностей сѣвернаго Кавказа, береговъ Дона и Венгріи, въ которыхъ столь же поразительны, какъ сторона техническая въ гранатовыхъ инкрустаціяхъ, такъ и художественныя формы въ видѣ птичьихъ и лошадиныхъ головъ, уже невозможно стало поддерживать скороспѣлое заключеніе скандинавскихъ археологовъ, пытавшихся въ скудномъ подражаніи этимъ формамъ на сѣверѣ видѣть совершенно новыя, еще несовершенныя созданія скандинавскаго народнаго воображенія. Извиненіемъ въ этой

Digitized by Google

установить главные типы вещей, мотивы и формы ихъ орнаментики, указать источники всякаго рода предметовъ утвари и убранства въ потребностяхъ и издѣліяхъ собственной же страны, или въ заимствованіяхъ сосѣдней культуры. Образцовый трудъ Линденшмита по «древностямъ меровингской эпохи» [1]) не только освободилъ предметъ отъ пустыхъ схемъ каменнаго, бронзоваго и желѣзнаго вѣковъ, но и устранилъ нужду въ сомнительныхъ устояхъ хронологіи могильныхъ древностей въ видѣ ли теоріи типовъ могилъ, кургановъ и погребальныхъ обрядовъ, но и создалъ твердую историческую почву въ ясно опредѣляемыхъ памятникахъ конечнаго языческаго и начальнаго христіанскаго періода. Линденшмитъ избираетъ первою частью своего общаго обозрѣнія германской древности эпоху разрушенія и возстановленія Римской Имперіи, какъ наиболѣе блестящій отдѣлъ этой древности и «многосторонне важнѣйшій», но который былъ затемненъ прежде ложнымъ представленіемъ грубаго варварства и дикости. Между тѣмъ, именно здѣсь разнообразныя вооруженія, своеобразные уборы изъ золота и серебра, сосуды изъ стекла и металла, многочисленная утварь на всякую потребу проливаютъ свѣтъ на привлекательную картину жизни этого отдаленнаго прошедшаго, и потому исправляютъ сами историческое заблужденіе, установившее фактъ будто бы полнаго уничтоженія римской культуры.

Въ русскихъ древностяхъ періода великокняжескаго господствуетъ подобное же историческое заблужденіе: періодъ этотъ считается темнымъ не по одному лишь отсутствію историческихъ свидѣтельствъ, но и по господствовавшему будто бы въ немъ примитивному варварству; историки заранѣе отказываются изучать бытъ этой темной, безличной, однообразной среды земледѣльческаго быта и первобытнаго состоянія звѣролововъ и кочевниковъ. Между тѣмъ, нельзя принимать, безъ критики и даже рѣшительнаго отпора, тѣхъ заключеній о примитивности древней Руси, которыя сдѣланы нашими историками, только на основаніи буквально понятой морали начальнаго лѣтописца. Нельзя отождествлять добрые нравы, чистые христіанскіе обычаи съ культурою племени, которая напр. могла стоять въ языческомъ періодѣ для извѣстной мѣстности выше, чѣмъ въ періодъ христіанскій, по разнымъ причинамъ. Еще менѣе можно характеристику промысловъ древней Руси начинать съ звѣриныхъ лововъ, рыболовства, бортничества, скотоводства и иныхъ формъ хищническаго пользованія природными богатствами, тогда какъ, очевидно, основнымъ занятіемъ Славянскихъ племенъ было земледѣліе, а рядомъ съ нимъ издревле уживались и развивались по мѣстностямъ, подъ условіемъ торговли, всевозможные промыслы и ремесла. Не было заводовъ, фабрикъ, но тѣмъ больше было мастерскихъ, и такъ какъ, кромѣ Кіева, Новгорода, Чернигова и Смоленска, торговыхъ городовъ было мало, то тѣмъ шире распространялась кустарная промышленность, стоявшая въ домонгольскій періодъ даже выше, чѣмъ въ московское время, въ періодъ стѣсненія торговыхъ сношеній, съуженія страны, обособленія ряда областей на западѣ, югѣ и востокѣ, подъ гнетомъ страшныхъ нашествій.

Русь домонгольскаго періода была, въ народной жизни, богаче, развитѣе, выше ближайшаго послѣдующаго періода, потому, что эта жизнь разливалась шире, во всѣ стороны, и была

[1]) Составляетъ первую часть его соч. *Handbuch der deutschen Alterthumskunde* in 3 Theilen, 1880—9.

Digitized by Google

[illegible] и рельефами Лонбардіи уже намѣчены у Каттанео въ его извѣстномъ трудѣ о исторіи итальянской архитектуры.

Положеніе общей науки исторіи искусства за громадный періодъ IV—X столѣтій можетъ [illegible] общее обозрѣніе разбивается на отдѣлы искусства византійскаго, арабскаго, средневѣковой Италіи, Германіи, Франціи и пр., и если требуется свести важнѣйшія данныя искусства въ одно цѣлое, оказываются большіе пробѣлы, непримиримая рознь во [illegible] и неизмѣнность хронологическихъ опредѣленій. Не мудрено, если сторонняго зрителя удивляетъ необходимость вновь пересматривать каждый вопросъ, сызнова анализировать всякій новый памятникъ. Въ самихъ отдѣлахъ иная бѣда: здѣсь не достаетъ основанія въ обстоятельной археологіи или общей науки «древностей» византійскихъ, арабскихъ и пр. Отчасти въ причинѣ [illegible] предмета, а также особыхъ условій и трудностей арабскаго языка, [illegible] можно было назвать «реаліями», служащими для пониманія арабскихъ писателей, и существующіе могутъ считаться только началомъ будущей сложной науки. [illegible] арабскаго искусства ограничивается нынѣ памятниками архитектуры и [illegible] въ мечетяхъ Амру въ Фостатѣ, Куббетъ-ес-Сахра въ Іерусалимѣ, [illegible]—признаки арабскаго происхожденія. Когда же изслѣдованіе переходитъ к [illegible] Багдада, Каира и Дамаска, то ея памятниками, [illegible] алебастровыхъ фризовъ да нѣсколько образчиков [illegible] существо вопроса объ источникахъ арабскаго искусства [illegible] среды, въ которой сложился «арабескъ», или вообще [illegible] орнаментика, но, вмѣсто непосредственнаго изслѣдованія [illegible] отчасти, мы встрѣчаемъ теоретическія разсужденія [illegible] искусства, о роли фигурныхъ изображеній и т. д., [illegible] лишь въ концѣ исторіи, предлагаются въ ея началѣ, [illegible] заключеніямъ религіознаго характера [illegible] что господство растительныхъ и геометрических [illegible] имѣть свой источникъ въ принципахъ коптскаго [illegible] или даже комментаріяхъ Магометова ученія. Однако, [illegible] формами, что не можетъ быть принятъ [illegible] на [illegible] ошибку изслѣдователей орнаментальнаго [illegible] элементы и находящихъ потомъ эти элементы [illegible] Также врядъ ли научно видѣть въ [illegible] и [illegible] льва, выраженіе орнаментальное [illegible] фигуръ до орнамента: когда такъ дурно [illegible] искусства, перешедшаго въ [illegible]

[illegible] въ арабскомъ искусствѣ, отличается [illegible] фигуръ и геометрическихъ,

Digitized by Google

и животныхъ (плафоны Палатинской капеллы), если только эти послѣдніе допущены въ среду изображеній. Но именно фигуры животнаго и человѣческаго міра какъ бы заканчиваются въ X стол. и появляются только въ исходѣ XII вѣка, съ общимъ возобновленіемъ звѣринаго стиля (о чемъ скажемъ ниже). За это время, основные принципы арабеска, т. е. геометрическая и растительная декорація, примѣняются на громадномъ пространствѣ въ народномъ искусствѣ всей южной Европы: именно въ этой средѣ мы встрѣчаемъ своеобразные арабески вмѣсто античной фигуры, и рисунокъ, исполненный сканью или филигранью и рѣзьбою въ металлѣ, или же подражаніе этой скани въ фонахъ лиственныхъ разводовъ.

Но если извѣстные фоны, съ тоненькими завитками, подражаютъ сканному дѣлу на золотѣ и серебрѣ, то разработка геометрическихъ арабесковъ должна была совершиться въ «накладныхъ работахъ», «штучныхъ наборахъ», damasquinerie и т. п., точно также, какъ самая форма аканѳа, постоянно подставляющаго свой профиль, обусловлена чеканнымъ мастерствомъ. Конечно, рѣзьба и чеканъ, т. е. высѣканіе фоновъ, или углубленныхъ промежутковъ, между рельефными полосами, рѣшетками, зигзагами и т. д., были первою причиною распространенія рѣшетчатаго орнамента, съ «буколами» или пуговицами, гнѣздами камней въ перекрестьяхъ и т. д. Всѣмъ извѣстно, какъ всякаго рода штучные наборы подражаются въ мозаикѣ, фаянсахъ и иныхъ облицовкахъ стѣны, но также металлическія «насѣчки», чернь и прочія соединенія разноцвѣтныхъ металловъ перенесены въ подражательныхъ рисункахъ въ декорацію мечетей и дворцовъ. Когда станетъ возможнымъ направить изслѣдованіе въ эту среду разнообразныхъ художественно-техническихъ процессовъ, которыми издавна славились Персія и Индія и которыя древній міръ передалъ въ наслѣдіе Востоку, тогда и все изслѣдованіе арабскаго искусства будетъ поставлено на научную почву, и намъ уяснятся смѣны художественныхъ формъ и украшеній въ народныхъ древностяхъ средневѣковой Европы. Вотъ въ какомъ тѣснѣйшемъ смыслѣ можно говорить о значеніи русскихъ древностей для западной средневѣковой археологіи, и если такое заключеніе вызываетъ пока полный скептицизмъ ея представителей, то лишь потому, что никто изъ нихъ еще не задавался важнѣйшимъ вопросомъ о происхожденіи художественныхъ формъ, кромѣ скандинавскихъ археологовъ, поспѣшившихъ разрѣшить этотъ вопросъ слишкомъ своеобразно. Вотъ почему также для изученія русскихъ древностей нужно изучать памятники арабскаго искусства, какъ на Востокѣ, такъ и на крайнемъ Западѣ, въ частности, какъ увидимъ, въ Испаніи.

Еще недавно въ исторіи искусства почти совершенно отсутствовала какая бы то ни было серьезная и систематическая обработка матеріаловъ искусства арабовъ, слишкомъ недавно, для того, чтобы мы могли быть требовательны въ нашихъ сужденіяхъ о роли этого искусства. Археологія арабскаго искусства ограничивалась великолѣпнымъ изданіемъ памятниковъ Каира (Prisse d'Avennes, Coste, Bourgoing), и блестящими изслѣдованіями монетъ и исторіи мусульманскаго міра (въ особенности въ трудахъ русскихъ ученыхъ). Но теперь мы имѣемъ уже два опыта систематическаго обзора памятниковъ искусства арабовъ на ихъ родинѣ, въ Сиріи и Египтѣ, и эти обзоры сдѣланы первокласными знатоками его: въ Англіи

Digitized by Google

Станлеемъ Лень-Пулемъ и Гайе во Франціи [1]). Послѣдній, надписывая, съ сожалѣніемъ, свою книгу заглавіемъ: «арабское искусство», находитъ, что никогда терминъ не былъ болѣе лишенъ смысла, никогда не стоялъ въ большемъ противорѣчіи съ предметомъ изслѣдованія, какъ въ этомъ случаѣ. Копты, Ливійцы, Персы, Греки, Сирійцы, словомъ всѣ народы, покоренные исламомъ, принесли свою часть въ сокровищницу искусства, которое напрасно пробовали называть то мусульманскимъ, то сарацинскимъ, то—всего неправильнѣе—мавританскимъ. Весьма возможно, что роль Сиріи въ выработкѣ основнаго монументальнаго и декоративнаго типа арабскаго искусства была незначительна, и что главною родиною его должно признать, какъ хотятъ въ послѣднее время, Египетъ. И древняя Финикія была всегда болѣе фабричнымъ, нежели художественнымъ центромъ, и какъ въ политическомъ отношеніи играла второстепенную роль области, смѣнявшей своихъ завоевателей, такъ и въ культурномъ была по существу лишь посредницею, передаточнымъ пунктомъ, мѣстомъ всемірныхъ ярмарокъ и родиною оптовой торговли. Если мы теперь въ Сиріи находимъ памятники всѣхъ важнѣйшихъ художественныхъ школъ: отъ древне-египетской, греческой, персидской, до римскихъ монументовъ, древне-византійскихъ церквей, первыхъ мечетей и пр., то напрасно ищемъ богатствъ сирійскихъ мануфактуръ, забывая, что торговля разнесла ихъ съ самаго начала по всему древнему міру, въ видѣ крашеныхъ полотняныхъ и шелковыхъ тканей, затканныхъ разноцвѣтною шерстью серебромъ и золотомъ, издѣлій стеклянныхъ, всѣхъ возможныхъ видовъ утвари и украшеній, драгоцѣнностей ювелирнаго и золотыхъ дѣлъ мастерства. Конечно, и въ этомъ послѣднемъ родѣ декоративнаго искусства средневѣковая Сирія не была самостоятельна, какъ и древняя Финикія, воспроизводившая типы, изобрѣтенные Египтомъ, Греціею, Месопотаміею, и въ эпоху появленія арабовъ, богатые центры побережья: Антіохія, Дамаскъ, Газа работали въ разныхъ отрасляхъ художественной промышленности и совмѣщая различные стили, отъ византійскаго и коптскаго до персидскаго включительно. Но наше предположеніе сирійскаго происхожденія металлическихъ украшеній, ввозившихся арабскими купцами, вмѣстѣ съ тканями, бусами, ароматами, стеклянными вещами и драгоцѣнными камнями, указано намъ отчасти самыми типами этихъ древностей. Ближайшее изученіе предметовъ древности IX — X столѣтій показываетъ, что ихъ прототипы и образцы выработались, быть можетъ, именно въ мастерскихъ Сиріи и отсюда, черезъ посредство арабовъ, распространились на востокъ и по сѣверовосточной Европѣ.

Сирійское происхожденіе многихъ, наиболѣе драгоцѣнныхъ золотыхъ и серебряныхъ издѣлій средневѣковой Европы въ эпоху съ VI по VIII столѣтіе подтверждается и тѣмъ доселѣ смутнымъ обстоятельствомъ смѣны такъ называемыхъ «сассанидскихъ» сосудовъ за указанный періодъ «арабскими» въ IX и X стол. Очевидно, что слово «сассанидскій», хотя и опирается на художественный характеръ извѣстныхъ блюдъ, представляющихъ охоты царей изъ династіи Сассанидовъ, вѣрнѣе указываетъ на время происхожденія, чѣмъ на мѣсто. Какъ сказано, слово «арабскій» уже давно считаютъ лишь условнымъ терминомъ, которымъ приходится

[1]) Stanley Lane Poole, *The art of the Saracens in Egypt*, 1886. Gayet, Al. *L'art Arabe.* 1893.

Digitized by Google

называть вообще восточныя издѣлія въ періодъ распространенія ислама, но который уже пробовали замѣнять разновременно терминами: *стиль мусульманскій*, *сарацинскій*; какъ говорено выше, Гайе въ своемъ новѣйшемъ сочиненіи, озаглавленномъ: «Арабское искусство», высказывается такъ противъ этого титула: «если когда нибудь бывало заглавіе пустое и лишенное смысла, то именно это: «арабское искусство», которое, къ моему крайнему сожалѣнію, я долженъ былъ поставить на своей книгѣ. Арабъ никогда не былъ артистомъ» и проч. И, дѣйствительно, говоря объ арабскихъ серебряныхъ сосудахъ, легко признать, что арабскаго въ нихъ самое большее—надпись на арабскомъ языкѣ, а мы знаемъ, что латинская надпись не дѣлаетъ вещь римскою. Съ другой стороны, это нами указанное сочиненіе знаетъ въ арабскомъ промышленномъ искусствѣ и стекла, и ковры, и бронзы, и оружіе, но не знаетъ вовсе издѣлій золотыхъ и серебряныхъ и не поминаетъ ни одного памятника этого мастерства или рѣзьбы въ слоновой кости. Между тѣмъ, достаточно сказать, что мы имѣемъ уже цѣлый рядъ подобнаго рода памятниковъ въ испанскихъ собраніяхъ, въ ризницѣ ц. Св. Марка, въ Кенсингтонскомъ и Британскомъ музеяхъ Лондона, въ коллекціи Базилевскаго—нынѣ въ Эрмитажѣ С.-Петербурга, тамъ же нѣсколько чашъ съ Кавказа и т. д., но для насъ важнѣе фактъ нахожденія въ Пермской губ. въ Соликамскомъ уѣздѣ (въ 1895 году) серебрянаго сосуда съ арабскою надписью, по изображеніямъ, ихъ стилю и техникѣ чрезвычайно близкаго къ сассанидскимъ сосудамъ и вмѣстѣ къ серебрянымъ издѣліямъ X—XII столѣтій, находимымъ въ Россіи.

Въ другомъ выпускѣ нашего труда, гдѣ намъ прійдется разбирать клады Воронежской губерніи, находки приволжскія и прикамскія, мы еще будемъ имѣть случай подробно говорить о томъ греко-восточномъ стилѣ, который представляется намъ древностями сѣвернаго Кавказа, береговъ Дона, а также вѣтвями этой юго-восточной культуры, достигшими Великихъ Болгаръ и Перми, и который, на нашъ взглядъ, тѣсно связанъ съ древностями кочевыхъ ордъ, господствовавшихъ, послѣ переселенія народовъ, отъ Каспійскаго моря до Карпатъ. Начала этого стиля могутъ быть изучаемы въ древностяхъ Сибири [1]), а конечныя формы—въ древностяхъ Венгріи [2]): эти послѣднія и по множеству данныхъ стиля и также по византійскимъ монетамъ, сопровождающимъ находки, настолько близки по времени къ начальному періоду древностей восточныхъ славянъ, въ частности «русскихъ» или кіевскихъ, что уже простое сопоставленіе главнѣйшихъ художественныхъ признаковъ можетъ подтвердить нашу мысль. Дѣйствительно, въ древностяхъ русскихъ VIII—X стол. мы не находимъ золота, а почти исключительно серебро, ни гранатовыхъ инкрустацій и вообще всякихъ цвѣтныхъ накладокъ, ни украшеній изъ драгоцѣнныхъ камней, оникса и пр.; вмѣсто прежней рѣзьбы въ золотѣ, бронзѣ, рѣзьбы, напоминающей работу въ деревѣ [3]), съ накладною басменнаго дѣла, мы находимъ почти исключительно украшенія филиграневыя, сканныя, наколомъ, пунктиромъ, рѣже чеканомъ. Что самое главное — это бѣдность въ древностяхъ Кіевской Руси, на первое время, всякой

[1]) *Русскія Древности въ памятникахъ искусства*, вып. III.
[2]) Hampel Jozsef, A Regibb Középkor (IV—X század) emlekei Magyarhornban. I, Budapest, 1894.
[3]) Ibid., табл. 64—5, 72—3, 90—4, 128, 131.

Digitized by Google

орнаментаціи изъ міра животныхъ, тогда какъ въ древностяхъ Венгріи преобладаетъ своего рода «звѣриный стиль» [1]). Въ этомъ преобладаніи геометрическихъ формъ и растительнаго типа украшеній въ русскихъ древностяхъ всего естественнѣе видѣть общій примитивный типъ уборовъ племени, покинувшаго давно насиженныя мѣста и еще разселяющагося на новыхъ.

Возьмемъ для примѣра всѣмъ извѣстную пару турьихъ роговъ, оправленныхъ въ серебро и найденныхъ Д. Я. Самоквасовымъ въ Черниговскомъ курганѣ «Черная могила» съ византійскими монетами, судя по которымъ, самые рога не могутъ быть позднѣе 960-хъ годовъ. Серебряная оправа украшена на одномъ орнаментами, повторенными въ каирскихъ мечетяхъ и на прилѣпахъ церкви Юрьева Польскаго, на другомъ рогѣ представлена охота варваровъ съ луками на птицъ и два сплетенія изъ пары грифоновъ и драконовъ, весьма близкаго рисунка и техники съ серебряными бляшками Гнѣздовскаго могильника. Извѣстно, что по первому наблюденію, сохраняющему и доселѣ свою силу, эти бляшки были сочтены арабскими привозными издѣліями, тогда какъ было и другое мнѣніе, видѣвшее въ нихъ, какъ затѣмъ и во всемъ могильникѣ, древности варяжскія, т. е. скандинавскаго происхожденія. Утверждать послѣднее значитъ ничего не утверждать, такъ какъ именно въ средѣ художественныхъ издѣлій скандинавской древности даже ея отечественные археологи многое относятъ къ привознымъ арабскимъ издѣліямъ. Но если мы еще рѣшаемся, согласно съ здравымъ смысломъ, считать возможнымъ ввозъ арабскими торговцами мелкихъ орнаментированныхъ бляшекъ, то, очевидно, при первомъ взглядѣ на громадные турьи рога, что это произведеніе мѣстное, кіевское, а эта гипотеза сразу объясняетъ намъ многое не только въ сферѣ русскихъ древностей, но и въ общемъ движеніи искусства и культуры въ X вѣкѣ.

Пара турьихъ роговъ Черниговскаго кургана была оправлена въ серебро, вѣроятно, съ обоихъ концовъ, но изъ этой оправы уцѣлѣла только кайма на широкихъ концахъ и обрывокъ перехвата на срединѣ одного рога; куда дѣвалась остальная оправа, неизвѣстно. Но и эти остатки оправы, по своему орнаменту и по своей древности составляютъ замѣчательный памятникъ, относящійся къ X столѣтію. Извѣстно, что съ этою парою турьихъ роговъ, въ «Черной могилѣ» было найдено двѣ золотыя монеты императоровъ Василія I и Константина IX (изд. у Сабатье, таб. 44, фиг. 22, по опредѣленію А. В. Орѣшникова), отца съ бородою и сына безбородаго, и половинный обрубокъ золотой же монеты братьевъ Константина X и Романа II (948 — 959 гг.). Но такъ какъ этотъ обрубокъ представляетъ замѣчательную сохранность, доказывающую, что цѣлая монета вовсе не была въ обращеніи, а первыя двѣ монеты уже потерты и относятся къ 869—870 году, то можно полагать, что устройство «Черной могилы» относится ко второй половинѣ X столѣтія, тѣмъ болѣе, что уже въ 992 году въ Черниговѣ былъ поставленъ митрополитъ Неофитъ, и, конечно, приведены къ крещенію всѣ его жители, такъ что устройство подобнаго языческаго кургана, по мнѣнію его изслѣдователя, было бы невозможно позднѣе [2]).

[1]) Ibid. табл. 35, 64—5, 73—4, 78, 82, 92—3.

[2]) Древній образецъ рога, съ серебряною оправою, описанный въ отчетѣ И. Арх. Комм. за 1891 г., стр. 76—9 и здѣсь издаваемый въ рисункахъ 5 и 6, представляетъ знаменательное сходство съ Черниговскими рогами: оправа

Digitized by Google

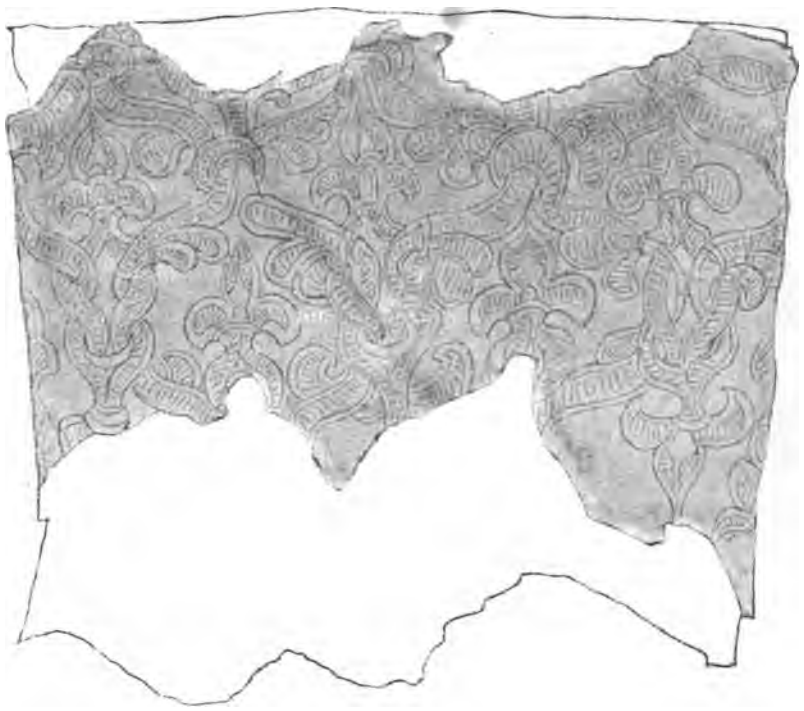


Рис. 2. Серебряная оправа турьяго рога, найденнаго въ Черниговскомъ курганѣ «Черная могила». Моск. Истор. музей.

Рис. 3. Часть оправы Черниговскаго рога.

Рис. 4. Развернутый рисунокъ фриза на серебряной оправѣ другаго турьяго рога, найденнаго въ Черниговскомъ курганѣ.

Рисунки наши не вполнѣ (рис. 2, 3, 4) представляютъ оправу съ технической стороны фонъ ея сплошь покрытъ кружками наколомъ, выполненными также точно, какъ на серебряныхъ сосудахъ изъ Перми, позднѣйшаго характера; помянутая серебряная фляжка, найден-

имѣетъ, однако, ширину не болѣе 1 вершка; серебряная пластинка на мѣстѣ укрѣпленія ножки была вызолочена, но оказалась раздавленною. Рогъ найденъ въ курганѣ, въ 7 верстахъ отъ Симферополя. При прахѣ были желѣзные дротики, топоръ, котораго деревянная рукоять была обвита золотою лентою; у пояса точильный брусокъ, съ рукоятью въ золотой оправѣ; на шеѣ была золотая гривна съ наглавниками въ видѣ львиныхъ головокъ; на правой рукѣ золотое кольцо змѣйкою, на лѣвой—серебряное съ печатью; въ гробницѣ найдена вазочка чернаго лаку, глиняный кувшинъ и амфора. Древности относятся къ эпохѣ до Р. Х.

Digitized by Google

и художественныхъ свое древнее родство съ русскими древностями. Мы находимъ у Арабовъ тѣ же цѣпи и цѣпочки; фибулы изъ Дамаска имѣютъ форму кольца съ утолщенными концами и иглою, подвѣски ожерелій и тамъ въ видѣ бляхъ, или также въ формѣ летящихъ птичекъ, двуглавыхъ птицъ, въ видѣ крина; тамъ находимъ пары плечевыхъ фибулъ съ подвѣсками въ типѣ мерянскихъ, обручи громадныхъ размѣровъ съ наглавниками и насѣчкою и пр.

Когда появится въ свѣтъ изданіе серебряныхъ сосудовъ такъ называемой сассанидской эпохи изъ Пермскаго края, предпринятое, по порученію Императорской Археологической Комиссіи, нашимъ молодымъ ученымъ Я. И. Смирновымъ, тогда пополнится и серія документовъ, необходимыхъ для научнаго построенія исторіи арабскаго искусства, а между ними будутъ и памятники, исполненные въ томъ родѣ техники и съ тѣмъ характеромъ орнамента, которые мы изслѣдуемъ. Пока мы укажемъ только на серебряный сосудъ изъ Соликамска (находки 1895 г.) и серебряный сосудъ въ собраніи Е. И. В. В. К. Алексѣя Александровича: тотъ и другой относятся къ X вѣку. Что касается многочисленныхъ издѣлій мѣдной посуды, украшенной серебряною и черневою инкрустаціею (таушировкою, all'agemina) и рѣзьбою, то сама эта техника началась только въ XIII вѣкѣ, къ которому и относится большинство лучшихъ образцовъ, начиная съ такъ называемой чаши св. Людовика въ Луврѣ и кончая многочисленными собраніями Кенсингтонскаго Музея, Императорскаго Эрмитажа и пр. [1]); предположеніе, что эта техника происходитъ еще изъ древней Ассиріи и существовала постоянно, пока ничѣмъ реальнымъ не подтверждается, и потому въ искомомъ подборѣ памятниковъ получается странный рѣзкій перерывъ въ два вѣка.

Въ самой Испаніи мы встрѣтили для исторіи варварскаго искусства между IV—X столѣтіями нѣсколько вещей, случайно добытыхъ изъ земли: въ Мадридѣ, въ Археологич. Музеѣ, двѣ бронзовыя пряжки [2]), неизвѣстнаго происхожденія, орнаментированныя птичьими головами, на подобіе готскихъ древностей. Въ Гигеруела (Higueruela), провинціи Альбасеты, въ 1867 г. найденъ былъ рядъ *золотыхъ вещей* (намъ извѣстныхъ только по фотографическому снимку, оказавшемуся въ Музеѣ Кордовы): колье изъ десяти золотыхъ бусъ, украшенныхъ сканью, въ видѣ полосокъ и кружковъ (кіевскаго типа), а также пупырчатыхъ и продолговатой формы, четырехъ квадратныхъ пластинокъ побольше, орнаментированныхъ съ лица сканью, и 4 поменьше съ гнѣздами для камней, пары круглыхъ съ гнѣздами, и одной бляшки въ видѣ звѣзды о 6 лучахъ съ гнѣздомъ для жемчуга; вещи относятся къ IX—X стол. Подобной же техники большой *крестъ* въ соборѣ Obiedo, такъ называемый крестъ Пелагія, короля Леона († 737). Ко всѣмъ этимъ предметамъ мы еще обратимся ниже, какъ къ пособію для характеристики русскихъ древностей X—XI столѣтій. Между тѣмъ, за весь періодъ X—XI вѣковъ изъ металли-

---

[1]) Stanley Lane Poole, *The art of the Saracens in Egypt*. 1886, Глава VII, о металлическихъ издѣліяхъ, стр. 151—158, 170—200, съ описаніемъ 27 вещей.

[2]) Залъ арабскаго иск., № 908 и 1014.

Digitized by Google

ческихъ вещей мы знаемъ въ Испаніи только чашу или потиръ въ церкви св. Исидора въ Леонѣ, изъ яшмы, въ золотой сканной оправѣ, съ именемъ короля Фердинанда I, выложеннымъ сканью на ножкѣ,—вещь замѣчательную и для насъ чрезвычайной важности по техническому тождеству съ нашими древностями, но не знаемъ вовсе металлическихъ издѣлій арабскаго происхожденія. Инаго мастерства арабскихъ вещей, напротивъ того, много и въ Европѣ (гдѣ, конечно, всѣ эти вещи отлично извѣстны и вошли въ общія руководства по исторіи арабскаго искусства) и въ Испаніи, гдѣ, однако, эти вещи еще остаются мало извѣстными даже спеціалистамъ. Для нашей задачи эти предметы важны только какъ указаніе проявляющагося въ нихъ «звѣринаго стиля», правда, въ своеобразной восточной формѣ отдѣльныхъ флероновъ съ обычными сюжетами: пирующаго царя, двухъ всадниковъ, воиновъ на слонахъ, охоты, грифовъ, орловъ, павлиновъ, хищника, терзающаго газель и пр. Пару шкатулокъ этого типа можно видѣть въ Мадридѣ, въ Археологическомъ Музеѣ (№ 1015 и 1053); замѣчательной

Рис. 7. Рельефъ на Мавританскомъ водоемѣ, находящемся въ Валенсіи, XII вѣка.

работы, большая шкатулка въ соборѣ Пампелуны, относится къ XI—XII вѣкамъ, какъ вообще всѣ рѣзныя шкатулки изъ слоновой кости, дерева и пр. Все это произведенія ремесленныя, мало вносящія новаго въ исторію. Изъ произведеній скульптуры въ камнѣ любопытны водоемы мечетей или чаши омовеній (pila de abluciones). Таковъ извѣстный водоемъ въ Альгамбрѣ съ грубыми барельефами, представляющими львовъ, терзающихъ четыре газели, и колоссальную птицу, уносящую на своихъ крыльяхъ и въ когтяхъ разныхъ звѣрей. Другой водоемъ, происходящій изъ Севильи, по мнѣнію Испанцевъ, изъ бывшаго когда то волшебнаго дворца Medinat az Zahira, близь Кордовы, построеннаго Аль-Манзоромъ, намѣстникомъ халифа, украшенъ только орнаментальными аркадами и въ нихъ растеніями. Третій водоемъ изъ Валенсіи (Jatira), относящійся къ XII вѣку и нами здѣсь издаваемый въ рисункѣ (рис. 7), кромѣ обычныхъ сценъ битвы всадниковъ и возвращенія съ охоты, представляетъ еще въ медальонахъ сплетшихся павлиновъ, льва, терзающаго животное, и странную фигуру, кормящую младенца. Бросающееся въ глаза сходство фигуръ охотниковъ, ихъ рубашекъ и чресленныхъ препоясаній у рабовъ, съ фигурами Черниговскаго рога побуждаетъ насъ, кромѣ изданія этого любопытнаго памятника, путемъ сближенія указать на отдаленный восточный оригиналъ.

Digitized by Google

Итакъ, по техникѣ, пріемамъ украшенія и орнаменту, Черниговскіе рога, дѣйствительно, представляютъ ранній памятникъ того восточнаго искусства, которое, при посредствѣ сирійской промышленности и арабскихъ торговцевъ, было непосредственно передано крайней восточной и крайней западной Европѣ, но котораго формы были, затѣмъ, развиты всею южною Европою и черезъ посредство Германіи перешли на сѣверъ. Это не былъ, и для IX—X вѣковъ не могъ быть, собственно арабскій стиль, но лишь продолженіе сассанидскаго періода, и звѣриный стиль, здѣсь наблюдаемый, есть своего рода старина, которая потомъ, въ передовыхъ мѣстностяхъ и декоративныхъ работахъ исчезаетъ и замѣняется стилемъ растительной орнаментики, точь въ точь, какъ такая же орнаментика въ стилѣ готическомъ, принявъ сначала старый романскій «звѣриный стиль», затѣмъ его покидаетъ. Но старина восточнаго звѣринаго стиля не исчезаетъ, она становится достояніемъ народныхъ художествъ (напр. въ *поливной посудѣ*, о чемъ ниже) и доживаетъ до XII вѣка, когда вновь переходитъ въ орнаментику южной и сѣверозападной Европы, подъ именемъ «стиля романскаго». Понятно, какое значеніе получаетъ кіевская Русь въ исторіи этихъ броженій вкусовъ и стилей, связанныхъ съ передачею вѣковой культуры Востока европейскому Западу.

Тѣсныя преемственныя связи древней Руси съ современною культурою древняго Востока вспоминаются по преимуществу нашими былинами. Когда былина описываетъ городъ, то что̀ бы она ни разумѣла подъ «Индіею богатою», воспѣвая то ея «бѣлокаменныя палаты» съ «точеными» колоннами, «золочеными крышами», то «самоцвѣтныя маковки» церквей и «сорочинскія сукна», «разостланныя» «на мостовыхъ», но пѣвецъ въ своемъ воображеніи рисуетъ такую же восточную картину, старинное начертаніе былаго, какъ Гомеръ, когда, представляя себѣ древнефиникійскія издѣлія, описываетъ щитъ Ахиллеса. Въ «крѣпкой городской стѣнѣ» ворота желѣзные, «крюки-засовы все мѣдные, стоитъ подворотня—дорогъ рыбій зубъ, мудрены вырѣзы вырѣзано, а и только въ вырѣзу мурашу пройти»—повидимому, восточная ажурная рѣзьба, съ выкладкою, работы индо-персидскихъ мастерскихъ. Еще яснѣе детали восточной архитектуры въ воспѣваемыхъ «трехъ теремахъ златоверховыхъ»: «красота поднебесная» тамъ дворъ—на семи верстахъ; около двора—желѣзный тынъ, на всякой тынинкѣ—по маковкѣ, по жемчужинкѣ. Первыя ворота—вальящатыя, другія—хрустальныя, третьи—оловянныя. Подворотенки—серебряныя (или рыбій зубъ). При входѣ блеста̀ позолоченая (кольцо). Терема—высокіе, златоверхіе, или съ золотыми маковками: палата—бѣлокаменная: крыльцо—бѣлодубовое: сѣни—рѣшетчатыя или стекольчатыя. Грядки—бѣлодубовыя, покрыты сѣдымъ бобромъ, потолокъ—черныхъ лисицъ; матица вальженая, полъ середа одного серебра, а иногда кирпичный. Крюки да пробои у дверей по булату злачены. Окошки косящетыя, оконницы хрустальныя или стекольчатыя, причалины серебряныя, обиты окошечки лисицами, куницами и соболями. Столбы въ палатѣ—деревянные, точеные, повыше рукъ золоченые. Хорошо въ теремахъ изукрашено: на небѣ солнце, въ теремѣ солнце, на небѣ мѣсяцъ, въ теремѣ мѣсяцъ, на небѣ звѣзды, въ теремѣ звѣзды, на небѣ заря и въ теремѣ заря и вся красота поднебесная».

Обиліе драгоцѣнныхъ камней въ конскомъ уборѣ—ясная картина восточнаго варварства:

Digitized by Google

«у коня промежъ глазъ (*начельникъ*) и подъ ушами самоцвѣтное насажено каменье, да не для ради красы да молодецкія, для ради осеннихъ темныхъ ноченекъ» (свѣтящійся амулетъ), и «камни самоцвѣтные, все яхонты втираны» въ стрѣлы Дюка Степановича. Чудный сынъ, приносимый Настасьею Королевичною молодцу Дунаю, представляетъ ребенка, покрытаго серебромъ и золотомъ (идола): по колѣна ножки въ серебрѣ, по локотки ручки въ золотѣ, по головѣ, по косицамъ звѣзды частыя. Изъ восточныхъ рѣдкостей взятъ и тотъ хрустальный ларецъ, въ которомъ Святогоръ богатырь везетъ на плечахъ свою жену богатырскую, когда полякуетъ или кочуетъ. И если пѣвецъ живописуетъ намъ пріѣздъ королевича, или паленицы къ богатырской заставѣ, что «по праву руку молодца летитъ ясенъ соколъ, на рукахъ онъ держитъ третра перо (вабило), сквозь пера не видно лица бѣлаго», то въ основу этой картины должны были лечь тѣ безчисленныя изображенія царя на соколиной охотѣ, съ летящимъ поверхъ его соколомъ, которыя переданы на восточной утвари, ларцахъ, зеркалахъ, и пр. Всѣ былинныя представленія нынѣшнихъ одеждъ, шелковыхъ рубахъ, куньей шубы, ожерелій или воротниковъ, полны восточныхъ деталей: шелкъ, камка, дорогая «струйчатая» (полосатыя, двуцвѣтныя: зеленое съ краснымъ, бирюзовое съ пурпуромъ, бѣлое съ коричневымъ, сирійскія ткани, бывшія въ модѣ въ византійской имперіи съ X вѣка), ткани строчены золотомъ и серебромъ, смурые кафтаны изъ «рудожелтой тафты» («золотная»), и на «цвѣтномъ» платьи Дюковой матушки были подведены луна поднебесная, красное солнышко, свѣтелъ мѣсяцъ и частыя звѣздочки. Извѣстно по фантастичности описаніе золотыхъ пуговокъ кафтана у Чурилы Пленковича и Дюка Степановича: въ каждой пуговкѣ было влито по доброму молодцу, въ каждой петелькѣ по красной дѣвушкѣ: какъ застегнутся, такъ и обоймутся, а разстегнутся, такъ поцѣлуются; или въ петли было вплетено по лютой змѣѣ, а въ пуговки влито по лютому звѣрю, и какъ станетъ Дюкъ плеточкой по пуговкамъ поваживать и пуговку о пуговку позванивать, такъ запоютъ птицы пѣвучіе, закричатъ звѣри рыкучіе, засвищутъ змѣи во всю голову; или какъ станетъ Илья тросточкою по пуговкамъ поваживать, лютые львы разревѣлись, а на каждой пуговкѣ по заморскому льву. Но и эта фантастическая картина имѣетъ также свое реальное основаніе въ тѣхъ восточныхъ художественныхъ образцахъ Сиріи, Персіи и Индіи, которые еще въ IX—X столѣтіяхъ положили основаніе въ уборахъ мужскихъ, женскихъ и конскихъ основаніе позднѣйшему такъ наз. звѣриному стилю; уже одно упоминаніе заморскаго льва должно было бы намъ указать на Востокъ, если бы мы не знали происхожденія этого стиля по вещамъ. Конечно, мы пока еще не можемъ съ точностью рѣшить, какого именно рода шапки разумѣются подъ колоколами, надѣваемыми на голову нѣкоторыми богатырями, но если мы поймемъ, почему при словѣ «колоколъ» пѣвецъ уже воображаетъ себѣ мѣдный колоколъ, въ сорокъ пудъ, то также легко представить себѣ, что это будетъ шляпа земли греческой и пр., и что пѣвцу, согласно съ эпическимъ творчествомъ, достаточно было въ реальныхъ предметахъ искусства, непремѣнно чуждаго, а потому таинственнаго, полнаго внутренней жизни, особаго смысла, волшебной силы, имѣть живую, органическую форму, чтобы придать ей самое движеніе жизни. Какъ яркая черта среднеазіатскаго

Digitized by Google

Востока, представляются намъ металлическія украшенія, золотые плащи (стар. вмѣсто «бляхи») на шапкахъ, черныхъ мурманкахъ, ушастыхъ, пушистыхъ, завѣсистыхъ, что «спереди сведенъ да то свѣтелъ мѣсяцъ (въ современныхъ головныхъ уборахъ Индіи), а вокругъ то сведены частыя звѣзды, на верху шеломъ (поверхъ шапки, золотой, ср. шапку Мономаха) какъ будто жаръ горитъ». И кажется, излишне прибавлять, что именно изъ восточныхъ обычаевъ взято представленіе о тѣхъ, часто громадныхъ, зонтахъ, подсолнечникахъ (въ смыслѣ зонта, не растенія), которые носятъ надъ знатными особами, чтобы отъ краснаго солнца не запеклось лицо бѣлое». Равно было бы излишне перечислять черты восточнаго происхожденія въ описаніяхъ кованаго сѣдла черкасскаго, панцырей «чиста серебра», кольчугъ «красна золота», куяка (щитковыхъ или наборныхъ латъ изъ бляхъ, нашитыхъ на сукно), литой палицы съ кольцомъ, шелепуги (плети) или шалыги дорожной, или «плеточки шемахинской». Въ общей сложности, можно было бы даже прибавить, что поэмы и пѣсни монгольскихъ и тюркскихъ племенъ представляютъ, по сходству деталей архитектуры, вооруженія, одежды, убранства, какъ бы прототипъ русскихъ былинъ, только болѣе богатый, оригинальный, но эта близость нашихъ былинъ и поэмъ зависитъ отъ того, что онѣ воспроизводятъ одинъ и тотъ же имъ близкій, но равно имъ чуждый образецъ, извѣстный изъ эпическихъ разсказовъ, той высокой культуры мусульманскаго Востока, которая, съ поразительною быстротою, разцвѣла въ Египтѣ, Сиріи, Месопотаміи и Персіи въ IX—X вѣкахъ. Характерно уже и то, что всѣ эти детали восточнаго происхожденія приведены въ русскихъ былинахъ, такъ сказать, въ мѣру, что наиболѣе облегчаетъ пѣвцу композицію, даетъ ей ясность, а движенію его экспрессію, чего именно, за подавляющею массою деталей, часто недостаетъ въ тюркскихъ сказаніяхъ. Правда, изъ этого сходства обстановки, равно какъ тождества деталей нельзя заключать о непосредственной зависимости русскихъ былинъ отъ тюркскихъ пѣсенъ, за то, и здѣсь близость сюжетовъ говоритъ намъ объ основной близости культуръ: древней восточной и новой славянской, также какъ, по обилію львовъ, фантастическихъ и крылатыхъ звѣрей на древнѣйшихъ греческихъ вазахъ археологъ безспорно заключаетъ о той или иной связи, художественной и бытовой, древней Греціи съ передне-азіатскимъ Востокомъ.

И, дѣйствительно, изъ «Книги путей и государствъ» Ибнъ-Хордадбе, арабскаго географа, писавшаго въ 860 годахъ, мы имѣемъ полное основаніе утверждать, что во второй половинѣ IX вѣка русскіе купцы ходили съ товарами до Багдада, а этотъ писатель зналъ о восточныхъ Славянахъ и русскихъ, повидимому, по лично-добытымъ извѣстіямъ, такъ какъ ему было легко пріобрѣсти ихъ во время его бытности начальникомъ почтъ въ Персидскомъ Иракѣ; только этотъ арабскій писатель знаетъ Славянскихъ князей, славянское происхожденіе Русовъ и пр. Полный, но къ сожалѣнію испорченный текстъ этого свидѣтеля гласитъ: «Путь купцовъ Евреевъ, которые говорятъ по-персидски, по-гречески, по-арабски, по-французски, по-андалузски, и по-славянски: они путешествуютъ съ Запада на Востокъ и Востока на Западъ моремъ и сушей. Что же касается купцовъ Русскихъ—они же Славянскаго племени—то они вывозятъ мѣха выдры (или бобра), черныхъ лисицъ и мечи изъ дальнѣйшихъ концовъ Сла-

Digitized by Google

вянской земли къ Румскому (греческому—Черному или Средиземному) морю, и царь Рума (Византійскій) беретъ съ нихъ десятину (пошлину вообще). А если желаютъ, то ходятъ на корабляхъ по Славянской рѣкѣ (Волгѣ), проходятъ по заливу Хазарской столицы (Итиль), гдѣ владѣтель ея беретъ съ нихъ десятину. Затѣмъ они ходятъ къ морю Джурджана (Грузинскому—юговосточная часть Каспійскаго моря) и выходятъ на любой берегъ. Иногда же они привозятъ свои товары на верблюдахъ въ Багдадъ. Иногда купцы берутъ путь за Арменіею, въ странѣ Славянъ, затѣмъ къ заливу столицы Хазарской, затѣмъ въ море Джурджана, затѣмъ къ Балху и Мавараннагру, потомъ до Сина (Китая)». А такъ какъ арабскій писатель жилъ въ то время, когда Новгородская (и Кіевская) область получила названіе Руси по преимуществу, то полагаютъ, что это были купцы Новгородскихъ Славянъ, которые, объѣхавъ предварительно области западно-русскихъ Славянъ и запасшись западно-европейскими товарами, ходили двумя путями въ Индію и Китай: сѣвернымъ, черезъ Среднюю Азію, и Южнымъ, черезъ Дамаскъ, Багдадъ и Синдъ. Другой безыменный арабскій писатель X вѣка, повторяя всѣ извѣстія Ибнъ-Хордадбе, прибавляетъ только, что Славянскіе купцы пристаютъ на Каспійскомъ морѣ въ Реѣ: «удивительно, что этотъ городъ есть складочное мѣсто всего міра».

Однако, вообще всѣ свидѣтельства арабскихъ писателей о Славянахъ и Руси только тогда могутъ быть принимаемы, безъ оговорокъ, когда будетъ вполнѣ выяснена этнографическая и географическая терминологія восточныхъ писателей по этому древнѣйшему историческому періоду, чего далеко нельзя сказать доселѣ, и кромѣ того, именно въ этой части арабскихъ извѣстій даже показанія очевидцевъ нельзя поддерживать съ полнымъ убѣжденіемъ, а тѣмъ болѣе свѣдѣнія, повторяемыя многочисленными компилятивными сочиненіями X—XII столѣтій. Извѣстно, какъ далеко уходятъ отъ реальной дѣйствительности арабскія описанія Константинополя и византійскаго двора, а потому тѣмъ съ большею осторожностью должно относиться къ свѣдѣніямъ о необозримыхъ и мало доступныхъ Слявянскихъ странахъ, ихъ племенахъ и обычаяхъ. Самымъ характернымъ примѣромъ служитъ то явное и грубое смѣшеніе Славянъ, Русовъ—Норманновъ и волжскихъ Булгаръ въ одно племя Славянъ или Русовъ, съ главнымъ городомъ Булгара, въ которомъ живетъ ихъ царь, у наиболѣе извѣстнаго изъ всѣхъ арабскихъ писателей Ибнъ-Фадлана, отправленнаго въ 920 годахъ халифомъ въ посольской свитѣ къ новообращеннымъ въ мусульманство волжскимъ Булгарамъ. Критическій анализъ извѣстій Ибнъ-Фадлана объ этихъ мнимыхъ Славянахъ: ихъ погребальныхъ и религіозныхъ обрядахъ (идолы въ видѣ столбовъ, сожженіе въ лодкѣ, удушеніе любимыхъ наложницъ), о ихъ царѣ, его колоссальномъ тронѣ, его жизни на лошади, 400 воинахъ тѣлохранителяхъ, безотлучныхъ прислужницахъ рабыняхъ, жилищахъ въ видѣ саклей и другихъ мелкихъ данныхъ быта, одеждъ и украшеній, все приводитъ къ окончательному убѣжденію, что въ Русахъ Ибнъ-Фадлана, а за нимъ и нѣкоторыхъ другихъ арабскихъ писателей, не возможно видѣть русскихъ Славянъ въ первую эпоху ихъ исторической жизни. Разсказы эти, по всей видимой реальности, въ высшей степени важны и любопытны для различныхъ финнскихъ и тюркскихъ народовъ с.-восточной Россіи, быть можетъ, именно волжскихъ Бул-

Digitized by Google

Рис. 20. Изъ коптской рукописи IX в.

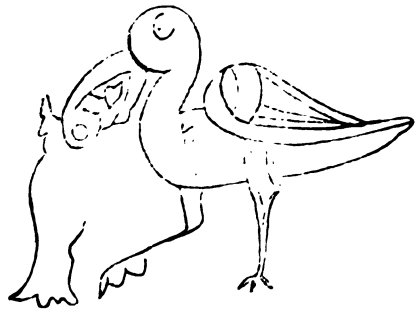


Рис. 21. Изъ коптской рук. IX—X в.

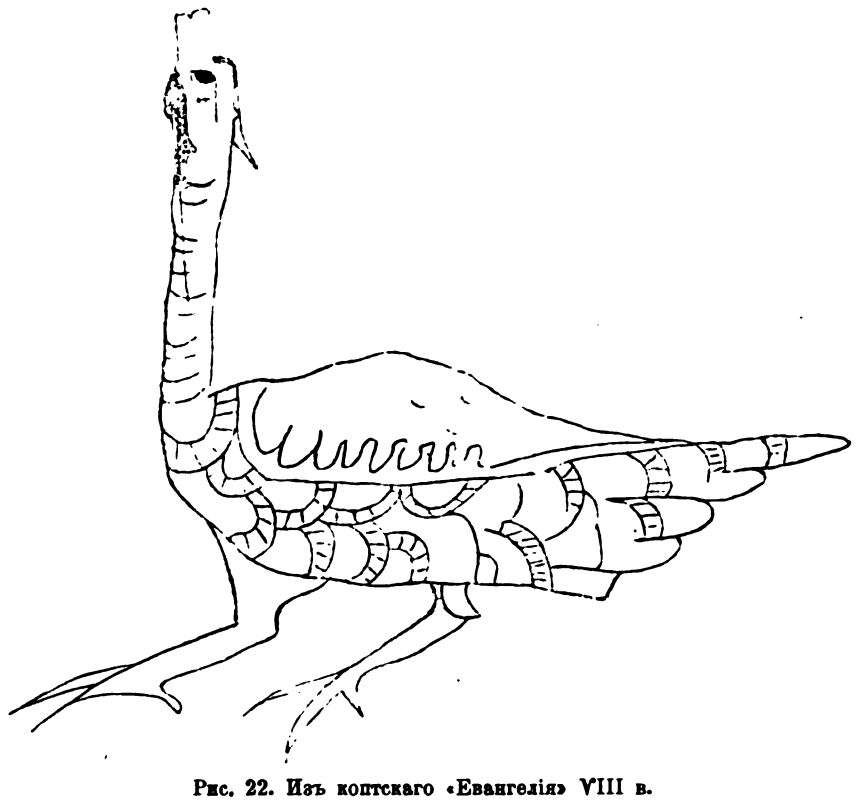


Рис. 22. Изъ коптскаго «Евангелія» VIII в.

Рис. 23. Донышко изъ Херсонеса.

Но еще большей наглядности достигаетъ аналогія въ изображеніяхъ животнаго міра: таковы драконы и грифоны, львы и прочіе хищники, въ ихъ изображеніяхъ въ коптскихъ рукописяхъ и на херсонесскихъ сосудахъ. Приводимъ, по этому, нѣсколько фигуръ птицъ (рис. 18—22) изъ сирійскихъ и коптскихъ рукописей VIII—X стол. [1]): эти фигурки повторены серебряными кувшинами и блюдами съ арабскими надписями и херсонесскими глиняными сосудами (рис. 23).

Мы можемъ, безъ особаго риска, догадываться уже теперь, что и бронзовые рукомойники (aquamanilia) церковнаго употребленія въ видѣ грифоновъ, львовъ, химеръ, всадниковъ, кентавровъ и пр., образцы которыхъ встрѣчены въ кладахъ: Кіева (Житомирская улица, см. ниже) и Гнѣздова, также Кавказа (въ собраніи Г. Д. Филимонова), равно какъ въ древностяхъ Швеціи и Даніи, и которыя за тѣмъ нашли себѣ продолженіе въ издѣліяхъ Аугсбурга и Нюренберга,—

[1]) Благодаря ученой проницательности В. В. Стасова, всѣ эти детали, столь важныя для исторіи искусства, находятся исключительно въ его *Славянскомъ и восточномъ орнаментѣ*, 1887, таб. 126, 133.

Digitized by Google

что и эти бронзы вывозились на Русь изъ Корсуня, вмѣстѣ съ сосудами, колоколами (упоминаемыми въ лѣтописи подъ 6970 г.) и прочею церковною утварью. Въ Музеѣ Кордовы имѣется бронзовый водолей очень большаго сравнительно размѣра, найденный въ Medina az-Zahirá—мѣстѣ предполагаемыхъ развалинъ дворца.

Всѣмъ извѣстны «корсунскіе» складные кресты—тѣльники, находимые доселѣ въ землѣ въ Херсонесѣ, Ѳеодосіи, Оріандѣ (имѣніе вел. кн. Константина Николаевича близь Ялты), Судакѣ, Керчи и въ Кіевѣ. Дальнѣйшаго ихъ распространенія не знаемъ [1]), а по времени можемъ считать эти кресты издѣліями VIII—XII столѣтій. Извѣстно, что есть древнѣйшій типъ съ инкрустаціями серебромъ и оловомъ, далѣе съ глубокою рѣзьбою (но всегда безъ эмали), съ горельефомъ, и типъ болѣе поздній, съ барельефнымъ Распятіемъ и пр. Множество тѣльныхъ крестиковъ X—XII стол., встрѣчаемыхъ и въ кладахъ, и въ ризницахъ Россіи и собраніяхъ, изъ различныхъ яшмъ, серпентина, халцедона, въ золотой сканной оправѣ, также, навѣрно, происходятъ изъ Корсуня, почему мы и будемъ называть ихъ далѣе «корсунскими тѣльниками».

Вотъ почему, встрѣчая напр. въ курганѣ Кіевской губ. [2]), бронзовое кадило въ видѣ чаши съ грубыми рельефными фигурами четырехъ евангелистовъ по ея гранямъ, мы объясняемъ себѣ это странное явленіе въ VIII—IX вѣкѣ корсунскимъ привозомъ. Конечно, пока только клады, какъ увидимъ ниже, даютъ намъ подобные предметы, и за отсутствіемъ раскопокъ на мѣстѣ пепелищъ и древнихъ церквей (кромѣ Рязани и Владиміра Волынскаго), мы должны довольствоваться догадками.

Рис. 24. Крестъ—половина складня изъ Херсонеса. Импер. Эрмитажъ.

Мы избираемъ изъ херсонесскихъ крестовъ складней четыре характерныхъ образца, найденные въ 1890-хъ годахъ. На одномъ (рис. 24) изъ нихъ, заслуживающемъ болѣе подробнаго изслѣдованія, сохранившемся только въ обратной половинѣ, тончайшею рѣзьбою и неизвѣстною намъ инкрустаціею выполнены: сверху *Вознесеніе* на рукахъ 4 ангеловъ, въ миндалевидномъ ореолѣ,

---

[1]) Въ изданіи: *Memorie storico—critiche intorno la vita di S. Marco Evangelista* di Leonardo Conte Manin, Venezia, 1835, 4°, стр. 23, таблица V, рис. 1 передаетъ, что при вскрытіи мощей евангелиста въ 1811 году, былъ найденъ бронзовый крестъ складень, тождественной формы, наполненный святыми мощами, и что въ Венеціи, въ церкви S. Canciano, сохраняется бронзовый же складень крестъ, съ обѣихъ сторонъ покрытый изображеніями, и найденный на тѣлѣ св. Максима, когда его мощи были перенесены изъ Истріи въ Венецію; изъ двухъ случаевъ: этого въ Венеціанской церкви св. Марка и другаго въ ц. Цельса въ Миланѣ, можно заключить, что кресты были положены участвовавшими въ перенесеніи мощей епископами и отдѣльно присоединены къ мощамъ въ мраморномъ ящикѣ.

[2]) В. Б. Антоновичъ, *Карта Кіев. губ.*, стр. 130: въ окрестности Тальке Уманьскаго уѣзда, въ курганѣ; при скелетахъ были найдены: потиновыя зеркала, золотое кольцо, бронзовая серьга; желѣзные: топоръ, ножики, стремена, удила, огнива, ножницы. У ногъ: мѣдные кувшины и въ одномъ случаѣ мѣдная кадильница византійскаго издѣлія съ изображеніемъ 4 евангелистовъ.

Digitized by Google

въ древнемъ персидскомъ барельефѣ [1]) въ Фирузабадѣ, въ сценѣ битвы царя съ варварскимъ вождемъ, на этомъ послѣднемъ кафтанъ съ оплечьемъ, двѣ гривны, на рукахъ и ногахъ металлическія спирали (8 разъ согнутыя), сапоги, перчатки, колчанъ и какъ разъ такую шапку или, вѣрнѣе, шишакъ изъ металлическаго зубчатаго или лучеобразнаго околыша—вѣнца, шапки, тождественной съ Мономаховою и шишакъ въ видѣ длиннаго верха.

Затѣмъ отъ Никиты Хоніата узнаемъ, что Андроникъ I Комненъ, въ своихъ продолжительныхъ скитаніяхъ среди варваровъ, усвоилъ себѣ и головной уборъ въ родѣ варварскаго остроконечнаго колпака [2]), а затѣмъ подобнаго рода колпаки находимъ у королей Франціи и др. Но эти большею частію высокія, остроконечныя шапки не имѣютъ ничего общаго съ нашею. Напротивъ того, низкія шапки цесарскаго типа съ матерчатымъ околышемъ, не украшеннымъ каймою, наиболѣе подходятъ къ Мономаховой коронѣ [3]).

Кондаковъ, затѣмъ, дошелъ до превосходной «диссертаціи» великаго византиниста Дюканжа [4]) «о коронахъ» [illegible] на основаніи текстовъ, доказательствами, что, кромѣ вѣнцовъ въ видѣ обруча, Византія для разныхъ членовъ пользовалась весьма часто пирамидальными, остроконечными и шаро- или яйцо-образными шапками, какъ своего рода «вѣнцами», или [illegible] будетъ точнѣе. Но мы вовсе не имѣемъ материаловъ достаточно археологическихъ для того, чтобы вполнѣ иллюстрировать эту диссертацію, а потому важнѣйшія сужденія о формѣ Мономаховой шапки должны представить [illegible].

Но въ этомъ памятникѣ является еще послѣдняя и его важнѣйшая сторона—орнаментальная, та самая филигрань, изъ за которой [illegible] памятникъ въ историческому анализу.

Между тѣмъ, какъ вся филигрань Мономаховой шапки [illegible]

[illegible]

[1]) [illegible]

[2]) [illegible]

[3]) [illegible]

[4]) [illegible]

[5]) [illegible]

Переходимъ къ детальному разсмотрѣнію эмалевыхъ фигуръ и орнаментовъ [1]). Въ нашихъ эмаляхъ мы находимъ слѣдующіе признаки эмалевой техники и фактуры: вѣнчикъ вокругъ головы мученика бирюзоваго цвѣта, и эта эмаль поблекла, потрескалась, выцвѣла, словомъ, она была и дурнаго состава и дурно отшлифована. Около нимба бордюръ красно-кирпичнаго цвѣта такъ разложился и потрескался, что эмаль стала общаго коричневаго тона. Шапочка представляетъ теперь коричнево-шоколадный оттѣнокъ (была красная?), на ней по перепояскамъ голубые камни и одно *бѣлое перо* (ташъ?)—деталь, которая была бы чрезвычайной важности для сравненія съ среднеазіатскими шапками и ихъ украшеніями, если-бы могли доказать это при неясности рисунковъ; шапка имѣетъ мѣховой околышъ сѣровато-пурпурнаго цвѣта, передающій, конечно, соболью опушку, и изображающій волосы и мѣха именно въ томъ оттѣнкѣ, какъ это было принято въ византійскихъ эмаляхъ. Лицо мученика имѣетъ сильно винный оттѣнокъ (мертвенно-лиловаго цвѣта), на шеѣ и рукахъ также, но замѣчается и сквозная прозрачность. Волосы имѣютъ уже сѣрый цвѣтъ отъ сильнаго разложенія шоколаднаго (темно-каштановаго) цвѣта. Плащъ или мятль темнолиловаго цвѣта, по этому фону разсыпаны бѣлые кружечки, и въ нихъ сѣрошоколадные крины; у мятля подбой бѣлый (горностаевый?); подъ плащемъ видна бирюзовая кайма хитона и сѣро-коричневая исподь-хитонъ; плащъ застегнутъ голубою (?) фибулою. Крины сдѣланы темнолиловыми, съ бирюзовою сердцевиною и коричневыми разводами. Словомъ, эмаль представляетъ всѣ признаки русской работы.

2. Три большихъ—(въ главномъ медальонѣ 0,08 м. въ поперечникѣ и 41½ зол. вѣсу) и круглыхъ медальона, въ видѣ плоскихъ щитковъ (брактеатовъ), составленныхъ изъ внутренняго выпуклаго эмалеваго медальона (0,04 м.) и широкой оправы. Предметы отличаются въ эмаляхъ отчасти слабѣйшею и болѣе грубою техникою и потому, всего вѣроятнѣе, всѣ вмѣстѣ составлены для одного набора украшеній и, повидимому, работы того же мастера, такъ какъ стиль и превосходныя сканныя украшенія по характеру остаются совершенно прежнія, тогда какъ медальоны съ эмалевою живописью *различной фактуры*. На *главномъ* медальонѣ представлена съ лица Богородица, съ надписью MP ΘV въ молитвенномъ положеніи, съ поднятыми руками (такъ наз. *Оранта*), облаченная въ темно-синюю (почти черную) фелонь, покрывающую ее съ головою, и голубой хитонъ; надъ челомъ на фелони четыре звѣздныхъ кружка; волосы покрыты бѣлымъ чепцомъ, слабо голубоватаго оттѣнка. Цвѣта эмали настолько мало измѣнены противъ византійской схемы, что является предположеніе, не взята ли прямо византійская бляшка и обдѣлана уже въ Россіи вмѣстѣ съ другими. Эмаль хорошо отшлифована, отлично сохранилась и только красный ободокъ растрескался, не измѣнивъ цвѣта. Далѣе, бирюзовый нимбъ густаго тона, тѣло уже не розоватаго или розово-вишневаго цвѣта, а прямо тѣлеснаго цвѣта красной охры, съ прозрачнымъ восковымъ оттѣнкомъ. Скань

---

[1]) См. объ этихъ признакахъ также въ IV главѣ моего сочиненія *Собраніе А. В. Звенигородскаго*, *Исторія и памятники византійской эмали.*

Digitized by Google

вокругъ мѣстнаго русскаго типа не византійскаго рисунка, хотя также изъ двойныхъ ленточекъ, покрытыхъ зубчиками; любопытна оправа изъ петелекъ и притомъ изъ гладкой проволоки, скань вся на ажурныхъ арочкахъ, по скани 18 гнѣздъ, все съ венисами, и два мѣста порожнихъ. Ушко съ шарниромъ, покрыто сканью плоскою, не приподнятою, украшено 6 венисами. Вѣсу 22 золотника.

Второй медальонъ (въ шир. 0,075 м., вѣсу 19½ зол.), съ изображеніемъ Св. Ирины—по надписи ΟΡΗΝΑ, при чемъ надпись грубо смѣшиваетъ русскія буквы съ греческими. Медальонъ въ петельной оправѣ, украшенъ 11 венисами, аметистомъ, цвѣтнымъ стекломъ, на ушкѣ 4 венисы. Эмаль такъ перемѣнила свои цвѣта, что только сравненіемъ съ образомъ Св. Варвары можно возстановить для нимба и фелони голубой цвѣтъ, для хитона бирюзовый, но цвѣта эти поблекли. Мученица держитъ красный крестъ. Цвѣтъ тѣла отличается блѣдно-лиловымъ, мертвенно-сѣроватымъ оттѣнкомъ, котораго мы не знаемъ на византійскихъ эмаляхъ. Блѣдное золото указываетъ на сильный алльяжъ; повсюду повыступили перегородочки, такъ какъ эмаль выщербилась очень сильно.

Третій медальонъ, съ изображеніемъ Св. Варвары (украшенъ 15 венисами, 1 яшмою, на ушкѣ 6 венисъ, вѣсу 20 зол.)—надпись дважды ΟΒΑΡ, любопытенъ по образу святой, которой голова покрыта полосатымъ съ красными украшеніями, очевидно, шелковымъ (покрываломъ) чепцомъ (сирійскаго характера), и представляетъ полное тождество отдѣлки и эмалевой техники съ предъидущимъ. По всему судя, оба *русской, мѣстной рязанской* работы.

3. Рѣзкая разница, которую представляетъ маленькій *образокъ тѣльникъ* съ эмалевымъ изображеніемъ Распятія, происходитъ отъ того, что этотъ предметъ современный медальонамъ, но чужой *чисто византійской* работы, тогда какъ всѣ предъидущіе медальоны, явно, мѣстнаго русскаго издѣлія (кромѣ медальона Богородицы). Но этотъ образокъ оправленъ, подобно прочимъ эмалевымъ медальонамъ, въ бордюръ совершенно той же работы, что серія 6 медальоновъ, описываемыхъ ниже, и потому очевидно, что эмалевая бляшка или взята съ другого предмета или досталась отдѣльно покупкой и уже въ русскихъ рукахъ стала тѣльнымъ образкомъ: но любопытно, что работа сканныхъ украшеній, оставаясь прежняго типа, отличается здѣсь рѣдкимъ совершенствомъ и небывалою тонкостью, ясно показывая, до чего могла достигать ловкость русскихъ мастеровъ. Эта тонкость не подражаема и теперь, еслибы потребовалось работать въ чистомъ золотѣ, какъ дѣлали мастера древней Греціи и Византіи. Образокъ Распятія принадлежитъ къ иконографическому типу, господствовавшему въ первой половинѣ XII вѣка и оставившему много мелкихъ изображеній въ миніатюрахъ, образкахъ и эмаляхъ, хотя, по самому характеру, композиція и постановка фигуръ этого типа отличаются монументальностью, спеціальными чертами *образа* или *иконы* Распятія, которыя должно, прежде всего, выдѣлять изъ общаго разряда такъ наз. *историческихъ* изображеній Распятія, что и понятно само собою, но чего доселѣ не сдѣлано въ общихъ трактатахъ по иконографіи этого сюжета. А именно, Распятый представленъ здѣсь на колоссально большомъ, по сравненію съ тѣломъ, крестѣ, который, будучи утвержденъ на скалѣ Голгоѳы, имѣетъ подно-

Digitized by Google

жіе, длинные рукава и надпись, помѣщенную въ правильной крестообразной формѣ; по сторонамъ ея видны въ небѣ солнце (звѣзда) и луна и двѣ полуфигуры летящихъ ангеловъ, а внизу по сторонамъ Распятаго и лицомъ къ зрителю, въ молитвенномъ предстояніи, полныя фигуры Богоматери и Іоанна Богослова. Христосъ изображенъ уже съ закрытыми глазами, тѣло крайне худо, чресла препоясаны платомъ, изъ прободеннаго бока брызжетъ кровь. Подъ крестомъ видна появившаяся на скалѣ Адамова голова, лежащая на двухъ костяхъ. Крохотныя надписи синими буквами даютъ слова Христа: ΙΔΟΥ Ο ΗΟϹΟΥ (sic) ΙΔΟΥ Η ΜΡ ϹΥ. Богоматерь въ скорби, приложивъ руки къ подбородку, Іоаннъ держитъ книгу Евангелія.

Особенный интересъ имѣютъ для насъ цвѣта эмали, отличающіеся столь поразительной сохранностью, свѣжестью и, такъ сказать, зеркальностью шлифовки, что даже тому, кто не видалъ бы вовсе византійскихъ эмалей, не могла бы показаться случайною эта сохранность одной вещи, сравнительно со всѣми прочими эмалевыми изображеніями клада: не остается сомнѣній въ томъ, что нашъ образокъ Распятія принадлежитъ къ лучшимъ издѣліямъ Константинополя, тогда какъ другіе образки того же клада, обнаруживая своею плохою сохранностью, радикальнымъ измѣненіемъ почти всѣхъ эмалевыхъ красокъ, свое русское происхожденіе, пріобрѣтаютъ за то, въ глазахъ русскаго историка, еще болѣе высокое значеніе, какъ собственно народныя попытки высшаго техническаго искусства.

И такъ, цвѣта эмалей въ нашемъ образкѣ отличаются свѣжестью, ясностью и глубиною тоновъ, и видно, что эмальёръ предпочтительно выбиралъ и цвѣта наиболѣе интенсивные и наиболѣе пріятные для глазу: такъ крестъ сдѣланъ здѣсь голубымъ, бордюры его темно-лиловыми, т. е. черными; колья у подножія, которыми укрѣпленъ крестъ въ землѣ, сдѣланы бирюзовыми, а черепъ не бѣлымъ, но желто-коричневымъ, для согласія съ фономъ. Затѣмъ, тѣло Распятаго (и ангеловъ) отличается прекраснымъ темно-оливковымъ цвѣтомъ, который еще усиливается отъ того, что эта эмаль полупрозрачна, просвѣчиваетъ и пропускаетъ отблески золотаго матоваго дна на лоточкѣ. Повязка на чреслахъ ярко бѣлая и ярко красная кровь, текущая изъ бока, бѣлыя буквы и бирюзовый нимбъ, при черныхъ волосахъ, сообщаютъ живую пестроту и яркость фигурѣ, которая иначе была бы мрачною. Но предстоящіе и ангелы драпированы съ такою яркостью сочныхъ красокъ, которая позволяетъ намъ назвать всѣ эти тона веселыми, декоративными. Таковы цвѣта крыльевъ у ангеловъ: глубокій синій и бѣлый въ контрастѣ; цвѣта ихъ одеждъ: темносиній, почти черный, и полосами бирюзовый, почти пепельно-голубой. Одежда Богоматери: темноголубая фелонь и блѣдноголубой хитонъ, но ихъ драпировку трудно разобрать, вслѣдствіе схематизма и уродливости складокъ. Гиматій и хитонъ Іоанна также представляютъ сочетаніе контрастовъ: темнолиловаго и свѣтлобирюзоваго. Нимбы голубые, буквы синяго цвѣта, Евангеліе хромъ, золотое. Мелкія гнѣзда теперь всѣ порожнія; вѣсу въ образкѣ $4^1/_2$ золотника.

Далѣе, по поводу самой скани на медальонѣ Распятія слѣдуетъ отмѣтить разницу съ прочими медальонами, какъ эмальированными, такъ и украшенными только камнями. Мы уже указывали, что скань во всѣхъ этихъ медальонахъ не только наложена на листъ и при-

Digitized by Google

паяна къ фону, но также положена и сверху нижней скани, иногда всего въ три пояса. Правда, эта ажурная скань зависитъ отъ рисунка, а именно разводы усиковъ, крутящихся отъ главной вѣтки, исполнены поверхъ нижележащихъ вѣтокъ, и въ концахъ усиковъ вкраплены зерна, какъ бы завязавшіяся грозди. Но затѣмъ важно, что всѣ разводы и усики положены какъ двѣ ленточки, спаянныя рядомъ, и особенно тонко сплющенныя изъ крученой нити, и только въ концахъ ленточки раздѣляются, а одна болѣе тонкая, въ видѣ усика, ленточка перегибается поверхъ ажурныхъ разводовъ.

Въ медальонѣ Распятія та же фактура, но здѣсь всегда только одна сканная и сплющенная нить, которая приподнимается, выкладывается одна поверхъ другой, припаивается въ мѣстахъ соединенія, и собственно потому кажется тонкою и трудной работою, что сдѣлана именно изъ одной двойной нити.

Въ заключеніе мы должны, однако, оговориться, что рѣшительно не находимъ возможности относить этотъ образокъ Распятія къ прочимъ тремъ медальонамъ, какъ если бы онъ входилъ въ составъ этого подбора бляхъ, образующаго, скажемъ, бармы, или точнѣе, вообще нагрудное металлическое украшеніе. Этому противорѣчитъ, прежде всего, его овальная форма, которая хотя происходитъ отъ самой эмалевой бляшки, уже по своему сюжету, требовавшей не круглаго, но овальнаго образка, однако могла бы быть легко устранена мастеромъ помощью бордюра или каймы, если бы онъ того хотѣлъ. А затѣмъ ясно видно, что мастеръ приложилъ особенное стараніе къ сканнымъ украшеніямъ оправы этого образка, какъ лучшаго матеріала, который онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи. И если три медальона были нагруднымъ украшеніемъ, то четвертому не остается другаго мѣста, кромѣ спины, а очевидно, что на спинѣ не могъ быть помѣщенъ образъ Распятія [1]).

И такъ, единственное основательное предположеніе требуетъ отдѣлить этотъ образокъ— былъ ли онъ тѣльникомъ, или былъ подвѣшенъ къ иконѣ, все равно. И, какъ бы въ доказательство этого, мы находимъ въ Рязанскомъ кладѣ еще одинъ эмалевый образокъ, повидимому, тѣльникъ, въ золотой оправѣ грубой работы, напоминающей серебряныя бляхи Владимірскаго клада: здѣсь бордюръ состоитъ исключительно изъ обода, прерываемаго поперечными скобочками, которыя однако назначены только для упора каймы внутренняго эмалеваго образка, а не для жемчужной обнизи. Образокъ, по неграмотной надписи АМРНА, долженъ представлять Дѣву Марію, съ молитвенно подъятыми руками, но въ облаченіи Богородицы есть странное отступленіе въ томъ, что обычная фелонь, подобно плащу, застегнута здѣсь на груди фибулою, что̀ мы не умѣемъ себѣ объяснить иначе, какъ грубою ошибкою эмальера, не умѣвшаго различить иконографическаго типа мужской одежды отъ женской. Самъ по себѣ эмалевый образокъ ничѣмъ не отличается отъ разсмотрѣнныхъ нами изображеній Св. Ирины и Варвары, развѣ только тѣмъ, что здѣсь эмаль отлично, сравнительно, сохранилась и выдаетъ всѣ особенности, а слѣдовательно, и всѣ недостатки русской работы. Изъ этихъ недостатковъ

[1]) Издатели *Древностей Росс. Гос.* принимали пять образковъ за подборъ бармъ, изобразивъ ихъ вмѣстѣ на 34-й таблицѣ.

Digitized by Google

важнѣйшій заключается въ грубыхъ ошибкахъ противъ иконографіи и типа: таковы напр. четыреугольный вырѣзъ на груди, фибула, наплечныя пристежныя (вошвы) украшенія, здѣсь перемѣстившіяся къ локтямъ, черты лика и пр. Особенности заключаются отчасти уже въ самомъ очеркѣ полуфигуры Богоматери, а наиболѣе въ краскахъ; такъ любопытно употребленіе въ нимбѣ изумрудно-зеленой эмали, которую мы знаемъ (см. указ. ранѣе наше изслѣдованіе объ эмали) въ самомъ началѣ исторіи византійской эмали и вмѣстѣ при ея концѣ въ XII—XIII стол. Бордюръ нимба темносиній, почти черный, а не кирпичный, какъ прежде. Напротивъ того, фелонь представляетъ сравнительно свѣтлосиній цвѣтъ, а хитонъ имѣетъ блѣдно-пепельный оттѣнокъ голубаго; чепецъ — свѣтло-бирюзоваго цвѣта; вошвы, фибула бѣловато-пепельнаго оттѣнка, и наконецъ тѣло блѣднолиловаго, мертвеннаго тона. Русская работа образка несомнѣнно выдается даже снимкомъ, не говоря объ оригиналѣ, который можетъ считаться, по сохранности, ея лучшимъ представителемъ въ средѣ эмалей.

Рис. 44. Золотой медальонъ изъ Рязанскаго клада 1822 г.

4. Если, затѣмъ, съ самаго появленія на свѣтъ Рязанскаго клада такъ много толковали и доселѣ еще можно продолжать говорить о томъ, что онъ представляетъ собою великокняжескія бармы, то, очевидно, этому причиною служитъ *серія шести медальоновъ* или щитковъ, бляхъ или *круговъ* (какъ тоже говорили въ старину), имѣющихъ явно только декоративное назначеніе. Въ самомъ дѣлѣ, первая пара запонъ имѣетъ обычную для колтовъ внутреннюю полость, и графъ А. С. Уваровъ называлъ ихъ *ладанницами* [1]), а мы, въ свою очередь, будемъ разсматривать ихъ въ средѣ колтовъ—серегъ. Три эмалевые медальона, имѣющіе наиболѣе сходства съ послѣдними шестью кругами, все же представляютъ образки, тогда какъ эти кружки, совершенно

[1]) Въ своей статьѣ о «Суздальскомъ оплечьи», *Древности, Моск. Арх. Общ.*, т. V, стр. 3.

Digitized by Google

плоскіе на исподи, приспособленные къ ношенію (рис. 46) или, по крайней мѣрѣ, къ подвѣшиванію на снуркѣ, и украшенные только съ лица, притомъ чисто декоративно, камнями и сканью, представляютъ собою, такъ сказать, бармы по преимуществу, какъ ихъ привыкли понимать въ русской археологіи. Медальоны имѣютъ отъ 0.095 м. до 0.107 м. въ поперечникѣ, но два медальона изъ нихъ [1]) имѣютъ 0,75 м. въ ширину, т. е. наименьшую величину, и вѣсу только 20 и 20½ зол., а четыре остальные имѣютъ вѣсу 33, 41 и 48 золотниковъ. Весь щитокъ покрытъ сканью изъ положенныхъ на ребро ленточекъ, свитыхъ изъ проволоки и потому зубчатыхъ на поверхности; скань образуетъ завитки или волюты, а отъ нихъ расходятся усики, такъ что заполняютъ каждое отдѣленіе или промежутокъ между камнями; но, въ отличіе отъ большихъ колтовъ, здѣсь скань кладется и припаивается также поверхъ скани, уже наложенной и припаянной—техника особаго типа, о которой мы уже говорили въ 1-й главѣ. Равно и гнѣзда камней укрѣплены поверхъ скани, и потому камни получаютъ свѣтъ снизу, пропускаемый арочными или петельными ажурными шатонами. Въ срединѣ медальона помѣщается обыкновенно одна большая вениса, или аметистъ, или крупный яхонтъ; вокругъ, или крестообразно, расположены преимущественно венисы, сафиры, аметисты, рѣдко яшма, еще рѣже стекло цвѣтное; по окраинѣ всегда венисы и жемчужная обнизь; на ушкѣ до шести мелкихъ венисъ, а всего на каждомъ медальонѣ отъ 31 до 33 камней.

Рис. 45. Малый золотой медальонъ изъ Рязанскаго клада 1822 г.

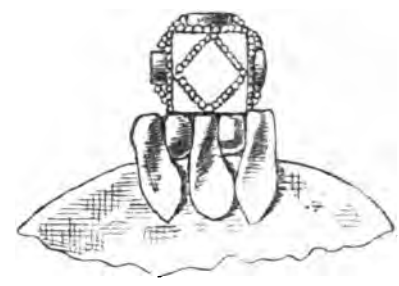


Рис. 46. Рязан. кладъ 1822 г.

5. Если вѣрно наше заключеніе, что мы имѣемъ въ Рязанскомъ кладѣ два подбора бармъ или нагрудныхъ украшеній: одинъ изъ трехъ медальоновъ съ эмалями и другой изъ шести, то именно къ двумъ бармамъ, или, точнѣе, серіямъ подвѣсныхъ медальоновъ, относятся и *одиннадцать* золотыхъ, ажурныхъ, дутыхъ бусинъ (или репій). Изъ нихъ пять бусинъ чешуйчатыхъ, съ четырьмя гранями по обѣимъ половинамъ боченочка, снабжены были по краямъ жемчужною

[1]) *Древности Росс. Госуд.*, таб. 35 и 36; большіе медальоны у насъ въ одномъ образцѣ, рис. 45 малые — рис. 46.

Digitized by Google

обнизью. Шесть бусинъ украшены сканью тожественной техники съ шестью медальонами, которые украшены не эмалью, а только камнями: а именно, эта скань изъ двойной ссученной нити, сплющенной, ажурно наложенной, и для крѣпости расположенной по двѣ ленточки, спаянныхъ одна съ другой, и укрѣпленной въ жгутахъ. Но изъ этихъ бусъ нѣсколько исполнены также гладкими ленточками, какъ въ скани Мономаховой шапки, при чемъ онѣ наложены на листъ, и ячейки внутри чешуекъ, или такъ наз. имбрикаціи, вырѣзаны въ листѣ, такъ что работа только представляется снаружи прорѣзной. Рисунокъ—византійскіе разводы; по среди желобокъ съ четырьмя продольными желобками, по всѣмъ скобочки съ золотыми нитями, отъ жемчуга; нѣсколько гнѣздъ съ альмандинами.

6. Въ Рязанскомъ кладѣ имѣются (табл. XVII) два *сіонца*, изъ золота (вѣсомъ по 5 зол.), имѣющіе видъ храмика—дарохранительницы о четырехъ сторонахъ съ шатровымъ верхомъ и украшенные четырьмя арочками по сторонамъ, и въ арочкахъ крохотными эмалевыми изображеніями (сохранились только погрудная фигура юнаго Святаго и Ев. Іоанна, эмаль сильно разложилась), а на исподѣ ажурною сѣткою, въ видѣ полусферическаго донышка или чашечки, какъ обыкновенно бываетъ на подвѣскахъ. Сквозь каждый сіонецъ пропущены золотые дроты, образующіе два крючка сверху и снизу; скань по низу очень грубая, простая, въ видѣ плоскихъ нитей; имбрикаціи выполнены накладкою на листъ, въ которомъ вырѣзаны ячейки; по угламъ каждаго сіонца устроены спиральные шарниры, для продѣванія сквозь нихъ золотыхъ дротовъ, и, кромѣ того, внизу припаяны четыре скобочки, въ которыхъ сохранились обрывки мелкихъ золотыхъ цѣпочекъ. Все это мелочное и сложное устройство служило, очевидно, для сведенія цѣпочекъ, держащихъ предметъ, къ сіонцу, въ одинъ пучокъ. Но что̀ это былъ за предметъ, рѣшить безъ помощи другой, болѣе полной находки, пока нельзя.

Крохотная подвѣсочка на ожерельѣ изъ клада Златоверхо-Михайловскаго монастыря также можетъ быть названа сіонцемъ. *Сіонами*, какъ извѣстно, стали называться у насъ съ XII стол. дарохранительницы (*Іерусалимы*, ковчеги), въ видѣ церквей съ одною и тремя главами, впослѣдствіи о пяти главахъ, съ чеканными, обронными изображеніями святыхъ, Апостоловъ, Христа и Евангелистовъ и пр., также съ украшеніями финифтяными и травлеными, въ арочкахъ, съ колоннами. Въ этихъ сіонахъ хранились святые дары на престолѣ, а потому весьма возможно было возложеніе освященнаго сіонца со святыми дарами или и безъ нихъ на икону, а также на болящаго. Названіе «Сіона» появилось въ самой Византіи уже въ IX—X стол., подъ вліяніемъ Толковой Лицевой Псалтири, которая этимъ именемъ пріучала называть Церковь Христову, въ лицѣ Богоматери, или даже ея образа, помѣщеннаго въ «градѣ на Сіонѣ»; слѣдовательно «сіонами», что тоже «Іерусалимами», было естественно называть ковчеги со Св. Дарами, помѣщаемые на престолахъ, а затѣмъ уже, какъ священная декоративная форма, «сіонъ» встрѣчается на крышкѣ кадилъ, всякихъ мощехранительницъ и пр.

Въ кладѣ оказалось много [1]) мелкихъ вещей, важныхъ потому, что всѣ принадлежатъ

[1]) *Древности Росс. Государства*, II, табл. 36—7.

Digitized by Google

Рис. 47, *a—h*. Золотыя бляшки изъ Рязанскаго клада 1822 г.

къ рязряду предметовъ личнаго убора и украшенія, или же къ тѣльникамъ. Таковы: всякаго рода нашивныя и набивныя бляшки изъ золота (рис. 47, *a* — *h*), любопытныя по своимъ древнимъ типамъ: листка (потала), индѣйскаго листка (въ видѣ запятой), простаго репейка и пр.; особенно любопытна форма полной бляшки (рис. 47, *f*), повторяемой часто въ серебрѣ, въ иномъ варіантѣ; золотая цѣпочка (рис. 49), разные обрывки, два тѣльныхъ крестика (рис. 50) изъ яшмы, въ золотой оправѣ по концамъ рукавовъ, украшенной венисами.

Рис. 48. Золотая ажурная цата изъ Рязанскаго клада 1822 г.

Затѣмъ уже имѣемъ женскій браслетъ изъ плетеной очень искусно золотой проволоки съ шарнирами и колечкомъ для

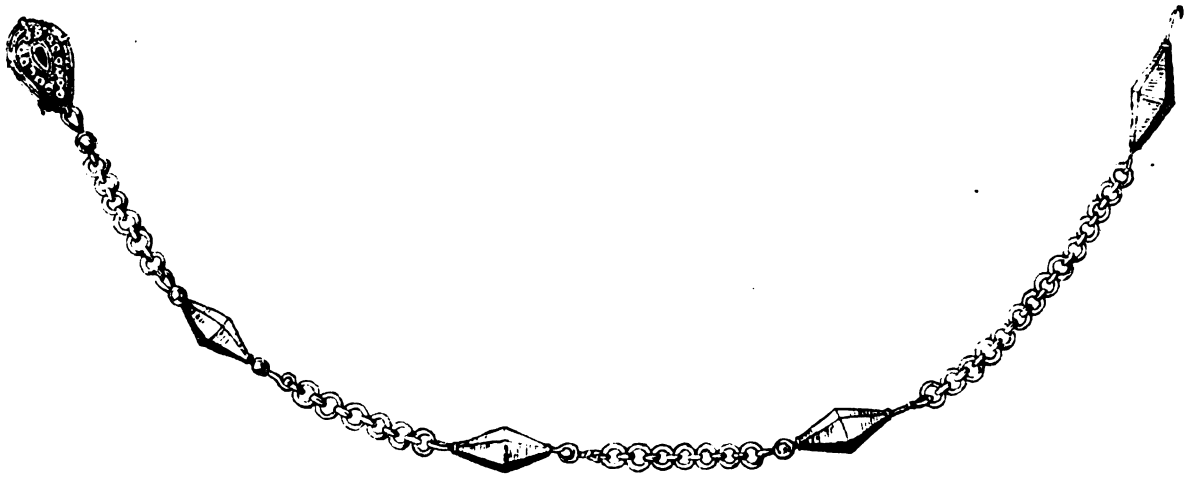


Рис. 49. Золотая цѣпочка изъ Рязанскаго клада 1822 г.

Рис. 50. Тѣльникъ Ряз. клада 1822 г.

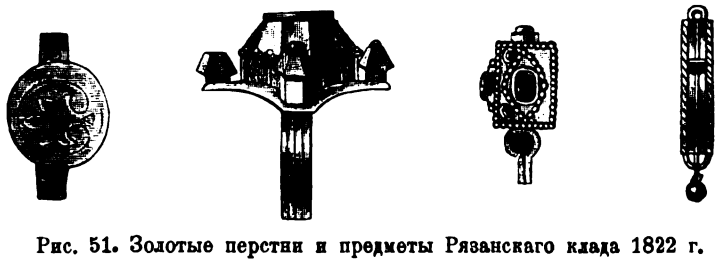


Рис. 51. Золотые перстни и предметы Рязанскаго клада 1822 г.

Digitized by Google

подвѣсной жемчужины, и пара перстней, изъ дутаго золота, съ камнями въ гнѣздахъ (рис. 51), съ гранями и жемчужною обнизью.

Кіевскій кладъ 1824 года.

Какъ богата кладами и находками почва стараго Кіева, свидѣтельствуетъ первый, встрѣчаемый нами въ археологической его лѣтописи, разсказъ, изъ записокъ И. Ѳ. Тимковскаго, бывшаго въ 1785—89 гг. ученикомъ Кіевской Духовной Академіи [1]): «Въ маѣ 1787 г., трое мы вышли на Крещатикъ съ своими уроками. Оба другіе (ученика) были старше меня. Середній, бродя въ размытыхъ провальяхъ межъ кустовъ, увидѣлъ снизу близь верха нависшую выпуклость, сухими комами глины выбилъ ее; свалился кувшинъ полный серебряныхъ монетъ. Въ находкѣ сдѣлали участникомъ и меня. Монеты были древнія разной величины, три или четыре слитка серебра въ видѣ палокъ сургучу, нѣсколько золотыхъ колецъ и перстней». Но обо всѣхъ этихъ находкахъ сохранилось лишь смутныя извѣстія и преданія.

Первый изъ открытыхъ кіевскихъ кладовъ—знаменитый кладъ 1824 года представляетъ и знаменательный примѣръ совершеннаго исчезновенія наиболѣе драгоцѣнныхъ предметовъ древности въ Россіи. Исторія находки этого клада передается такъ [2]): «1824 года, Мая 25 дня, въ день праздника Святаго Духа, по утру, мѣщанинъ Кіевскій Василій Хащевскій, идучи изъ Кіево-Подола на гору стараго Кіева тропинкою, прямо къ Михайловскому монастырю, и взошедши уже по тропинкѣ возлѣ ограды монастыря, наступилъ на выпуклый изъ впадины обнажившійся красный кирпичъ, отъ натиска его проломленный, и увидѣлъ, что былъ горшокъ, разломилъ его покрышку, и усмотрѣвъ тамъ блистающее серебро, вынулъ оное въ платокъ. Но замѣтивъ между вещами церковныя, немедленно представилъ сію находку въ Городовую Полицейскую часть къ приставу и потомъ полицеймейстеру, а сей, пересмотрѣвъ у себя вещи, и доведя до свѣдѣнія г. губернатора, препроводилъ оныя для описанія къ извѣстному въ Кіевѣ любителю древностей М. Ѳ. Берлинскому, приказавъ вырыть и самый горшокъ, въ коемъ лежали сіи древности». Знаменитый митрополитъ Евгеній доставилъ подробное сообщеніе, на основаніи этого описанія, и опубликовалъ это сообщеніе въ 1826 году. Извѣстный любитель древностей Павелъ Свиньинъ, совершая археологическое путешествіе по Россіи, и посѣтивъ Кіевъ, слышалъ [3]) отъ Берлинскаго тѣ же подробности о находкѣ, но, повидимому, самихъ вещей уже въ Кіевѣ не нашелъ, кромѣ двухъ-трехъ мелочныхъ, судя по слѣдующимъ словамъ статьи Свиньина: «Г. Берлинскій показывалъ мнѣ (въ Кіевѣ) также мѣсто близъ Золотомихайловскаго монастыря и древняго Борисовскаго взвоза на скатѣ стараго вала, гдѣ Кіевскій мѣщанинъ Хощевскій нашелъ, прошлаго 1824 года 25 Мая, кувшинъ, наполненный разными церковными драгоцѣнностями, которыя, вѣроятно, со-

---

[1]) *Сборникъ матеріаловъ для исторической топографіи Кіева и его окрестностей* 1874, стр. 166.

[2]) *Труды и записки Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ учрежденнаго при Имп. Московскомъ Университетѣ*, часть III, книга 1, Москва, 1826, стр. 152—163, статья «о древностяхъ, найденныхъ въ Кіевѣ», подписанная буквою Е., доставлена была, какъ видно изъ оглавленія, знаменитымъ Кіевскимъ Митрополитомъ Евгеніемъ и составлена упомянутымъ Берлинскимъ. Рисунки на приложенныхъ II—V таблицахъ здѣсь воспроизводятся.

[3]) См. *тамъ-же*, стр. 205. См. также письмо П. Муханова изъ Кіева къ А. О. Корниловичу, отъ 28 мая 1824 г., помѣщ. въ *Сѣв: Архивѣ*, ч. X, 1824 г., Май, стр. 277—8.

Digitized by Google

крыты были отъ хищничества Батыя и съ тѣхъ поръ находились въ землѣ. Двѣ или три изъ сихъ не весьма цѣнныхъ вещей пріобрѣтены однимъ чиновникомъ, а *прочія представлены къ Высочайшему Двору.* Судя по *симъ образчикамъ*, состоящимъ изъ сережной привѣски, креста и перстня, должно отнести ихъ ко времени готическаго Византійскаго художества, когда граненіе драгоцѣнныхъ камней не было еще извѣстно. Прочія вещи, здѣсь найденныя, были слѣдующія: потиръ, дискосъ, двѣ панагіи, изъ коихъ одна золотая, крестикъ, двѣ серьги, болѣе 25 золотыхъ привѣсокъ, бармы (?) съ священническихъ ризъ и богатый прикладъ съ Евангелія».

И вотъ съ той поры, т. е. съ 1825 года, всякія извѣстія объ этомъ кладѣ, будто бы представленномъ ко Двору, прекращаются, кладъ исчезаетъ безслѣдно, и до послѣдняго времени, никто не сдѣлалъ попытки къ его розысканію или къ изслѣдованію вопроса о его пропажѣ. И разслѣдованія, предпринятыя Императорскою Археологическою Коммиссіею, пока ничего не обнаружили. Яркое доказательство, какъ мало обезпечиваютъ существованіе историческихъ памятниковъ и именно драгоцѣнныхъ даже извѣстный интересъ, поднятый въ Обществѣ, ученое вниманіе и лю-

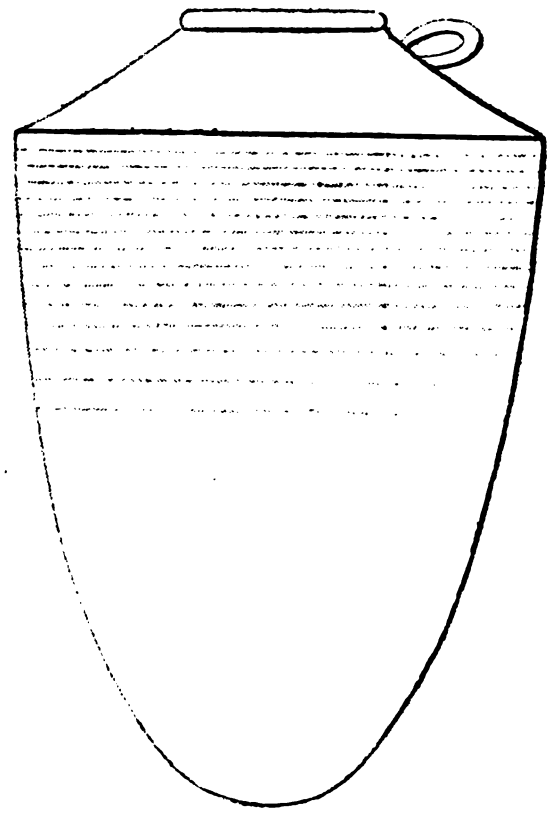


Рис. 52. Горшокъ съ кладомъ 1824 года.

Рис. 53. Потиръ изъ кіевскаго клада 1824 г.

Digitized by Google

Рис. 54. Потиръ Кіевскаго клада 1824 года.

бознательность, если имъ не поможетъ на дѣлѣ правительственный контроль и организація Государственныхъ музеевъ!

Понятно, затѣмъ, какъ мало можно извлечь изъ жалкихъ снимковъ, которые остались намъ, взамѣнъ чудныхъ оригиналовъ: всякое сужденіе о вещахъ будетъ здѣсь имѣть только условное значеніе и должно быть принято съ оговоркою. И тѣмъ не менѣе, первый кладъ, найденный въ Кіевѣ, да еще «на Борисовомъ взвозѣ», долженъ быть разсмотрѣнъ со вниманіемъ, какъ подобаетъ по его замѣчательной *характерности* и тому значенію, какое онъ получаетъ черезъ это, для характеристики прочихъ кладовъ, менѣе типичныхъ, хотя и сохраненныхъ.

Кладъ былъ уложенъ въ большой конической формы горшокъ (рис. 52), изъ красной

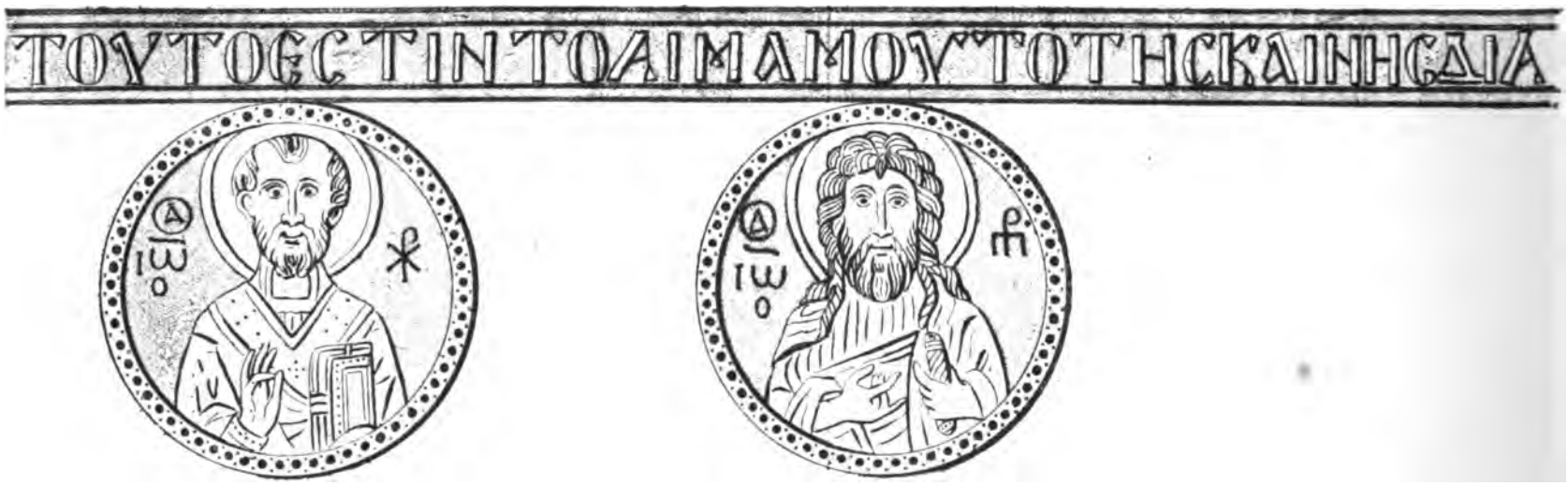


Рис. 55. Потиръ Кіевскаго клада 1824 г.

Digitized by Google

глины, съ рубчатыми боками, глубиною 9 вер., накрытый покрышкою. Подъ нею, поверхъ вещей, была положена парчевая матерія, оказавшаяся совершенно истлѣвшей; по словамъ видѣвшихъ, матерія была шелковая, на подобіе нынѣшнихъ левантиновъ, тканная золотыми узорами въ клѣтку. Главнымъ предметомъ представляется, конечно, серебряный потиръ (рис. 53) на орнаментальной ножкѣ, украшенный четырьмя (рельефными) медальонами, съ изображеніями (рис. 54 и 55) по грудь: Іисуса Христа, благословляющаго сложеніемъ трехъ перстовъ и держащаго Евангеліе въ лѣвой рукѣ, Божіей Матери съ молитвенно раскрытыми передъ грудью дланями, какъ образъ Б. М. Заступницы, Іоанна Предтечи, держащаго свитокъ и благословляющаго особымъ сложеніемъ трехъ перстовъ внутрь для молитвы, и наконецъ Іоанна Златоуста съ Евангеліемъ въ рукѣ и благословляющаго именословно. Всѣ

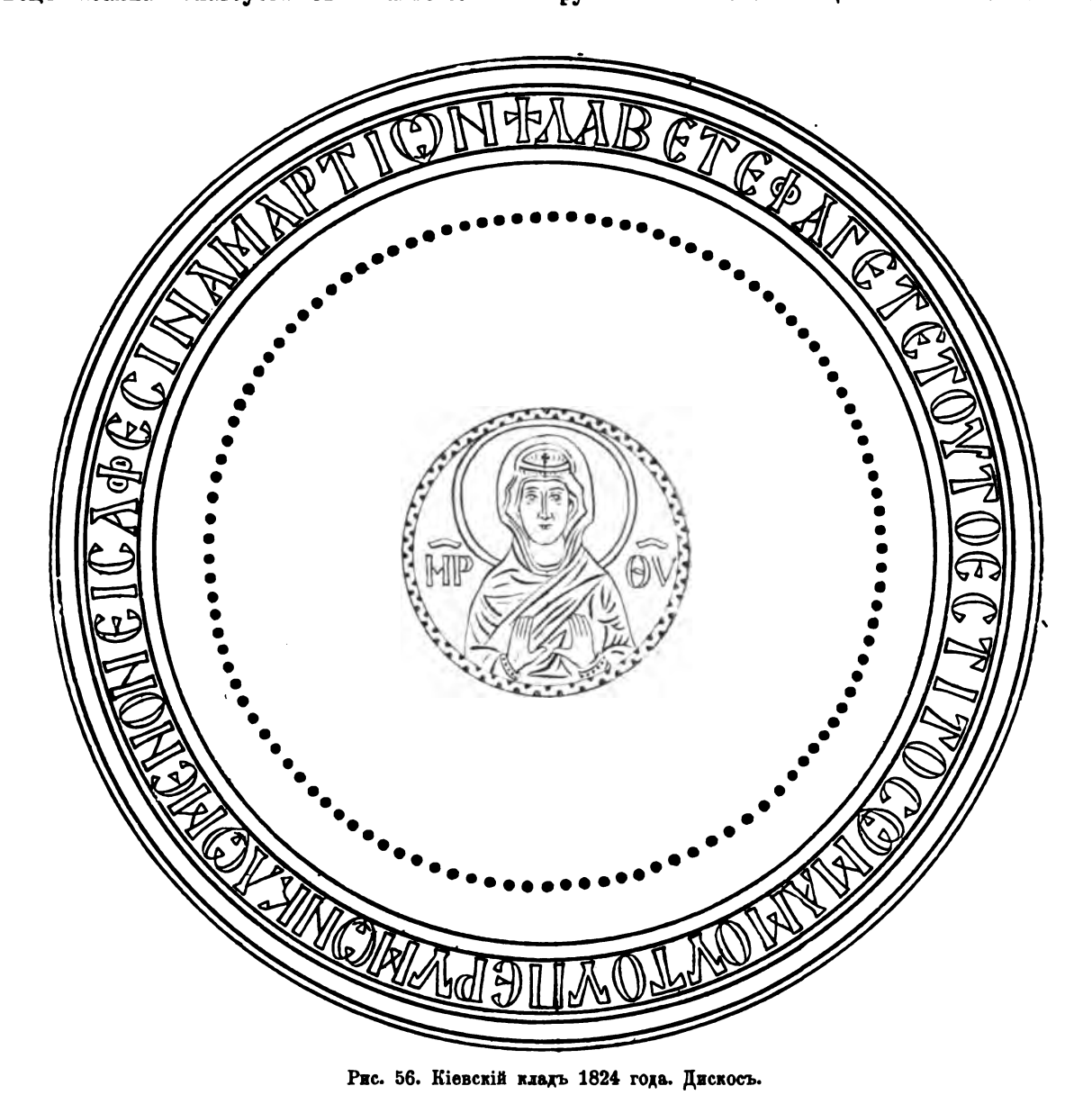


Рис. 56. Кіевскій кладъ 1824 года. Дискосъ.

Digitized by Google

фигуры сопровождаются сокращеннымъ надписаніемъ ихъ именъ по гречески, въ схемахъ XII — XIII столѣтій. Поверхъ медальоновъ идетъ полосою вокругъ по бордюру надпись: піите отъ нея вси и пр. Трудно сказать, насколько близокъ къ оригиналу рисунокъ, исполненный, однако же, съ техническимъ знаніемъ, но если вѣрить этому рисунку, мы имѣемъ передъ собою, явно, русскую работу по византійскому образцу и должны считать этотъ пропавшій потиръ древнѣйшимъ русскимъ чеканнымъ издѣліемъ. Что этотъ потиръ не греческой работы, доказываетъ уже обронная, видимо, слишкомъ выпуклая техника медальоновъ, не обычная въ Византіи, но господствовавшая въ XII вѣкѣ на западѣ и на сѣверѣ. Далѣе: лики представляютъ характерную полноту, округлость, квадратность овала; волосы на головахъ и бородѣ исполнены не по гречески, спутаннаго рисунка и въ то же время сухими чертами; еще болѣе выдаетъ рисунокъ святительской одежды І. Златоуста, наконецъ форма (если не ошибочная въ самомъ рисункѣ) свитка въ рукахъ Предтечи — совершенно невозможная для греческаго ремесленника, всегда знавшаго подлинный видъ свитка. Менѣе важны въ этомъ отношеніи особенности въ надписи имени Іоаннъ и т. д., свойственныя и чисто греческимъ произведеніямъ.

Того же характера и той же техники серебряный дискосъ (рис. 56), въ видѣ блюдца безъ подножки ($4^2/_3$ вер. въ діам.), съ изображеніемъ въ срединѣ Божіей Матери того же типа, погрудь и въ медальонѣ, и съ надписью уставными буквами по гречески слова: *пріимите, ядите* и пр.; дискосъ оказался согнутымъ, потому что былъ съ силою задвинутъ въ тѣсную для него глубину горшка.

Наиболѣе замѣчательный предметъ клада составляютъ двѣ круглыя цаты или медальона (рис. 57 и 58), изъ золота, большой съ изображеніемъ Спасителя, въ попер. $1^3/_4$ вер., малый съ изображеніемъ мученика, $1^2/_3$ вер.; очевидно, по находкамъ болѣе полнымъ, здѣсь было три медальона, и третій также съ изображеніемъ мученика. Рисунокъ, сверхъ всякаго ожиданія, передаетъ вполнѣ достаточно характеръ украшеній и стиль памятника, такъ какъ весьма ясно, что рисовальщикъ въ то время никогда не могъ бы придумать ни такого типа, ни такихъ схематическихъ драпировокъ, а, между тѣмъ, и то и другое намъ хорошо извѣстны въ подлинныхъ эмалевыхъ работахъ. Каждый медальонъ имѣетъ, вмѣсто прицѣпки, сквозную бусину на шарнирѣ, совершенно гладкую, но по срединѣ перепоясанную бисерною лентою, а шарниръ украшенъ съ обѣихъ сторонъ жемчужинами на спаяхъ, чего доселѣ не находимъ ни на одномъ изъ сохранившихся медальоновъ. Бордюръ украшенъ мелкими камнями (яхонтами) въ гнѣздахъ и филиграневыми разводами въ типѣ рубчатой филиграни (см. выше.) Каймы изъ жемчужной нити не сохранилось, есть только скобочки. Изображеніе Спасителя отличается превосходною работою, строгимъ типомъ: можно думать, что нимбъ былъ изумрудный, или темно-синій, такъ какъ внутри эмали сдѣланы еще разводы (восьмерки), припаянные на дно лоточка; темно-каштановые волосы, сильно удлиненный овалъ лица, наиболѣе приближаютъ ликъ къ извѣстной чудотворной иконѣ Латерана. Спаситель благословляетъ не именословно, но сложеніемъ трехъ перстовъ, въ лѣвой рукѣ, прикрытой гиматіемъ, поддерживаетъ Евангеліе, переданное однако

Digitized by Google

здѣсь безъ пониманія того, что рисовальщикъ дѣлалъ. Гиматій былъ темно-пурпурный, а хитонъ блѣдно-голубой. Изображеніе мученика (по нашей догадкѣ Димитрія, а недостаетъ Георгія) отличается также обычными типическими чертами, т. е. плащемъ или сагіемъ съ плющевымъ рисункомъ, и двумя нашивками, какія бываютъ на патриціанскихъ одеждахъ [1]); въ правой рукѣ мученикъ долженъ держать крестъ.

Двѣ пары золотыхъ сережныхъ подвѣсокъ—колтовъ, выпуклыхъ и полыхъ, съ эмалевыми изображеніями (рис. 59 и 60) грифона съ орлиною головою, львинымъ тѣломъ и крыльями, и

Рис. 57. Кіевскій кладъ 1824 г.

Рис. 58. Кладъ 1824 г.

геральдическихъ «птищей» съ эмблематическими перьями въ видѣ современной карточкой масти трефъ или, точнѣе, лиліи, та же лилія на грифонѣ; очевидно, обѣ фигуры имѣютъ значеніе талисмановъ. Весь общій характеръ фигуръ указываетъ на *русскаго*, не византійскаго эмальера: въ частности, это проявляется наиболѣе ярко въ тѣлѣ грифоновъ, именно въ ошибочномъ рисункѣ обѣихъ заднихъ ногъ. Снимокъ передаетъ, хотя не съ большимъ искусствомъ, за то со вниманіемъ, и стиль фигуръ и даже детали, которыя можно легко угадать, при руко-

[1]) См. объ этихъ деталяхъ въ византійскихъ эмалевыхъ изображеніяхъ въ моей книгѣ: «Исторія и памятники византійской эмали. Собранія А. В. Звенигородскаго», стр. 282, рис. таб. 9, 11.

Digitized by Google

водствѣ другихъ сохранившихся вещей. Такъ, здѣсь передана даже эмаль разныхъ тоновъ темносиняя и лиловая—черными мѣстами, красная и голубая сѣрыми, эмаль выщербившаяся—блѣдно-сѣроватыми; а такъ какъ въ головахъ грифона эмаль повыкрошилась, то и рисунокъ

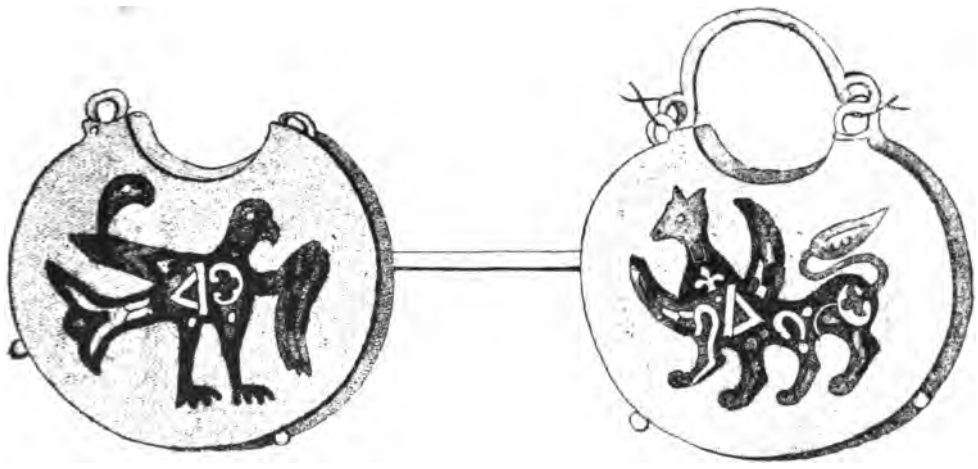


Рис. 59. Серьги Кіевскаго клада 1824 г.

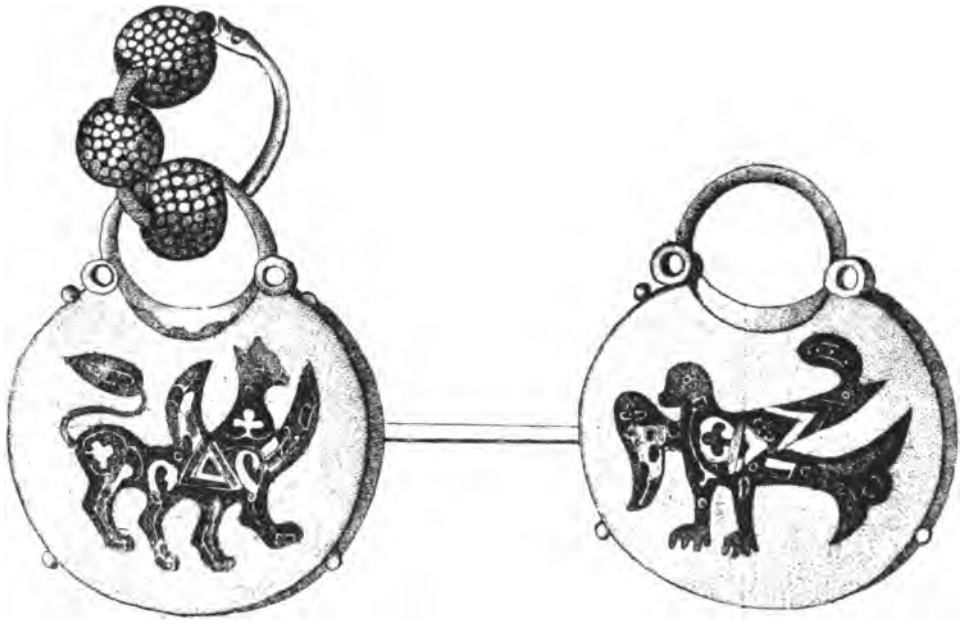


Рис. 60. Тоже. Кіевскаго клада 1824 г.

головъ не точенъ и не характеренъ. Если, наконецъ, въ одной подвѣскѣ изображена вдѣтою обыкновенная кіевская серьга, то это дѣло простой случайности: на этой сережкѣ кончикъ дужки представленъ какъ бы змѣиною головкою неправильно: ни въ одномъ существующемъ экземплярѣ этого нѣтъ, да и быть не могло, потому что этотъ кончикъ былъ всегда закрытъ.

Digitized by Google

Рис. 61. Пара кіевскихъ серегъ клада 1824 г.

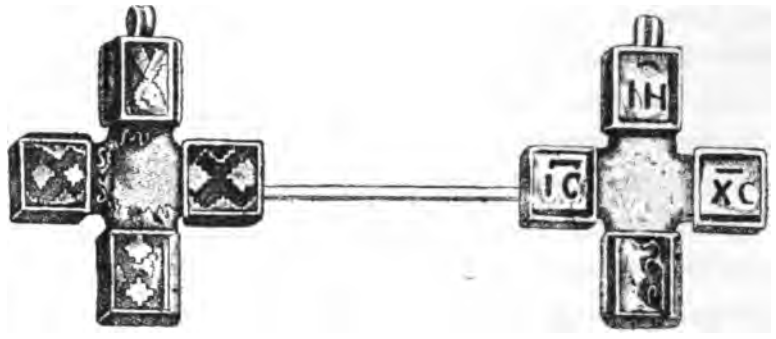


Рис. 62. Тѣльникъ Кіевскаго клада 1824 г.

Одна пара обыкновенныхъ кіевскихъ серегъ (рис. 61) съ тремя бусами пупырчатыми; одинъ тѣльный крестикъ (рис. 62), равносторонній, высѣченный изъ яшмы, по рукавамъ оправленный въ золотыя накладки, на одной сторонѣ съ бѣлою эмалью, по ней синіе городки, на другой съ надписями IC XC НИ КА; одинъ перстень (рис. 63), на серебряной подвижной дужкѣ, золотое гнѣздо съ рѣзнымъ изображеніемъ вглубь кентавра, охотящагося съ соколомъ. Таковы предметы личнаго убора въ кладѣ.

Но въ кладѣ были замѣчательныя мелочи, сорванныя и собранныя наскоро, въ попыхахъ, и относящіяся, видимо, къ убору мѣстно чтимыхъ иконъ. Таковы напр. 25 золотыхъ подвѣсочекъ (рис. 64), которыя въ существѣ происходятъ отъ типа древнихъ *вотолокъ*, т. е. металлическихъ гарнитуръ кистей, съ замѣною кистей грушевидными побрякушками (вмѣсто жемчужинъ), а самой втулки—металлическою крышкою съ жемчужиною наверху, причемъ крышечка вся перевита бисеромъ, повсюду покрыта мелкимъ жемчугомъ; очевидно, эти подвѣски украшали не воздухъ или омофоръ, но скорѣе всего вѣнчикъ иконы. Кромѣ того, этотъ рисунокъ объясняетъ намъ происхожденіе «сіонца—подвѣски», найденной въ Рязанскомъ кладѣ, и въ Кіевскомъ, происходящемъ изъ того же Злато-Михайловскаго монастыря (таб. VII) [1]).

Восемь дужекъ (рис. 65) золотыхъ, широкихъ, украшенныхъ сканью, и каждая тремя

Рис. 63. Перстень клада 1824 г.

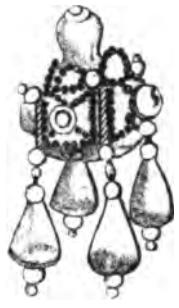


Рис. 64. Изъ 25 золотыхъ вотолокъ Кіевскаго клада 1824 г.

Рис. 65. Изъ Кіевскаго клада 1824 года.

[1]) Въ описаніи серегъ, стр. 157, подъ № 8 ошибочно сказано, что онѣ серебряныя, тогда какъ это былъ, очевидно, сильный альяжъ, золото показалось бѣлымъ, какъ обыкновенно на этихъ серьгахъ, о чемъ сказано ранѣе въ «Исторіи эмали» Гл. I. Рисунокъ указываетъ также двѣ пары, а въ описаніи названа одна.

Digitized by Google

крупными и нѣсколькими мелкими аметистами, яхонтами, рубинами, гранатами, въ гнѣздахъ, нарочно приподнятыхъ, при чемъ главное гнѣздо утверждено на прорѣзной сканной рѣшеточкѣ, съ цѣлью освѣщать камень (см. I главу) и снизу; по всей вѣроятности, дужки эти служили украшеніемъ оклада, вѣнца иконы, но въ тоже время онѣ, непремѣнно, тождественны по своему назначенію съ кіевскими (напр. въ кладѣ Михайловскаго м—ря) золотыми дужками, загадочнаго назначенія, находящимися очень часто въ кіевскихъ кладахъ, но только несравненно богаче въ своемъ уборѣ драгоцѣнными камнями. Затѣмъ чрезвычайно важна и техника въ устройствѣ гнѣздъ, о которой мы уже говорили, какъ о пріемѣ XII стол. (см. Рязанскій кладъ 1822 г.).

20 тонкихъ, листовыхъ, серебряныхъ пластинокъ, съ лицевой стороны позолоченныхъ, съ прорѣзнымъ разводомъ, снабженныхъ по краямъ дырочками для пришиванія, вѣроятно, къ священной одеждѣ, преимущественно омофору, судя по квадратной формѣ пластинъ

Рис. 66. Кіевскій кладъ 1824 года.

Рис. 67. Золотая эмалевая пластинка изъ клада 1824 г.

(рис. 66). Наконецъ одна (рис. 67) треугольная золотая пластинка, украшенная трехчленнымъ византійскимъ разводомъ съ цвѣтками въ срединѣ, исполненными эмалью, происходитъ, судя по формѣ, также отъ убора облаченій, и уцѣлѣла одна изъ многихъ.

Преосвященный Евгеній, въ заключеніе своего краткаго описанія, категорически, на основаніи надписей, относитъ весь кіевскій кладъ 1824 г. къ греческому искусству и даже самый горшокъ, напоминавшій ему ольвійскія амфоры, къ византійскому мастерству. Въ теченіи нижеслѣдующаго труда мы будемъ постепенно доказывать, какъ сильно византійская художественная промышленность привилась въ Кіевѣ, какъ обильны были издѣлія этой русско-византійской работы. Здѣсь мы ограничимся только указаніемъ на одинъ общій фактъ, что если мы еще можемъ считать привозными изъ Константинополя два эмалевыхъ медальона, то даже ихъ отдѣлку должны принимать русскою, мѣстною, а за тѣмъ и всѣ предметы убора личнаго, такъ какъ только въ рѣдкихъ случаяхъ уборы привозятся цѣликомъ и постоянно изъ чужой страны. Даже такіе предметы церковной утвари, какъ потиръ и дискосъ, вѣроятно были сдѣланы въ Кіевѣ, хотя въ греческой мастерской, если рисунокъ точно передаетъ полурусскіе типы

Digitized by Google

въ изображеніяхъ. Нечего и говорить о предметахъ убора, которые изготовляются только для кочевыхъ варваровъ, и во всякомъ государствѣ, согласно господствующему вкусу, производятся на мѣстѣ, за исключеніемъ, конечно, предметовъ высшаго художественнаго достоинства, нерѣдко привозныхъ. Такъ, медальоны съ эмалями, эмалевая пластинка могутъ быть изъ Византіи, но эмалевыя серьги, эмалевая обдѣлка крестика, даже обдѣлка медальоновъ привозныхъ туземной, мѣстной работы, и какъ это ни звучитъ чуждо для нашихъ современныхъ понятій о византійскомъ и древне-русскомъ искусствѣ, но это можетъ даже быть доказано въ теченіи нижеслѣдующаго трактата.

Второй важный вопросъ, имѣющій возобновляться не разъ по поводу многихъ кіевскихъ кладовъ и находокъ въ Старой Рязани, касается соединенія въ кіевскомъ кладѣ 1824 года вещей явно церковныхъ со свѣтскими. Описаніе 1824 года задается уже этимъ вопросомъ и разрѣшаетъ его, согласно пріемамъ того времени, путемъ легендарныхъ, своего рода романическихъ, соображеній: исходя изъ словъ Кенигсбергскаго списка лѣтописи подъ 1203 годомъ, что Черниговскіе князья, при разграбленіи кіевскихъ церквей, взяли «и порты блаженныхъ первыхъ князей, еже бѣша повѣшали въ церквахъ святыхъ на память себѣ», описаніе заключаетъ, что вмѣстѣ съ одеждами князья могли отдавать и свои нарядныя украшенія въ церковь. Изъ этихъ украшеній на виду болѣе всего въ кіевскомъ кладѣ были серьги съ эмалевыми изображеніями, и вотъ составителямъ описанія кажется, что эти серьги могли принадлежать великой княгинѣ Ольгѣ, матери Святослава, такъ какъ только вещи такого достопамятнаго лица могли храниться въ кіевскомъ соборѣ. На самомъ дѣлѣ, конечно, никакого подобнаго мотива мы не имѣемъ права предполагать, а должны руководиться указаніями византійскихъ источниковъ: такъ, у Константина Порфиророднаго часто говорится о «скарамангіяхъ», служившихъ завѣсами въ церквахъ, и хотя мы не знаемъ, что именно за одежда была пресловутый скарамангъ, однако ясно, что это должна была быть широкая одежда, своего рода полотнище, кусокъ дорогой матеріи, который можно было употребить, какъ завѣсу; изъ уборовъ своихъ императоры жертвовали въ церковь свои вѣнцы, точнѣе, только подобія вѣнцовъ или коронъ, для подвѣшиванія къ престолу царя царей, подъ арки киворія. Въ дополненіе ко всему тому, что мы имѣли уже случай высказать ранѣе, можемъ здѣсь прибавить, что именно такою «вотивною» короною предстявляется намъ теперь и извѣстная корона Карла Великаго, съ изображеніемъ Спасителя rex regnantium, кромѣ уже указанныхъ: короны венгерской, вѣнцовъ королей готскихъ и пр.

Кіевскія находки 1824—1846 гг.

Въ 1824 году [1]) обнаружены были фундаменты древней *Десятинной* церкви, сложенные изъ большаго квадратнаго кирпича, соединеннаго толстымъ слоемъ розоваго цемента; найдены: мраморныя квадратныя плитки, составлявшія половую мозаику; архитектурные орнаменты изъ краснаго шифера и мрамора, обломки штукатурки, покрытой фресками, зерна мусіи (мозаическіе кубики), гробницы, сложенныя изъ плитъ краснаго шифера; на нѣкоторыхъ плитахъ были

[1]) Приводимъ выписку изъ обзора В. Б. Антоновича, *Археологическая карта Кіевской губ.*, приложеніе къ XV т. *Древностей*, изд. Имп. Моск. Археол. Общ. 1895, стр. 32—33.

Digitized by Google

рельефно высѣчены орнаменты; въ гробницахъ были человѣческія кости съ остатками шелковой ткани и ремней. Но никакихъ извѣстій о находкахъ въ эти ближайшіе годы (о позднѣйшихъ отъ 1837 по 1876 г. см. ниже) не было сообщено, повидимому, нигдѣ.

Съ 1837 г. по 1846 годъ, а главнымъ образомъ, въ 1846 году въ Кіевѣ, около фундаментовъ и на погостѣ древней Десятинной церкви, найдены весьма разнообразныя и многочисленныя древности, къ сожалѣнію, частію разошедшіяся по рукамъ и настолько разбросанныя по собраніямъ, что, видимо, служили предметомъ дѣлежа для находчиковъ и властей, хотя находки эти были результатомъ предпринятой задачи возстановленія кіевской древности и потому должны были, казалось, имѣть право на вниманіе. Такъ найдены были [1]): двѣ серебряныя *гривны* (кунъ) шестиугольной кіевской формы; *одиннадцать* серебряныхъ *браслетовъ* изъ толстаго дрота гладкихъ и со спиральной насѣчкой, подражающей плетенію проволочному, и орнаментальною линіею на приплюснутыхъ концахъ; *золотыя* (числомъ десять) *кіевскаго типа серьги* (*и 4 серебряныя*) изъ проволочнаго кольца, обвитаго сканью, съ утвержденными промежь скани тремя бусинами, въ одной парѣ—украшенными на подобіе жемчужинъ, сидящихъ въ сканномъ плетеніи, въ другой парѣ бусы украшены сканными розетками, а въ третьей—бусы сдѣланы ажурными, изъ тонкой проволоки; бронзовый *складень* съ изображеніемъ вглубь Распятія на лицевой и Богоматери съ архангелами и святыми въ кругахъ на оборотной сторонѣ; обломки стеклянныхъ браслетовъ и пр.

Важнѣйшую находку, однако, составляетъ золотая *цѣпь* (рис. 68) изъ десяти медальоновъ или бляшекъ, украшенныхъ эмалевыми изображеніями птицъ, поступившая въ музей графа А. С. Уварова въ Порѣчьи; три бляшки, принадлежащія цѣпи, были найдены особо, но предметъ, конечно, составлялъ часть клада, спрятаннаго на церковномъ погостѣ,—случай, встрѣчающійся и далѣе (о цѣпяхъ см. отдѣлъ III главы).

Въ музеѣ графа А. С. Уварова въ Порѣчьи находятся пара золотыхъ (малаго размѣра) сережныхъ подвѣсокъ съ эмалью кіевскаго типа и происхожденія, пріобрѣтенныя покупкою, но

Рис. 68. Часть цѣпи изъ 10 эмалевыхъ бляшекъ, изъ Кіева, въ Музеѣ Порѣчья.

[1]) Въ Моск. Румянцов. Музеѣ № 2509—12 и Историч. Музеѣ въ 7 залѣ: вещи какъ будто подѣлены между двумя собраніями, такъ что въ каждомъ есть браслеты, серьги и гривны.

Digitized by Google

безъ дальнѣйшихъ свѣдѣній о мѣстѣ и времени находки. Подвѣски отлично сохранились, включительно до скобочекъ для жемчужной обнизи. По обѣимъ сторонамъ исполнены тонко эмали рѣзныхъ цвѣтовъ: бѣлаго, красно-кирпичнаго, пепельно-голубаго, бирюзоваго и темно-лиловаго. Сюжеты представляютъ: съ лица двухъ птицъ по сторонамъ дерева, а на оборотѣ: въ срединѣ кружокъ съ розеткою и вокругъ три кружка и четыре вырѣзки въ формѣ трапеціи, какъ будто бы это были вырѣзки для продѣтаго вѣнчика или такъ наз. нимба, который былъ бы продѣтъ съ испода лентою вокругъ: очевидно круглыя и четыреугольныя вырѣзки замѣняютъ гнѣзда съ камнями, городчатый же орнаментъ, въ нихъ исполненный, уже уподобляетъ все вмѣстѣ вѣнчику, діадемѣ или лентѣ, повязкѣ вокругъ головы, а затѣмъ и всякой повязкѣ на освященномъ предметѣ, которая сначала имѣла значеніе религіознаго посвященія, жертвы, а потомъ украшенія (рис. 69—73).

Между находками, происходящими изъ Кіева (нѣсколько экз. (рис. 69—73) въ Минцъ-Кабинетѣ Кіев. Унив. № 148—151, 1009, 1495, 2716, 3388 и 3390), часто встрѣчаются перстни,

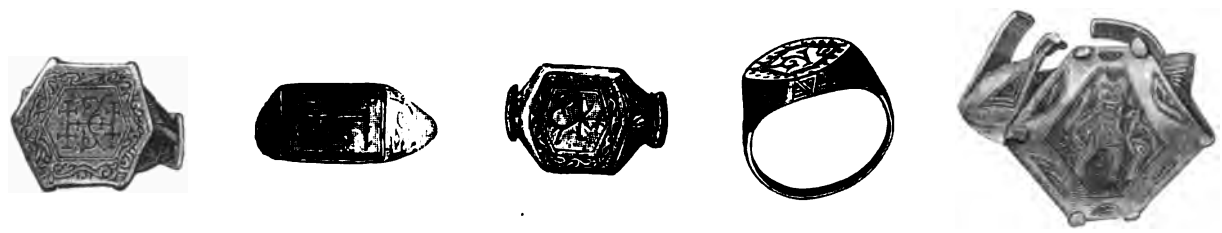


Рис. 69—73. Перстни золотые и серебряные изъ Кіева. Минцъ-Каб. Кіев. Ун.

но рѣдко золотые, и то уже не съ характеромъ печати (перстни съ печаткою почти исключительно серебряные или даже мѣдные), а вообще декоративные женскіе перстни или кольца; вмѣсто печатки нерѣдко можно встрѣтить или украшеніе сканью, или чернью исполненный орнаментъ, или камень и имитаціи камней въ гнѣздахъ, изъ камней всего чаще изумрудъ и гранатъ. Одинъ перстень, найденный въ усадьбѣ Климовича у Десятинной церкви, украшенъ крестами, исполненными наколомъ (Кіев. Унив. № 1235), другіе монограммами греко-византійскими, эмблематическими львами, грифонами и пр.; чаще всего чернью, рѣзьбою и пр. Большинство принадлежитъ Кіевскому періоду древней Руси—IX—XII стол., но есть и болѣе древніе перстни, украшенные кораллами, принесенными, какъ мода, изъ Средней Азіи и составившими моду для издѣлій Ю. Россіи еще во времена Готѳовъ (№ 2844).

Въ 1827 году, въ томъ же Кіевѣ, на Львовской улицѣ, въ домѣ Августиновича, въ Старомъ Городѣ, при копаніи погреба, найдены [1]), въ мѣдномъ котелкѣ, слѣдующія золотыя вещи: цѣпь изъ 23 полыхъ внутри бляхъ, вѣсомъ 16½ золотниковъ (нынѣ хранимая въ Средневѣковомъ Отдѣленіи Эрмитажа и издаваемая нами на табл. X), двѣ сережныя подвѣски,

[1]) Свѣдѣнія объ этомъ кладѣ находятся въ Дѣлѣ Имп. Эрмитажа 1829 года № 22, по Архиву № 140, розысканномъ бар. В. Г. Тизенгаузеномъ.

Digitized by Google

вѣсомъ 12½ зол., части другой пары, обрывки тонкой золотой цѣпочки и одиннадцать скобочекъ (вѣсомъ 14¼ зол.), при этомъ около сотни зеренъ мелкаго жемчуга. Изъ «дѣла» извѣстно, что всѣ эти вещи были пересланы, для храненія, въ Имп. Эрмитажъ, Кёлеру, но въ настоящее время, съ передачею русскихъ древностей въ Средневѣковое Отдѣленіе Эрмитажа, можетъ быть указана между вещами «неизвѣстнаго происхожденія» только цѣпь изъ золотыхъ бляшекъ и, быть можетъ, пара золотыхъ серегъ съ эмалью, издаваемая на той же X таблицѣ.

Золотой медальонъ (табл. XV, I), шириною 0,03 м. въ поперечникѣ, съ эмалевымъ изображеніемъ Спасителя [1]) погрудь съ Евангеліемъ въ рукахъ, найденный проф. Ставровскимъ, на старомъ Кіевѣ, *въ усадьбѣ Королева*, въ 1838 году, и нынѣ находящійся въ Минцъ-Кабинетѣ Кіевскаго Университета (№ 145), есть не болѣе, какъ эмалевая пластинка, снятая съ оклада или креста, но послужившая затѣмъ тѣльникомъ. Она замѣчательна и по тонкому исполненію эмали лучшаго времени, XI или первой половины XII вѣка, хотя цвѣта эмали сильно измѣнились, а Христосъ облеченъ уже въ лиловый (пурпурный) гиматій *и бирюзовый* хитонъ (позднѣйшій цвѣтъ). Ликъ Христа сохранилъ еще въ темно-каштановыхъ волосахъ и въ округлой головѣ древній типъ, но широта плечъ выдаетъ обычную уже для мозаикъ XI—XII вѣка композицію. Во всякомъ, однако, случаѣ, медальонъ этотъ есть *византійское* произведеніе, скорѣе всего, пластинка, снятая съ оклада Евангелія или иконы и креста и употребленная уже въ Россіи какъ тѣльникъ, чему имѣемъ много примѣровъ. Но такъ какъ, вмѣстѣ съ медальономъ, въ фундаментахъ древняго зданія, сложеннаго изъ квадратныхъ кирпичей, съ плитками цѣнинными и одною доскою краснаго шифера, найдены [2]) были также: золотые: *крестикъ*, сканная *буса*, четыре *перстня*, пять серебряныхъ монетныхъ гривенъ кіевскаго типа, то можно предположить, что все вмѣстѣ составляло кладъ.

Черниговскій кладъ 1850 г.

Въ 1850 году въ *Черниговѣ*, при рытьѣ фундамента для постройки зданія пансіона, найденъ кладъ серебряныхъ и золотыхъ вещей (нынѣ въ Минцъ-Кабинетѣ Кіевскаго Университета, подъ № 451—7). Между ними встрѣтился обломокъ серебрянаго медальона отъ бармъ съ изображеніемъ креста, какъ на суздальскихъ древностяхъ; далѣе шли обыкновенные предметы: сер. браслеты въ видѣ змѣи, серебряный перстень и пр. Но двѣ золотыхъ сережныхъ подвѣски съ эмалевыми украшеніями и лучевыми коймами (т. наз. черниговскаго типа), происходящія отъ двухъ паръ (кладъ, быть можетъ, былъ распроданъ и разошелся по рукамъ), заслуживаютъ особаго вниманія. На лицевой сторонѣ одной изъ подвѣсокъ (рис. 74) въ маленькомъ эмалевомъ полукругѣ представлено двѣ птички по сторонамъ кружка съ лиліею; на оборотѣ лилія или кринъ. На другой подвѣскѣ (рис. 75) съ лица эмалью представленъ только кружочекъ съ крещатымъ дѣленіемъ и отрѣзки вѣнчика съ аканѳами; оборотная же сторона орнаментирована такъ близко къ Константинопольской серьгѣ И. П. Балашева, и къ Эрмитажной серьгѣ (табл. X и XIV), неизвѣстнаго происхожденія, что уже по этому одному заслуживаетъ нашего

[1]) *В. Б. Антоновичъ, Археологическая карта Кіевской губ.*, стр. 34.

[2]) Изданъ въ соч. *Исторія и памятники виз. эмали. Собраніе А. В. Звенигородскаго*, рис. 58, стр. 196.

Digitized by Google

Рис. 74. Золотая эмалевая серьга изъ Кіева. Минцъ-Каб. Кіевъ. № 456.

Рис. 75. Тоже. № 457.

вниманія. Эмалью украшена здѣсь крохотная лунница, въ ней поле раздѣлено зигзагомъ, и въ углахъ помѣщены листики, бутоны. Затѣмъ вокругъ эмалеваго щитка была жемчужная обнизь, далѣе кайма, украшенная отличною сканью, въ видѣ перегородочекъ, положенныхъ на ребро, и затѣмъ зубчатый бордюръ изъ лучей съ золотыми шляпками на концахъ, вмѣсто жемчужинъ. Дужка была употреблена замѣчательно плоская.

Владимірскій кладъ (таблица XXI), найденный въ 1865 году, былъ, непосредственно послѣ его находки, разсмотрѣнъ такъ подробно и въ научномъ отношеніи тщательно, въ извѣстномъ трактатѣ В. В. Стасова, что нынѣ нуждается не въ новомъ детальномъ описаніи, а лишь въ дополненіяхъ съ точки зрѣнія, нами въ этомъ сочиненіи устанавливаемой. Въ виду также особо важнаго значенія, какое имѣютъ найденные при кладѣ куски матеріи, прежде чуть не единичныя рѣдкости, а нынѣ входящіе, какъ звено, въ длинную цѣпь греко-восточныхъ тканей, находимыхъ въ предѣлахъ Россіи, мы считаемъ необходимымъ отложить до времени анализъ этихъ послѣднихъ вещей, предпочитая сослаться на то же тщательное изслѣдованіе тканей В. В. Стасова, вполнѣ достаточное для знакомства съ ними. Для нашей задачи важны собственно въ издаваемомъ теперь выпускѣ лишь металлическія вещи клада и притомъ спеціально лишь пара подвѣсныхъ колодочекъ, украшенныхъ эмалью. **Владимірскій кладъ 1865 г.**

I. Послѣ различныхъ кіевскихъ серегъ этого типа, намъ уже извѣстныхъ, владимірскій экземпляръ кажется съ самаго начала неуклюжимъ, аляповатымъ, и не мудрено: колты эти имѣютъ особенную толщину немного болѣе даже 2 сантиметровъ; далѣе, ихъ форма расплывчатаго овала, въ продольной ширинѣ 0,055 м., въ поперечной 0,05 м., съ сильною выпуклостью, представляетъ варварскую утрировку. Дужекъ не сохранилось, но по причинѣ толщины подвѣсокъ, для нихъ были сдѣланы двойныя колечки, разставленныя другъ отъ друга. Далѣе, широкій ободокъ, между двухъ щитковъ устроенный, представляетъ скобочки для жемчужныхъ нитей только въ видѣ едва примѣтныхъ остатковъ возлѣ дужки, и потому даже сомнительно, была ли такая нить въ дѣйствительности на этой парѣ. Желобокъ подъ дужкою такъ широкъ, что былъ полуприкрытъ съ обѣихъ сторонъ тонкими полосками, но сомнительно,

Digitized by Google

чтобы первоначальное значеніе полости въ серьгѣ было здѣсь сознательно сохранено. Благодаря внимательности В. В. Стасова, мы знаемъ также низкій альяжъ употребленнаго золота. И такъ, на первый взглядъ, эти вещи представляютъ лишь серіи болѣе или менѣе грубыхъ недостатковъ, которые, по ихъ обыденности и мелочности, было бы даже излишне перебирать.

Но когда отъ этихъ мелочей мы обращаемся къ украшающимъ колты эмалямъ, для насъ разомъ выступаетъ ихъ первоклассная важность: эти эмали тождественной фактуры съ эмалями Рязанскаго клада 1822 года и потому являются, очевидно, художественными издѣліями не Кіевской Руси, но сѣверныхъ мастерскихъ Муромо-Рязанской области или Суздальской. И потому мы позволимъ себѣ войти въ нѣкоторыя техническія подробности.

Краски эмалей отлично сохранились, еще мѣстами не лишились даже первоначальной шлифовки и блеска. Окончательно разрушилась и утратила цвѣтъ только коричневая эмаль волосъ, и что это *не случайность* — доказывается тѣмъ, что она разрушена на обѣихъ серьгахъ въ ликахъ мучениковъ, что конечно, можно видѣть только на оригиналѣ, не на рисункѣ. Поблекла блѣднобирюзовая краска нимбовъ и хитоновъ, но отлично удержала цвѣтъ синяя, свѣтлозеленая и красная. Однако, мѣстами видны въ краскахъ ямки, происходящія отъ дурной плавки. Ленточки оказываются часто или порванными, или заходящими одна за другую, какъ и въ кіевскихъ издѣліяхъ. Но что́ самое любопытное—это извѣстный характеръ рисунка, особая типичность фигуръ, особенно ликовъ, которая обращаетъ на себя вниманіе сходствомъ съ Рязанскими эмалями и окладомъ Мстиславова Евангелія, котораго эмалевые кіотцы съ мучениками, по мнѣнію Г. Д. Филимонова и нашему, исполнены на сѣверѣ Россіи, т. е., по всей вѣроятности, въ Новгородѣ. Значитъ, даже въ такомъ, въ высшей степени технически—трудномъ, даже механическомъ искусствѣ, каковы эмали, исполняемыя при помощи перегородокъ, существуетъ стильный пошибъ опредѣленнаго характера. Правда, изображенія на Мстиславовомъ Евангеліи грубѣе нашихъ и заставляютъ поэтому или относить Владимірскую пару къ эпохѣ болѣе ранней, или, что проще, считать, что мастерскія Новгорода работали хуже византійскихъ.

На владимірскихъ серьгахъ изображены эмалью два святыхъ мученика, скорѣе всего—Св. Димитрій и Св. Георгій (а не Борисъ и Глѣбъ), и потому представлены въ свѣтло-пепельныхъ хитонахъ и синихъ мантіяхъ, держащими у груди кресты, а не въ княжескихъ одеждахъ; оба лика совершенно тождественны, чего не допустилъ бы греческій мастеръ.

2. Обломки трехъ медальоновъ или круглыхъ гривенъ изъ позолоченнаго серебра и при нихъ шесть кусковъ дутыхъ серебряныхъ золоченыхъ бусъ—все, что осталось отъ княжескаго церемоніальнаго нагруднаго убора, и не будь на двухъ обломкахъ сохранившейся фигуры Архангела, а на другихъ крыла и сферы отъ втораго изображенія Архангела, въ этихъ кускахъ не было бы даже прямаго интереса. Между тѣмъ, присутствіе этихъ изображеній переводитъ насъ въ иную среду, непосредственно соприкасающуюся съ Византіею и ея религіозными типами. Очевидно, фигуры архангеловъ исполнены на этихъ медальонахъ въ качествѣ обычныхъ профилактическихъ эмблемъ для погруднаго украшенія воина и притомъ полководца.

Digitized by Google

3. Обломки широкаго браслета или наруча изъ листоваго серебра, съ слѣдами позолоты по каймамъ и черни въ фонахъ и изображеніяхъ птицъ: наручъ состоитъ изъ двухъ полуразрушенныхъ створокъ съ шарнирами, на которыхъ въ два пояса идутъ рѣзныя фигурки стоящихъ птицъ, окаймленныя широкою золоченою каймою съ бордюрами изъ жгутовъ. Эти коймы, ведущія свое начало отъ византійскихъ желобковъ для жемчужныхъ пронизокъ, повторялись весьма устойчиво въ XII—XIII вѣкахъ въ русскихъ украшеніяхъ. Далѣе, здѣсь должно отмѣтить насѣчку фона для пріема черневой поливы.

4. Семь аграфовъ или застежекъ изъ золота съ столь сильнымъ алльяжемъ серебра, что оно кажется даже золоченымъ серебромъ; аграфы состоятъ изъ дрота съ двумя колечками, завернутыми по концамъ для проволоки, которою эти дроты должны были укрѣпляться; на дротахъ укрѣплено сканными нитями по три ажурныхъ бусины, которыхъ восемь прорѣзныхъ кружковъ окаймлены тонкою сканью, наложенною въ два ряда и припаянною. Аграфы эти считаются принадлежностью кафтана, вмѣсто обычныхъ петель, служившею для скрѣпленія разрѣзовъ или бортовъ въ родѣ разрѣзныхъ рукавовъ персидскихъ, нѣкоторыхъ кавказскихъ кафтановъ, лезгинокъ и пр. Впрочемъ объ этой принадлежности одежды мы будемъ говорить въ особомъ мѣстѣ.

5. Пара обломковъ отъ серебряныхъ, позолоченныхъ, тисненыхъ въ листѣ, крестика и крина съ ушкомъ для подвѣски, любопытна какъ указаніе на то, что и крестики подобнаго набора могли употребляться для пронизокъ ожерелья, въ чередованіи съ кринами (см. Кіевскія находки этого рода).

6. Парою овальныхъ и плоскихъ кабошоновъ изъ горнаго хрусталя и парою четвероконечныхъ крестиковъ изъ шифера и серпентина, лишенныхъ оправы, заканчивается содержаніе Владимірскаго клада.

Рязанскій кладъ 1868 г.

Въ Старой Рязани, с. Спасскаго у. Рязанской губ., въ 1868 году былъ найденъ при распахиваніи земли [1]) кладъ серебряныхъ вещей, описываемый нами здѣсь исключительно ради пяти серебряныхъ круглыхъ медальоновъ: большаго срединнаго—0,071 м. съ изображеніемъ креста на разводахъ, двухъ меньшихъ —0,065 м. съ погрудными фигурами Спаса благословляющаго и Богородицы, и двухъ малыхъ съ крестами 0,052. Въ томъ же кладѣ были найдены: одинъ аграфъ изъ лигатурнаго золота съ тремя бусами и двумя ушками для проволоки; пара серебряныхъ подвѣсокъ изъ конусообразной вотолки, украшенной зернью—городками, съ 9 подвѣсными цѣпочками, на которыхъ имѣются ажурные наузы и поталы по концамъ, набранные сканью и зернью; два мѣдныхъ крестика, три великолѣпныхъ бусы, шир. 0,035 м., украшенныхъ тончайшею сканью и зернью; тонкая, на четыре грани плетеная, цѣпь изъ серебра съ наглавниками, держащими проволочное кольцо съ бусиною, но безъ подвѣшеннаго на цѣпи предмета; и наконецъ пять отдѣльныхъ эмальированныхъ золотыхъ бляшекъ, въ видѣ

---

[1]) Мѣсто находки обозначено въ донесеніи уѣздн. исправника, см. *Дѣло Арх. Комм.* № 10, 1868 г., у большой дороги, въ концѣ вала или земляной насыпи, служившей, по преданію, крѣпостнымъ валомъ Старой Рязани, вблизи извѣстныхъ остатковъ княжескаго терема и собора Св. Бориса и Глѣба, среди которыхъ въ 1836 г. Тихомировымъ было открыто много древностей.

Digitized by Google

трехъ орнаментальныхъ крестовъ на подножіи и пара треугольничковъ. Эмаль состоитъ изъ городковъ, срединной лиліи или крина въ кругу, трикветры, бѣлой лиліи и четыре-лепестковой розетки; для того, чтобы выполнить эмаль, надо было углублять лоточки до глубины почти 2 миллиметровъ, и потому углублять самыя бляшки, сильно выбивая ихъ изъ золота, и кромѣ того надо было дѣлать насѣчку на фонѣ. Тѣмъ не менѣе, эмаль хотя и поблекла, но мало пострадала и можно считать даже, что отлично сохранилась; разложился окончательно лишь красный цвѣтъ, и то въ треугольникахъ онъ отлично сохранился. По краямъ всѣхъ бляшекъ есть дырочки для ихъ пришиванія.

Главный предметъ находки составляетъ цѣпь изъ тисненыхъ серебряныхъ бляшекъ, соединенныхъ колечками и связанныхъ въ двухъ промежуточныхъ частяхъ (на плечахъ) цѣпочками; бляшки украшены толстою сканью въ видѣ орнаментальныхъ крестовъ на разводахъ и крестообразныхъ фигуръ; объ этомъ предметѣ клада говорится ниже въ экскурсѣ о церемоніальныхъ цѣпяхъ.

Кладъ золотыхъ и серебряныхъ вещей, найденный въ 1872 г. (М. К. Кіев. унив. № 1667—1707) у Десятинной церкви, на углу Десятинной и Владимірской улицъ, въ усадьбѣ Масютина, заключалъ въ себѣ 32 полускобочки (и 12 кусковъ) изъ серебра, каждая съ тремя дырочками и шарниромъ по концамъ, также выгнутыхъ дугою. При этомъ были найдены разрозненныя большія серьги съ ажурными бусинами, украшенными зернью и сканью.

Кіевскій кладъ 1876 г.

Кладъ, извѣстный нынѣ (таблица XV) подъ именемъ Лѣскова, найденъ былъ въ 1876 году, 18 Марта, въ Кіевѣ, въ усадьбѣ кіевскаго гражданина Игнатія Лѣскова, на углу Большой Владимірской и Десятинной улицъ, слѣдовательно, вблизи отъ Десятинной церкви, однако вовсе не въ ея предѣлахъ, какъ сообщали о томъ первыя извѣстія прессы, оповѣщенной уже въ Апрѣлѣ. По этимъ извѣстіямъ, безъ сомнѣнія, крайне преувеличеннымъ [1]), кладъ представлялъ будто бы, во время его открытія, «груду золотыхъ вещей вѣсомъ въ нѣсколько фунтовъ». Евреи, по словамъ тѣхъ же извѣстій, скупили большую часть золота, платя напр., какъ одинъ золотыхъ дѣлъ мастеръ на Подолѣ, 20 рублей за фунтъ золота, и за 14 серебряныхъ гривенъ другой — всего 90 коп. Рабочіе дарили будто бы другъ другу золотые перстни (ихъ всего послѣ оказалось въ кладѣ *три*). И хотя «не мало вещей, говорятъ, попало и въ руки полиціи», однако, «уцѣлѣла лишь небольшая часть клада». Затѣмъ, прибавлялось, что мѣстные археологи: профессоръ В. Б. Антоновичъ и г. Роговичъ посѣтили Лѣскова, «сохранившаго часть клада» и видѣли «съ двѣ пригоршни золотыхъ украшеній»; что «удалось прослѣдить и за другими» найденными вещами, но можно сказать навѣрно, что тѣхъ, которыя попали къ евреямъ, болѣе не придется видѣть». Въ концѣ слѣдовало и объясненіе этой несчастной судьбы русскихъ кладовъ: «законъ, обязывающій отдавать найденныя старинныя вещи (точнѣе: клады) въ казну за плату по оцѣнкѣ, ведетъ къ тому, что практическіе евреи, избѣгая возиться съ администраціею, уплачиваютъ сами

[1]) «Петербургская Газета» отъ 15 Апр. 1876 печатала выдержку корреспонденціи «Биржевой Газеты» отъ ближайшаго времени.

Digitized by Google

себѣ стоимость вещей сплавленнымъ кускомъ золота или серебра». Вотъ взглядъ, почерпнутый корреспондентами въ интеллигентныхъ сферахъ Кіева: кладъ распропалъ, частію, на половину, на двѣ трети—никто даже порядкомъ не потрудился узнать, ни ученыя общества, ни частныя лица, и виноватъ въ этомъ только законъ, который мѣшаетъ заниматься публично распродажею кладовъ, съ аукціона, поштучно, тому, кто больше дастъ, который требуетъ представленія вещей, съ тѣмъ что за нихъ казна возмѣститъ и стоимость матеріала, и цѣнность художественнаго достоинства и цѣну историческаго значенія вещи [1]). Ясно, куда ведетъ подобный взглядъ, проводимый, прежде всего, русской интеллигенціею и столь удобный для скупщиковъ, ставимыхъ подъ ея защиту.

Въ частности, для насъ важно также, что никто не составилъ никакой описи кладу, пока еще можно было сдѣлать, а первая опись, поданная въ Коммиссію, содержитъ въ себѣ даже меньше вещей, чѣмъ сколько ихъ нынѣ находится въ Кіевскомъ Университетскомъ Музеѣ.

Хотя нашъ кладъ былъ старательно уложенъ въ двухъ сосудахъ, мѣдномъ и глиняномъ, однако, не сохранился настолько хорошо, какъ бы слѣдовало (если не предполагать, что цѣпь и другія вещи были первоначально положены въ кускахъ). Кладъ нынѣ сохраняется въ Минцъ-Кабинетѣ Кіевскаго Университета за №№ 2320—35; двѣ пары золотыхъ серегъ изъ клада поступили будто-бы, по слухамъ, въ частныя собранія [2]). На первомъ мѣстѣ въ кладѣ должно, конечно, поставить пару замѣчательныхъ серегъ съ подвѣсными круглыми и полыми внутри колтами, изъ золота и украшенныхъ эмалями, отличной мѣстной работы. Эти серьги отличаются отъ другихъ кіевскихъ находокъ этого рода во 1-хъ особенно малыми размѣрами: онѣ имѣютъ только 0,04 м. въ поперечникѣ и 0,015 м. толщины всего щитка; во 2-хъ оригинальностью сюжета, взятаго для эмальированія ихъ съ лицевой стороны. Именно, здѣсь впервые эмальеръ прибѣгъ къ орнаментаціи серегъ женскою головкою въ коронѣ, судя по головному убору, видимо, дѣвицы, по распущеннымъ кудрямъ, и вовсе не символическаго, а простаго, декоративнаго значенія. Голова представлена въ кругу, синее поле украшено цвѣтками и цвѣтными бисеринками; корона имѣетъ форму кокошника съ высокимъ уборомъ, украшена начельнымъ рубиномъ и изумрудами; платье дѣвы золотое. Вокругъ этого средняго эмалеваго щитка, лицевая сторона украшена также эмалевыми вѣтками аканѳа, непригляднаго и тяжелаго рисунка. На оборотной сторонѣ двѣ птицы по сторонамъ цвѣточнаго стебля (лиліи?), имѣющаго почти видъ древа жизни, въ краткой схемѣ.

Пара сережныхъ подвѣсокъ изъ клада усадьбы Лѣскова отличается и малыми размѣрами (таб. XV, 12—19) и отличною сохранностью и оригинальностью эмалевыхъ изображеній [3]). За-

---

[1]) Считаемъ важнымъ, для пользы дѣла, упомянуть, что, какъ видно изъ *Дѣла Имп. Арх. Коммиссіи* за № 10, 1876 г., г. Лѣсковъ желалъ съ Петербургской Коммиссіи получить 10.000 рублей, и когда вещи ему были возвращены, въ виду несообразности цѣны, продалъ ихъ Кіевскому Университету за 1000 рублей, будто бы «полностью».

[2]) Кладъ былъ сполна срисованъ для Имп. Археологической Коммиссіи, см. рис. при дѣлѣ № 10, 1876 г.; часть клада, находящаяся въ Музеѣ, сфотографирована Мейеромъ, но описана нами по оригиналамъ.

[3]) Отлично сохранена поверхность и даже скобочки для жемчужныхъ нитей, одна серьга съ краю пробита (для подвѣски?); у одного колта дужки нѣтъ, у другаго средина щитка вдавлена, эмаль на птичкахъ пострадала, на

Digitized by Google

тѣмъ, сравнивая съ колтами усадьбы Есикорскаго и Б. Житомирской улицы, легко замѣчаешь здѣсь болѣе высокую фактуру, точнѣе сказать, исполненіе, при относительно той же техникѣ колта и совершенно тождественномъ пошибѣ въ рисункѣ и краскахъ. Рисунокъ здѣсь отличается большею увѣренностью, выдержанностью, даже правильностью, что особенно легко можно было бы замѣтить, сличивъ контуры лицъ, здѣсь изображенныхъ, съ колтами черниговскими или рязанскими: особенно бросаются въ глаза крайне тонкіе длинные носы, узкая линія кудрей, продолговатый овалъ, поворотъ зрачковъ и взгляда влѣво, а равно ясная форма аканѳовыхъ разводовъ и пр. Переходя къ краскамъ, замѣчаешь также: удивительную чистоту синяго тока, тѣлесный чудный оттѣнокъ общаго тона тѣла въ лицахъ и шеѣ, при чемъ эмаль эта остается полупрозрачною. Въ орнаментахъ красныя коймы сильно разлагаются, но все же сохранились лучше, чѣмъ гдѣ либо.

На лицо изображены женскія головы въ вѣнцахъ, имѣющихъ форму коническихъ кикъ или кокошниковъ, съ двумя бирюзовыми камнями и краснымъ налобнымъ. Волосы распущены кудрями, что указываетъ на дѣвицу, на тѣлѣ намѣчена золотая одежда. Въ полѣ бѣлыя жемчужинки, бѣлыя розеточки, бирюзовыя и красныя крапины. По сторонамъ, въ обычной схемѣ: пальметка въ серединѣ, пара развертывающихся и свернутыхъ листковъ (аканѳа) и два отрѣзочка ихъ, какъ бы продѣтыхъ сквозь золото лентъ.

На оборотѣ двѣ птицы—голуби—по сторонамъ древа, обернувшись къ нему. Древо имѣетъ бѣлый стволъ, бѣлую пальметку на вершинѣ и внизу два корня съ срединнымъ бутономъ, какъ бы была изображена лилія. Очевидно, это и не есть дерево, но таже бѣлая лилія, полевой кринъ съ краснымъ бутономъ цвѣтка. Птицы имѣютъ синюю окраску перьевъ на тѣлѣ и крыльяхъ, одно бирюзовое перо въ хвостѣ и бирюзовую головку.

Нѣкоторая мутность эмали (сравнительно съ чисто византійскими работами X—XI вѣковъ), рѣзкость тона бѣлой эмали, и въ особенности вишневый оттѣнокъ тѣлеснаго цвѣта указываютъ кіевскую плавку XII вѣка.

Въ кладѣ нашлись также двѣ пары подобныхъ сережныхъ подвѣсокъ изъ серебра, и притомъ одна пара большаго размѣра (съ ажурнымъ ободомъ вмѣстѣ, пара имѣетъ 0,063 м.), а другая столь же малаго (0,04 м.), какъ и указанная выше золотая пара. Первая пара имѣетъ, какъ мы сказали, ажурный ободъ, въ видѣ кружевныхъ, изъ плетенія серебряной проволоки, рѣшеточекъ или арочекъ, а внутри, на особыхъ вставныхъ щиткахъ, изъ черни выполнено изображеніе птицы и двухъ птицъ по сторонамъ растенія. На малой парѣ тою же чернью выполнена орнаментація всей подвѣски вѣнчиками и кружками, съ орнаментальными разводами внутри.

Изъ обыкновенныхъ кольчатыхъ серегъ съ насаженными на проволоку бусинами нашлось шесть золотыхъ, не только разныхъ по рисунку, что еще не мѣшало составлять пару,

---

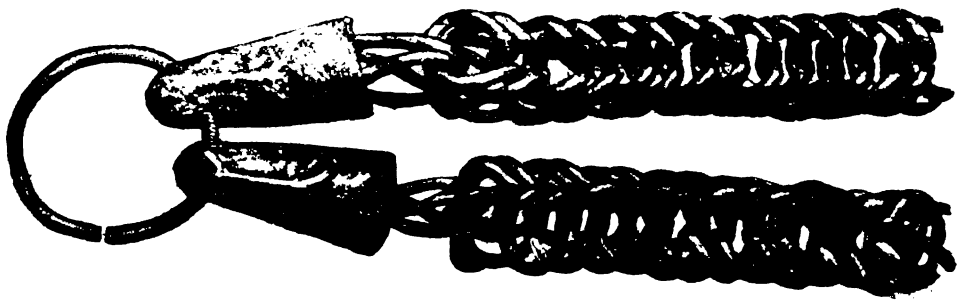
древѣ лоточекъ совершенно обнажился. Превосходная передача нашего снимка, исполненнаго Е. Б. Барсуковою, по рисунку и со стороны измѣнившихся эмалевыхъ красокъ, не оставляетъ желать ничего лучшаго и не требуетъ здѣсь никакихъ оговорокъ

Digitized by Google

но и по размѣру, такъ что, повидимому, въ этой части кладъ не полонъ, и три серебряныхъ, также различающихся по величинѣ. По обычаю, золотыя серьги отличаются и болѣе тонкою работою, плетеніемъ изъ тонкихъ золотыхъ нитей, болѣе ажурными формами бусинъ, тогда какъ серебряныя имѣютъ бо̀льшіе размѣры, бусы ихъ съ бисерною зернью, нерѣдко отъ носки сгладившеюся.

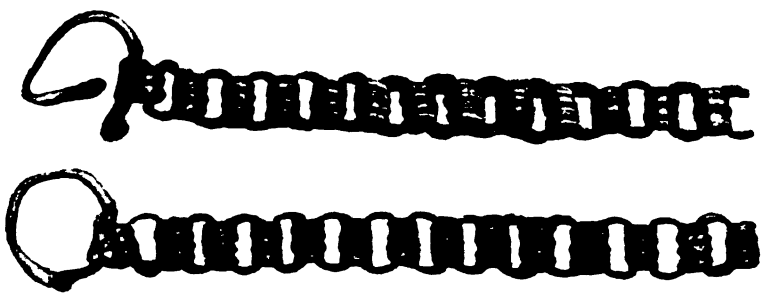
Далѣе, въ кладѣ оказались два перстня, оба изъ золота и съ печаткою, но вырѣзанный на одной печаткѣ крестъ (?) почти сгладился, а на другой отлично сохранилось изображеніе идущаго льва, съ повернутою назадъ головою. Имѣя въ виду значеніе золотыхъ печатей въ Кіевской Руси X—XI вѣковъ и эмблемы льва, можно догадываться, что кладъ принадлежалъ княжескому роду.

Три серебряныхъ браслета изъ толстыхъ, сбитыхъ другъ съ другомъ и свернутыхъ спиралью, лентъ, съ грубою орнаментаціею концовъ зернью и жгутами, мало отвѣчаютъ достоинству прочихъ вещей.



76. Серебряная цѣпь изъ клада усадьбы Лѣскова.

Тѣмъ любопытнѣе, что въ кладѣ имѣются двѣ цѣпи: толстая, тяжелая и большая цѣпь изъ серебра, выполненная (рис. 76) изъ перегнутыхъ колецъ, обрывокъ длиною до 22 вер., съ толстыми наглавниками по концамъ, представляющими обычныя головы змѣй, держащія во рту одно проволочное кольцо, на которомъ могъ находиться также какой либо намъ неизвѣстный предметъ. Эта цѣпь совершенно тождественна съ тѣми большими цѣпями, сѣвернаго типа и стиля, о которыхъ намъ приходится много говорить по поводу кладовъ Черниговскаго и Каневскаго у. Кіевской губерніи.



77. Золотая цѣпочка клада Лѣскова.

Digitized by Google

Другая легкая (рис. 77) цѣпочка золотая, видимо, цѣльная, 17 вер. длины, стало быть, шейная, сдѣлана изъ тонкихъ запаянныхъ кольцомъ ленточекъ, съ выбитыми вдоль кантиками, оканчивается двумя колечками, замыкающимися подобно сережнымъ и служила, очевидно, для ношенія чего то на шеѣ. Однако, какой именно предметъ подвѣшивался на цѣпочку, неизвѣстно, а въ кладѣ никакихъ показаній не имѣлось, и если теперь въ Минцъ-Кабинетѣ ниткою подвѣшена къ цѣпочкѣ найденная (№ 2321) въ кладѣ звѣзда, то сдѣлано это по (неудачной) догадкѣ хранителя. Эта звѣзда (таб. XV, 6, 17) могла бы служить отборнымъ образчикомъ типа этого рода украшеній, если бы лучше сохранилась: въ ней недостаетъ верхняго коромысла, и потому способъ ея подвѣшиванія остается неизвѣстнымъ. По своимъ малымъ размѣрамъ (едва 0,04 м. въ попер.), звѣзда настолько подробно передаетъ всѣ детали, нами находимыя въ крупныхъ образцахъ изъ серебра, что, очевидно, воспроизводитъ типъ, такъ сказать, изъ первыхъ рукъ, начиная отъ пупырчатыхъ кистей и кончая пуговками, которыми прошивалась сперва металлическая накладка къ кистямъ, а затѣмъ имитировалась работа (passementerie). Характерно и то обстоятельство, что эта звѣздочка оказалась въ кладѣ одна.

Далѣе, въ томъ же кладѣ нашлось (неполное?) золотое ожерелье, состоящее изъ попеременнаго (XV, 7—8) набора бусинъ, въ формѣ полыхъ боченочковъ, украшенныхъ ложками, и семи подвѣсокъ, имѣющихъ видъ опущеннаго къ низу цвѣтка (XV, 3) лиліи, который выполненъ сперва на золотомъ листѣ чеканомъ и затѣмъ изъ него вырѣзанъ, работы, поэтому, довольно грубой; острые края вырѣзанныхъ цвѣтковъ должны были бы рѣзать шею, почему можно думать, что ожерелье носилось поверхъ ворота или матеріи вообще.

Наконецъ, кладъ усадьбы Лѣскова представилъ 30 экземпляровъ извѣстныхъ уже золотыхъ (XV, 9, 10, 11) скобочекъ, и притомъ, очевидно, мы имѣемъ здѣсь если не полный наборъ (для неизвѣстной намъ, однако, вещи), то всѣ существенныя части его, и потому могли бы проэктировать реставрацію предмета, если бы мы знали этотъ предметъ. Но, очевидно, пока раскопки не укажутъ точнаго факта приложенія этихъ скобочекъ къ убору, мы останемся при гаданіяхъ и описаніяхъ ихъ внѣшняго вида. Такъ напр. можно сказать, что подборъ скобочекъ содержитъ здѣсь, повидимому, всѣ существенныя части, на томъ именно основаніи, что мы находимъ четыре скобочки (XV, 16) съ покрышкою ихъ полаго бока, и притомъ онѣ составляютъ по расположенію двѣ пары, т. е. если всѣ скобочки подѣлить на два ряда, то эти четыре помѣстятся по концамъ этихъ рядовъ. А такъ какъ указанная покрышка украшена эмалью и, стало быть, помѣщалась на лицо, то естественно думать, что подборъ скобочекъ назначался для парнаго украшенія, напр. плечъ, рукъ и пр., а по нашему предположенію, для обложки или окаймленія ворота, обшлага, косы и т. под.

Кіевскій кладъ у Чайковскаго.

Въ 1876 году, 13 Апрѣля, во время землекопныхъ работъ въ усадьбѣ Юліана Чайковскаго въ Кіевѣ, въ Старомъ городѣ, по Рейтарской улицѣ, найденъ былъ въ землѣ замѣчательный кладъ [1]) изъ серебряныхъ и золотыхъ предметовъ древности въ одномъ

[1]) См. *Дѣло Имп. Арх. Комм.* за № 10, 1876 года.

Digitized by Google

мѣстѣ усадьбы, а въ другомъ разныя желѣзныя вещи и предметы, какъ то: языкъ отъ колокола, ножъ, кусокъ удилъ, кусокъ серпа, рыхва отъ колеса, сапожная подкова, засовъ, также свинцовыя пули и пр., очевидно, не имѣвшія ничего общаго съ самимъ кладомъ древностей [1]). Но собственный кладъ принадлежитъ къ числу замѣчательныхъ по богатству и можно пожалѣть, что и онъ былъ постигнутъ обычною судьбою русскихъ древностей: изъ 17 нумеровъ клада только 7 поступили, путемъ продажи, въ частныя руки, а отъ нихъ частію въ общественные музеи [2]), прочіе же сплавлены. На основаніи приложенной къ дѣлу описи, мы можемъ, конечно, сказать, что большинство ихъ относилось къ разряду золотыхъ и серебряныхъ серегъ обыкновеннаго кіевскаго типа, не составляющихъ вообще рѣдкости, однако, тамъ была и пара золотыхъ сережныхъ подвѣсокъ въ формѣ выпуклыхъ лунницъ, но неизвѣстно, была ли она украшена эмалью. Изъ уцѣлѣвшихъ вещей наиболѣе замѣчательны двѣ серебряныхъ чашки, на ножкахъ, одна съ латинскою надписью [3]); далѣе, двѣ пары браслетовъ изъ плетенныхъ жгутовъ, которыхъ сбитые концы впаяны въ наглавники, одиннадцать серегъ кіевскаго типа серебряныхъ съ тремя бусинами и наконецъ, одна пара серебряныхъ лунницъ подвѣсныхъ и выпуклыхъ, съ ажурнымъ бордюромъ и изображеніями (гравированными, съ чернью) птицъ въ извѣстной схемѣ.

Въ замѣчательномъ кладѣ [4]) находки 1880 года (табл. I и II) въ Кіевѣ, по Большой Житомірской улицѣ, близь дома генерала Кувшинова, открытомъ при копаніи водопроводной канавы, на глубинѣ $2^1/_2$ аршинъ, оказалось: золотыхъ вещей: три большихъ выпуклыхъ и подвѣсныхъ медальона въ оправѣ и съ эмалевыми изображеніями ликовъ Деисуса (описаны особо ниже), цѣпь изъ 20 выпуклыхъ бляшекъ съ эмалевыми фигурками птицъ, пара подвѣсныхъ серегъ съ эмалевыми изображеніями двухъ Сириновъ, три пуговки съ эмалевыми же птицами, пара серегъ съ тремя бусинами, двѣ подобныхъ серьги отъ разныхъ паръ; три скобочки, одна изъ нихъ съ эмалевымъ щиткомъ, и три ажурныхъ бусины, очевидно, назначавшіяся для цѣпочки, или снура, на которомъ были носимы упомянутые три медальона, которые ими раздѣлялись общепринятымъ способомъ. **Кіевскій кладъ 1880 г.**

Серьги—колты кіевскаго клада съ Б. Житомірской улицы (II, 9, 10) представляютъ во всѣхъ отношеніяхъ блестящую, съ технической стороны, работу русскаго эмальера. Раковины отличаются большою выпуклостью и имѣютъ большой размѣръ—0,056 м., отлично сохранились, и даже эмаль мало окисла, вовсе не поблекла, что должно приписать хорошей полировкѣ. По каемкѣ вокругъ раковинъ сохранились и четыре скобочки, отъ опоясывавшей серьги жемчужной нити.

Съ лицевой стороны серегъ изображены Сирины попарно, задомъ другъ къ другу, но

---

[1]) См. въ описи №№ 1—17—вещи клада и 18—28—вещи другой находки: эти послѣднія были потомъ владѣльцемъ уничтожены.

[2]) А. В. Звенигородскаго и отъ него въ Музей Школы Штиглица въ С.-Петербургѣ.

[3]) Esto memor+qui reficis ven-ere oro pauperis. См. В. Б. Антоновича l. c. стр. 38.

[4]) См. *Дѣло Имп. Археологической Коммиссіи* за № 12, 1880 года. Въ золотыхъ вещахъ клада вѣсу было 89 зол. 36 д., въ серебряныхъ слиткахъ 12 ф.—90 зол. 78 д. За кладъ назначено къ выдачѣ находчику крестьянину Попову 2000 рублей, но Кіевская Дума вытребовала въ свою пользу половину этой суммы, на правахъ собственника городской земли.

Digitized by Google

повернувъ голову en face, по сторонамъ кружочка, въ которомъ, на подобіе цвѣтка, исполнена византійская пальметка, съ лиліею вмѣсто листка пальмы, и красною почкою цвѣтка. Головы Сириновъ окружены нимбами, согласно священному значенію райской птицы, темносиняго, почти темнолиловаго цвѣта, въ красной каймѣ. На головахъ Сириновъ вѣнцы условной формы съ зеленымъ околышемъ и красною тульею, съ краснымъ же камнемъ надъ лбомъ. Кудрявые темнокаштановые волосы обрамляютъ строгій и красивый, чисто византійскій типъ, съ тонкимъ носомъ, малыми губами и высокоподнятыми дугою черными бровями. Тѣло чудной птицы синяго цвѣта съ бѣлыми перушками у шейки и на груди, которыя выражены жемчужными поясками, снабжено пышнымъ, тройнымъ, какъ бы павлинымъ хвостомъ, синяго и изумруднаго цвѣта (красныя коймы съ обѣихъ сторонъ хвоста врядъ ли относятся къ цвѣтамъ оперенія, какъ и кайма съ лѣвой стороны тѣла, а скорѣе представляетъ обычную полоску, отдѣляющую золотой ленточный контуръ фигуры отъ края лоточка). Ножки красныя и большія сохраняютъ голубиный типъ. На оборотѣ въ кругу (не особенно кругломъ), по синему фону вписана геометрическая четверочастная фигура съ бѣлыми лилейными разводами, красными почками и ярко зеленымъ полемъ внутри. По сторонамъ кружка два сегмента представляютъ по синему полю акантовый разводъ одной бѣлой вѣтки съ красными почками. Внизу отрѣзокъ въ видѣ треугольника съ городчатымъ рисункомъ.

Въ кладѣ съ Житомірской улицы сохранились также, въ видѣ исключенія, три золотыхъ эмалевыхъ пуговицы, 0,025 м. въ поперечникѣ. Примѣсь къ золоту серебра такъ велика, что исподъ пуговицъ имѣетъ видъ окисленнаго серебра, а вокругъ фигуръ снаружи образовался накипѣвшій окисью ободокъ, какъ будто серебряный (по всей вѣроятности, окаймлявшая всю эмаль ленточка была съ сильнымъ алльяжемъ и отъ сосѣдства металлическихъ окисей разложилась и разбухла). Каждая пуговка имѣетъ по загнутымъ краямъ нѣсколько дырочекъ для пришиванія; на пуговицахъ изображены птицы—тѣже голуби съ загнутымъ къ верху хвостомъ, но тяжелаго, неуклюжаго рисунка, а также линейная пальметка, сохранившаяся въ одномъ экземплярѣ, того же типа, что на цѣпи.

Въ томъ же кладѣ нашлось пятнадцать золотыхъ сережекъ такъ наз. Кіевскаго типа: изъ нихъ четыре пары, и семь разбитыхъ отъ паръ. Между этими семью двѣ заслуживаютъ вниманія: одна съ тремя ажурными бусинами, особенно большаго размѣра, и одна съ тремя же такъ наз. пупырчатыми бусинами (подобіе шерстяныхъ, обтянутыхъ бисеромъ басоновъ). Всѣ прочіе не даютъ ничего новаго противъ подбора типовъ въ кладѣ Есикорскаго.

Въ Кіевскомъ кладѣ съ Б. Житомірской улицы встрѣчены три загадочныя скобочки изъ золота, выгнутыя полукругомъ и снабженныя на одной сторонѣ шарниромъ для продѣванія проволоки, а на другомъ концѣ, на мѣстѣ язычка, двумя дырочками для пришиванія. Во всѣхъ кладахъ эти предметы совершенно тождественны и не разнятся даже орнаментаціею: тѣже три, припаянные вдоль скобочки, перловые штабики и тотъ же щитокъ съ эмалевымъ полукругомъ на немногихъ скобочкахъ, очевидно, образующихъ концы въ серіи этихъ скобочекъ.

Digitized by Google

Еще одна догадка, какую мы можемъ пока сдѣлать относительно употребленія этихъ скобочекъ, будетъ относиться къ головному убору. Уже въ VI вѣкѣ въ Византіи возобладали принятые отъ Рима сложные и тяжелые головные уборы женщинъ: мы видимъ на извѣстной равеннской мозаикѣ съ изображеніемъ Θеодоры и мозаикахъ ц. Св. Аполлинарія Новаго, какъ, кромѣ искусственно переложенныхъ по головѣ косъ, уборъ осложнялся необходимостью для замужнихъ женщинъ покрывать эту прическу покрывалами изъ тонкихъ восточныхъ матерій. На этихъ мозаикахъ можно видѣть, какъ каждая коса на головѣ, особенно та, которая шла надо лбомъ, особо окутывалась этою матеріею, и потому очевидно, для этого должны были существовать перевязи изъ жемчужныхъ нитей или даже металлическія скобочки. Подобныя приспособленія замѣтны на рисункѣ и перешли въ орнаментацію самыхъ покрывалъ. Чѣмъ далѣе въ Византіи, тѣмъ болѣе форма осложнялась, никогда не исчезая, и потому понятно, что съ переносомъ византійскихъ модъ въ древнюю Россію, мы встрѣчаемъ напр. переложеніе главной косы черезъ всю голову посрединѣ [1]).

Въ кладѣ по Житомірской улицѣ, 1880 года, замѣчателенъ и церковный *водолей* или *рукомойникъ* (aquamanile) (рис. 78) изъ сильно окисленной бронзы, въ формѣ барана (какъ условнаго образа зодіака для Водолея), на спинѣ котораго, вспрыгнувшій на нее и перегнувшійся всѣмъ тѣломъ, драконъ образуетъ ручку сосуда. Фигура покрыта сплошь окисью, имѣющей мѣстами видъ патины, мѣстами же пузырчатой накипи, которая тогда совсѣмъ закрываетъ тонкую, хотя сухую и ремесленную работу рѣзцомъ и тщательную отдѣлку деталей. Общая композиція подавшейся впередъ и какъ бы приготовившейся къ прыжку фигуры захваченнаго въ расплохъ животнаго не лишена жизни, но, видимо, скопирована съ лучшаго оригинала. Намѣренно усиленная стильность, сказывающаяся въ непомѣрно широкомъ передѣ и узкомъ задѣ, также отвѣчаетъ копіи, которая воспроизводитъ натуралистическіе типы древняго восточнаго искусства. Въ изгибѣ дракона, вцѣпившагося въ шею барана, видна ярость и эластичность гада, хотя хвостъ его оканчивается условною пальметкою. Волосы на головѣ и вокругъ глазъ раздѣланы мелкими штрихами или черточками. Отъ крышечки, замыкавшей треугольное отверстіе въ головѣ животнаго, сохранился только шарниръ: конецъ выводной трубочки во рту сбитъ. Наиболѣе важныя данныя открываются, при сравненіи фигуры этого рукомойника съ средневѣковыми бронзовыми сосудами этого рода, вышедшими изъ мастерскихъ Баваріи, въ эпоху съ конца XI-го по XIV вѣкъ включительно, и представленными нынѣ въ значительномъ числѣ въ европейскихъ музеяхъ [2]). Что основной типъ этихъ фигурныхъ сосудовъ въ видѣ льва, оленя, грифона, сфинкса, сирены, также всадника, коннаго воина и пр., идетъ съ Востока, а именно изъ Персіи,

[1]) См. рис. въ изображеніи Св. Варвары на сер. братинѣ XV вѣка въ *Древностяхъ Россійскаго Государства*, отд. I, рис. 45; рисунокъ отнесенъ Костомаровымъ къ типамъ XII—XIII вѣковъ въ *Русскихъ Историческихъ одеждахъ* Стрекалова, СПБ. 1877, стр. 17, рис. 18, таблица 17.

[2]) Labarte, *Histoire des arts industriels*, 1864, I p. 353. Сосуды изъ быв. колл. Базилевскаго въ Средневѣк. Отд. Эрмитажа, см. составленный мною *Указатель* 1891 года, XII-й *залъ эмалей*, № 3, 4, 38, 48, 53, 56, 57, стр. 227—8. См. также три рисунка подобныхъ водолеевъ въ изд. *Norske Voegtlodder fra fiortende Aarhundrede*. Af. Holmboe. Извл. изъ Vidensk. Selsk. Forhandlinger for 1869. Ворсо, *Сѣверныя древности музея въ Копенгагенѣ*. СПБ. 1861, рис. 535—6.

Digitized by Google

и уже черезъ Византію распространился по южной Европѣ, въ томъ нельзя сомнѣваться нынѣ, на основаніи находокъ Кавказа и Крыма и характерныхъ особенностей стиля. Къ сожалѣнію, находки византійскаго Херсона ограничиваются пока глиняными рукомойниками, и то въ обломкахъ. Недалекое будущее представитъ, конечно, рядъ находокъ подобнаго рода изъ бронзы на

Рис. 78.

Кавказѣ и христіанскомъ Востокѣ, и пока простое сличеніе нашей фигуры кіевскаго клада съ средневѣковыми, грубыми и неуклюже дѣтскими копіями, достаточно, чтобы указать въ нашей фигурѣ ихъ оригиналъ, очевидно, восточнаго производства.

Данный сосудъ весьма подтверждаетъ церковное происхожденіе всего клада, такъ какъ малый размѣръ сосуда наиболѣе отвѣчаетъ потребностямъ церковнаго «водолея», а не домашняго рукомойника. И вообще, гдѣ ни встрѣчались подобные сосуды, ихъ церковное происхожденіе открывалось всякими прямыми и побочными обстоятельствами.

Digitized by Google

Къ 1882 году относится находка [1]) въ окрестностяхъ Десятинной церкви, въ усадьбѣ б. Климовича (нынѣ кн. Трубецкаго, Кривцова и Агѣева), гдѣ были раскрыты и осмотрѣны древніе фундаменты неизвѣстнаго каменнаго зданія извѣстнымъ собирателемъ древностей А. В. Звенигородскимъ. Во время этихъ раскопокъ и ранѣе найдено было множество древнихъ предметовъ, а именно: обломки штукатурки, покрытой фресками, зерна мусіи (мозаическіе кубики), два золотыхъ перстня; серебряные предметы: восемь серегъ кіевскаго типа, пряжка и цѣпочка, желѣзная булавка въ серебряной отдѣлкѣ, шесть монетныхъ гривенъ кіевскаго типа, обломки бронзовыхъ бляхъ и рѣшетокъ и пр., что уже не подходитъ къ обычнымъ предметамъ кладовъ, но составляетъ находки городищъ, а на этомъ именно мѣстѣ, на основаніи лѣтописныхъ текстовъ, предполагаютъ въ древности существованіе княжескаго терема.

Въ 1883 году въ Каневскомъ уѣздѣ Кіевской губ., въ Мироновскомъ у. фольваркѣ найденъ былъ большой кладъ.

Кладъ, открытый въ 1883 г. на погостѣ собора въ г. Черниговѣ (табл. XIII), значительно дополняетъ извѣстные намъ кіевскіе типы, такъ какъ принадлежащая къ кладу пара сережныхъ подвѣсокъ составляетъ, вмѣстѣ съ другою Черниговскою-же парою, ближайшій варіантъ основнаго византійскаго типа. Кладъ, явно, сборный, и хотя доставленъ въ Арх. Коммиссію прямо соборною ризницею, однако, очевидно, не полонъ и лишенъ, въ теперешнемъ видѣ, той цѣльности предметовъ, которая необходима для ихъ критики.

Такъ, мы имѣемъ въ этомъ кладѣ два обрывка толстыхъ цѣпей изъ серебра, но не имѣемъ предметовъ, которые были на нихъ подвѣшены. Всѣ шесть серегъ разнятся другъ отъ друга не только орнаментаціею бусъ, но и размѣрами, такъ что, очевидно, не даютъ ни одной пары. Наконецъ, въ кладѣ сохранились почему-то одна шиферная пряслица и кусокъ серебряной проволоки, согнутой крючкомъ.

Изъ вещей только пара сережныхъ подвѣсокъ и отчасти серебряныя цѣпи имѣютъ значеніе. А именно: сережныя подвѣски этого клада вмѣстѣ съ парою серегъ, находящеюся въ Эрмитажѣ (табл. X) и предполагаемой также Черниговскаго происхожденія, могутъ быть непосредственно сравниваемы съ прототипомъ, нами открываемымъ въ византійскихъ серьгахъ собранія И. П. Балашова (табл. XIV). Серьга представляетъ, однако, уже не раковинку, но нѣчто въ родѣ карманныхъ часовъ, линзы: вмѣсто колодочки, здѣсь имѣемъ внутренній кружокъ, или корпусъ, украшенный на обѣихъ сторонахъ повышенною эмалевою бляшкою посреди. Эмаль на той и другой сторонѣ только декоративная: внутри краснаго бордюра бирюзовая пальметка съ пятичастною лилейною верхушкою на синемъ полѣ. Кругомъ выпуклаго медальона широкая кайма назначалась для низки жемчуга, которая и сохранилась, кстати, на одномъ экземплярѣ. Вторая кайма уже украшена подобіемъ жемчужной низки, выполненнымъ въ золотѣ чеканомъ. Наконецъ, внѣшній бордюръ представляетъ рядъ насаженныхъ вокругъ серьги жемчужныхъ маковокъ, но на этотъ разъ не на спенькахъ, а на самой зубчатой каймѣ, которой кончается листъ, покрывающій, такъ сказать, серьгу съ каждой стороны, такъ что

[1]) *В. Б. Антоновича Арх. карта Кіевской губерніи*, стр. 34.

Digitized by Google

фестончатыя или зубчатыя вырѣзки листа по двое сведены подъ одну шапочку, какъ-бы подъ головку гриба. Сообразно съ круглою формою серьги, дужка вышла уже не такою плоскою, а выше обыкновенной, и вся серьга наиболѣе походитъ на такъ наз. *панагію*.

Въ 1885 году въ Васильковѣ найденъ кладъ изъ золотыхъ слитковъ (монетныхъ гривенъ?) и золотыя серьги; онѣ были проданы евреямъ [1]).

Кладъ (таблица XI), найденный въ городѣ Черниговѣ, на Александровской площади, особенно замѣчателенъ золотымъ ожерельемъ и парою золотыхъ серегъ колтовъ; большинство прочихъ предметовъ клада мало даютъ новаго. Изъ нихъ одна створка серебрянаго браслета (въ шир. 0,04), въ видѣ широкой ленты, хотя разрушена отъ сильной окиси, сохранила еще въ одной арочкѣ грифона, въ другой символическій узелъ и маленькіе узлы въ арочныхъ тимпанахъ. Толстая серебряная цѣпь является въ кладѣ только въ видѣ обрывка. Въ кладѣ дошло также шесть шиферныхъ пряслицъ, изъ которыхъ двѣ покрыты рѣзными знаками, напоминающими буквы.

Но болѣе замѣчательны 13 оригинальныхъ дутыхъ бляшекъ, т. е. сдѣланныхъ изъ тонкаго листоваго золота и внутри полыхъ, имѣющихъ форму плоскихъ валиковъ, длиною 0,017 м. и шириною пол-сантиметра, съ припаяннымъ снизу донышкомъ изъ листа; каждый валикъ орнаментированъ по концамъ рубчиками, какъ бы отъ перетяжки матерчатой подушечки, а по краямъ снабженъ тремя дырочками для продѣванія нитей, на которыхъ должно держаться затѣмъ все ожерелье. Такого рода подвижныя и слегка звенящія ожерелья особенно часто встрѣчаются въ позднѣйшихъ суздальскихъ кладахъ, но тамъ валики бываютъ всегда сдѣланы изъ серебра и крупнѣе размѣрами. Настоящій кладъ единственный, въ которомъ этотъ наборъ выполненъ изъ золота, и такъ какъ этого рода ожерелья стоятъ очень близко къ своему оригиналу, то отсюда понятенъ интересъ предметовъ.

Пара серегъ — колтовъ Черниговскаго клада замѣчательна уже своими размѣрами: это самыя маленькія серьги этого типа: всего 0,037 м. въ ширину и 0,032 въ вертикальномъ поперечникѣ. Серьги значительно пострадали, и оборотная дощечка одной провалилась, но дужки, ихъ шарниры и скобочки для жемчуга сохранились, а цвѣта эмали почти не измѣнились. Это послѣднее обстоятельство тѣмъ для нашихъ вещей важнѣе, что мы можемъ легко и неопровержимо доказать ихъ русское происхожденіе, на основаніи тѣхъ особенныхъ ошибокъ въ драпировкѣ одеждъ, которыя не возможны и никогда не встрѣчаются въ настоящихъ византійскихъ произведеніяхъ.

На лицевой сторонѣ серегъ изображены двое святыхъ мучениковъ, близкаго, почти тождественнаго рисунка: оба въ юномъ возрастѣ, съ кудрявыми волосами, падающими на шею, и перевязанными у одного на макушкѣ золотымъ шнуромъ, оба въ богатыхъ и пестро-украшенныхъ патриціанскихъ одеждахъ, оба держатъ въ правой рукѣ крестъ, тогда какъ лѣвая рука предполагается спрятанною подъ мантію; разнятся по рисунку развѣ лишь кресты, да и то только тѣмъ, что одинъ повыше и лучше выполненъ, и вышивки на одеждахъ иначе

[1]) В. Б. Антоновича *Карта Кіев. губ.* стр. 45.

Digitized by Google

расположены. Такимъ образомъ, и въ самомъ тождествѣ святыхъ мучениковъ,—кто бы они ни были: Георгій и Димитрій, или же Борисъ и Глѣбъ,—нельзя не усмотрѣть извѣстной небрежности мастера: Грекъ эмальеръ—всегда отличилъ бы прическою и даже чертами лица Георгія и Димитрія, а для русскаго мастера было обязательно сохранить типическія черты Бориса, болѣе мужественнаго, и Глѣба, болѣе юнаго: эти черты смѣшиваются развѣ на шитьѣ жемчугомъ и шелками, но сохраняются даже эмалями, какъ можно видѣть на Рязанскихъ бармахъ.

А такъ какъ въ данномъ случаѣ нѣтъ отличительныхъ для Бориса и Глѣба шапокъ, то остается принять фигуру мучениковъ по-грудь за изображенія великомучениковъ Георгія и Димитрія, которые и на византійскихъ эмаляхъ отличены бываютъ такою же патриціанскою одеждою [1]). Эта одежда есть мятль, мантія или хламида, накинутая съ лѣваго плеча и застегнутая на правомъ, что на нашихъ эмаляхъ выполнено очень посредственно и неясно, а фибулы и вовсе нѣтъ. Далѣе, плащъ здѣсь бѣлаго цвѣта, и хотя намъ такія мантіи извѣстны, но именно у Георгія и Димитрія никогда не встрѣчаются, да и вообще неизвѣстны на памятникахъ византійскаго искусства, и мы не можемъ объяснить себѣ этого цвѣта, принятаго эмальеромъ, иначе, какъ тѣмъ, что у него не хватало красокъ, напр. не было краски для хрома, золота, и пр. Украшенія этого мятля обычно принятыя: это тѣже красные и зеленые листья плюща, условно представляемаго въ видѣ какихъ-то сердечекъ и образовавшаго потомъ въ картахъ керы или черви и пики или вини, которыя намъ извѣстны на византійскихъ одеждахъ, получившихъ потому и прозваніе. Въ данномъ случаѣ рисунокъ листьевъ окончательно искаженъ, а цвѣтъ иныхъ сталъ пепельно-голубымъ, равно какъ точки или кружочки, долженствующіе представлять жемчугъ, стали красными. Но болѣе всего отступленій замѣчается въ крупной нашивкѣ на плечѣ, въ видѣ краснаго круга съ вписаннымъ въ него городчатымъ крестомъ: эта нашивка опустилась къ самому локтю. Далѣе, обычный табліонъ на краю мантіи, приходящійся всегда на груди подъ застежкою, здѣсь попалъ на правое плечо и имѣетъ странный видъ: вмѣсто золотаго четыреугольника бѣлый въ красныхъ коймахъ, имѣющихъ видъ жезловъ, а сверху синій треугольный щипецъ придаетъ всему видъ какого то трона. Наконецъ, мантія не имѣетъ краевъ, настолько, что бѣлая эмаль не отдѣлена отъ синей—цвѣта хитона, и слилась съ нею, и хотя эмальеръ воспользовался крестомъ, какъ предѣльною чертою, до которой онъ насыпалъ бѣлаго порошку, но, видимо, самъ не понималъ рисунка и не зналъ, гдѣ и какъ закончить пространство бѣлой эмали, слѣпо копируя дурной, вѣроятно, разрушенный или выцвѣтшій оригиналъ. Важно, что совершенно тѣже ошибки и таже нелѣпость рисунка повторены на обоихъ экземплярахъ. Рукавъ правой руки оказался зеленымъ, бирюзоваго цвѣта, вѣроятно потому, что долженъ представлять собою рубашку—ὑποχαμίσιον: вмѣсто золотаго наруча—здѣсь красный, и за нимъ могла быть видна *подъ хитономъ* часть рубашки, но здѣсь зеленый цвѣтъ, хотя подрѣзанъ снизу, для того, чтобы какъ будто, показать, что рукавъ рубашки узкій (какъ и правильно должно быть), все-таки протянутъ до конца, а не обрѣзанъ широкимъ рукавомъ хитона.

[1]) См. *Византійскія эмали*, собраніе А. В. Звенигородскаго, рисунки на таблицахъ.

Digitized by Google

По сторонамъ святыхъ два отрѣзка вѣнчика украшены по синему полю городчатыми крестами—бѣлыми и красными. На оборотѣ тѣже части вѣнчика, а въ срединѣ межь нихъ грубо, хотя пышно, переданная лилейная пальметка: условная схема цвѣтка полевой лиліи, пышно распускающагося на сухой степи крина, здѣсь превратилась уже въ искусственное, фантастическое дерево: земля синяго цвѣта покрыта городчатыми крестами, какъ бы мозаическій полъ, и на немъ синій толстый стволъ съ двумя перекрученными вѣтками, тоже толстыми и тоже синими, такъ какъ синій цвѣтъ здѣсь вмѣсто зеленаго, а вѣтки вмѣсто акантовыхъ листьевъ. Въ данномъ случаѣ, внутри синихъ стволовъ, вѣтки исполнены бѣлою эмалью, согласно съ манерою поздневизантійскаго искусства, которыя всѣ блики и всѣ освѣщенныя части, равно коймы, края и пр. дѣлала бѣлилами, и представляла бѣлыми въ эмали; въ срединѣ растенія круглый бутонъ—бывшая красная почка—превратилась теперь въ сложный типъ зеленой и бѣлой сердцевины съ разводами усиковъ и красными ягодками. Такимъ образомъ, изъ основнаго реальнаго типа византійское искусство выработало орнаментальную схему: этотъ орнаментъ, не понятый, искаженный въ преувеличенной передачѣ, разросся въ нѣчто монструозное, сталъ фантастическимъ, волшебнымъ, или, какъ говорили въ старину—*мысленнымъ*, т. е. духовнымъ. Повторилась, стало быть, обычная исторія въ переходѣ византійскаго типа въ народныя производства средневѣковаго, такъ наз. романскаго періода: и то, что прежде считалось измышленіемъ поэтическаго генія свѣжихъ народностей, миѳомъ, является въ анализѣ памятниковъ не болѣе какъ игрушкою, которая, отъ забвенія стала символомъ и даже предметомъ страха—таинственнымъ знакомъ, талисманомъ.

Кіевскій кладъ ус. Есикорскаго.

Въ 1885 году, въ томъ же Кіевѣ, въ Старокіевскомъ участкѣ, по Троицкому переулку, противъ соборнаго дома при Софійскомъ соборѣ, въ усадьбѣ Д. С. С. М. Есикорскаго, при рытьи фундамента, найденъ былъ замѣчательный кладъ, положенный въ глиняный (рис. 79) горшокъ, съ ручкою, прикрытый сверху небольшимъ (рис. 80) глинянымъ же ковшомъ. Кладъ этотъ, при самомъ появленіи своемъ на свѣтъ, обратилъ на себя вниманіе мѣстныхъ интеллигентныхъ лицъ, приложившихъ свое стараніе къ его сохраненію въ совершенной полнотѣ и томъ состояніи, какъ онъ былъ найденъ, а затѣмъ, благодаря своевременнымъ хлопотамъ и усиліямъ Археологической Коммиссіи и щедрому вознагражденію, за него предложенному, пріобрѣтенъ для Императорскаго Эрмитажа, гдѣ въ настоящее время и сохраняется въ Средневѣковомъ Отдѣленіи.

Въ кладѣ (таблицы III—V) оказалось: 1) девять серебряныхъ слитковъ (III, 10) или гривенъ; 2) два заржавленныхъ желѣзныхъ замка; къ одному изъ нихъ (V, 15) приржавѣли восемь серебряныхъ полуцилиндрическихъ колодочекъ отъ ожерелья, и кусочекъ ткани; 3) двѣ серебряныхъ (III, 5, 6) сережныхъ подвѣски, украшенныя орнаментами чернью, съ кусками цѣпочки; 4) сорокъ пять серебряныхъ колодочекъ (III, 1), изъ нихъ пять поломанныхъ, отъ мониста; 5) двѣ золотыхъ сережныхъ (III, 2, 3) подвѣски съ эмалевыми изображеніями птицы Сиринъ; 6) шейный серебряный (V, 10) обручъ; 7) три серебряныхъ (V, 9) браслета; 8) тридцать золотыхъ сережекъ (IV) изъ проволоки съ насаженными (по три) ажурными и дутыми

Digitized by Google

бусинами; 9) одна электровая сережная подвѣска; 10) двѣнадцать колечекъ (Ш, 4) изъ золотой проволоки; 11) одно колечко изъ электровой проволоки; 12) одинъ золотой перстень (V, 3) съ аметистомъ; 13) одно золотое (V, 14) кольцо, не спаянное, безъ гнѣзда; 14) семь (V, 2—8) серебряныхъ перстней; 15) два наконечника (V, 11—12) отъ маленькаго ножа; 16) одна пряслица (V, 16) съ надписью (найдена особо отъ клада); 17) двадцать одна серебряная серьга; 18) двѣ серебряныхъ серьги, поломанныхъ; 19) обломки

Рис. 79. Горшокъ съ кладомъ 1885 г. въ усадьбѣ Есикорскаго.

отъ серебряныхъ серегъ (дужка и бусы); 20) волосъ (между стеклами); 21) остатки матеріи и галуна; 22) одинъ цѣлый изразецъ жженой глины и куски другихъ, найденные особо отъ клада, и 23) глиняный горшокъ, съ крышкою, въ которомъ кладъ былъ найденъ.

Самый горшокъ, содержавшій въ себѣ древности, и ковшъ, его покрывавшій, крайне грубой работы, лѣплены изъ сырой глины, и имѣютъ толстыя стѣнки, но сдѣланы на кружалѣ. Первый украшенъ подъ шейкою двумя рядами тройныхъ перепоясокъ какъ бы лыкомъ и коемкою изъ ямокъ, подражающихъ опояскамъ изъ раковинъ—извѣстное украшеніе профилактическаго характера въ простѣйшемъ гончарствѣ; горшокъ принадлежитъ къ кухонной утвари. Болѣе тонкаго рисунка второй сосудъ—ковшъ, съ профилемъ въ формѣ такъ называемаго гуська. Помѣщеніе клада въ этой утвари, быть можетъ, указываетъ косвенно на тревожныя времена, когда кладъ былъ зарытъ наскоро, т. е., по всей вѣроятности, на эпоху нашествія Монголовъ.

Тревожными обстоятельствами, сопровождавшими зарытіе клада, объясняется находка въ горшкѣ обломковъ большаго сосуда, изъ тонкой бронзы и особенно остатковъ льняной матеріи, хотя сильно сотлѣвшей и принявшей отъ желѣзной ржавчины бурый цвѣтъ, но съ

Рис. 80. Покрышка отъ горшка того же клада 1885 г.

Digitized by Google

сохранившимися еще въ матеріи и протканными въ ней золотыми нитями въ обрывкахъ, что указываетъ на дорогой кусокъ. Появленіе этого куска въ горшкѣ легко объясняется желаніемъ завернуть въ него тѣ или другія особенно драгоцѣнныя вещи.

Труднѣе объяснить появленіе въ кладѣ разрушенныхъ и скипѣвшихся отъ ржавчины двухъ желѣзныхъ висячихъ замочковъ: одного побольше и другаго вдвое меньше, длиною 0.04 м.; на большомъ прикипѣлъ указанный кусокъ матеріи и восемь штукъ серебряныхъ полуцилиндриковъ, о которыхъ скажемъ ниже. Очевидно, прежде всего, что этотъ замочекъ не былъ взятъ для запора и между тѣмъ не могъ принадлежать къ числу вещей, настолько дорогихъ и необыкновенныхъ, чтобы попасть въ кладъ, а также замокъ не можетъ представлять собою и такой вещи, которая сама, такъ сказать, попадаетъ подъ руку и можетъ случайно попасть въ кладъ.

Повидимому, мы должны объяснять себѣ появленіе этого замка въ кладѣ суевѣрною связью *замка съ кладомъ*, явившеюся въ народныхъ вѣрованіяхъ въ самую древнѣйшую пору ознакомленія съ этимъ инструментомъ.

Рис. 81. Ножевый черенокъ изъ клада Есиворскаго.

Далѣе, въ качествѣ обломковъ, хотя серебра, въ кладъ попали четыре куска серебряной оправы черенка отъ ножика, который, можетъ быть, и находился въ кладѣ, но разсыпался отъ ржавчины. Черенокъ былъ превосходно выполненъ по гранямъ тонкою орнаментовкою такъ называемаго романскаго стиля: по лицевой сторонѣ плетеніями ленточными съ птицами, на исподѣ рѣшетчатымъ рисункомъ. Птицы геральдическаго типа, или клюютъ вѣтви растеній, переплетающихся вокругъ, или стоятъ попарно—по концамъ черенка—связанные между собою развѣтвленіями своихъ хвостовъ, образующими посреди птицъ поднимающуюся вверхъ декоративную пальметку или лилію. Пальметка дана здѣсь въ обычной сухой византійской формѣ.

Болѣе интереса представляетъ лилія или такъ называемый *кринъ сельный*, т. е. полевая или степная лилія, растеніе, столь обычное во всей Сиріи и усвоенное византійскимъ искусствомъ съ Востока. Здѣсь, вмѣсто обычной схемы въ видѣ острія копья съ отогнутыми завитками (ср. также рисунокъ на серьгѣ изъ Льгова), находимъ сложную фигуру, которая напоминаетъ подобныя монограммы на датскихъ и англо-саксонскихъ монетахъ XII вѣка, равно какъ и фигуру загадочнаго знака на монетахъ Кіевскаго великаго княженія.

Наконецъ, въ кладѣ оказались девять (т. наз. кіевскихъ) серебряныхъ гривенъ или рублей, вѣсомъ въ 3 фунта, каждая вѣсомъ около 36 зол., т. е. половины византійскаго фунта, вѣсившаго 76 зол.

Сверхъ того, также въ качествѣ денежныхъ знаковъ и, слѣдовательно, скопленнаго капитала, 12 колечекъ изъ золотой проволоки, вѣрнѣе кусковъ (опредѣленнаго вѣса) золотой проволоки, согнутыхъ для удобства, кольцомъ, но не образующихъ кольца (и потому полу-

Digitized by Google

чившихъ въ археологіи совершенно неумѣстное и невѣрное названіе спиралей), одно колечко электровое и одно изъ серебряной проволоки. Къ сожалѣнію, мы не знаемъ древняго названія этихъ знаковъ.

Единственный перстень изъ золота, найденный въ кладѣ, относится къ числу базарныхъ продуктовъ: на колечкѣ изъ тонкой проволоки въ гладкомъ гнѣздѣ вставленъ яхонтъ слаборозоваго цвѣта.

Болѣе интереса представляютъ семь серебряныхъ перстней, очевидно, бывшихъ въ употребленіи и даже служившихъ своими печатками, такъ какъ нѣкоторыя изъ нихъ сильно стерты. Всѣ перстни состоятъ изъ широкаго колечка, или въ видѣ гладкой ленты, или ажурнаго, или даже расчлененнаго на три лапки; на кольцѣ укрѣплена печатка въ видѣ особой прямоугольной пластинки или щитка, на которомъ въ формѣ ромба или крестообразной фигурки устроено поле для печатки, повышенное и гладкое. Углы вокругъ ромба или креста заполнены византійскими разводами вглубь, наполненными чернью.

Рис. 82. Пряслица изъ клада Есикорскаго.

На одной печаткѣ вырѣзанъ вглубь идущій левъ съ поднятою правою лапою и причудливо закинутымъ хвостомъ (типъ этотъ встрѣчается и на монетахъ); полукруглыя поля внѣ печатки орнаментированы вѣткою аканѳа. На другихъ печаткахъ вырѣзанъ исключительно, крестъ, или его схема въ декоративной рѣзьбѣ вглубь, дающей отпечатокъ.

Одна встрѣченная въ кладѣ Есикорскаго каменная пряслица (рис. 82) изъ краснаго шифера, очевидно, потому показалась собственникамъ предметомъ драгоцѣннымъ, стоющимъ сохраненія, что на ней были начерчены слова, а вещи съ надписями были рѣдки. На лицевой сторонѣ написано уставными буквами: *твори нѣ прямо*—вѣроятно, въ смыслѣ томъ, что веретено съ этою пряслицею надо держать наклонно и вертѣть, а на исподѣ *сльнь*, можетъ быть, вмѣсто: *а по солонь*, т. е. а вокругъ, по солнцу.

Кладъ, извѣстный подъ именемъ Есикорскаго, представляетъ особенно замѣчательное собраніе серегъ такъ называемыхъ кіевскаго типа, изъ золота: еще характернѣе то обстоятельство, что основной типъ кіевской серьги съ тремя бусинами на кольцѣ представленъ въ золотѣ съ такимъ намѣреннымъ разнообразіемъ, что на 28 штукъ имѣется 21 варіантъ, и, стало быть, пары составлялись изъ такихъ варіантовъ, и не болѣе четырехъ паръ сдѣлано совершенно одинаково. Напротивъ того, между 23 серебряными серьгами, оказывается 22 экземпляра тождественныхъ, т. е. въ видѣ кольца съ тремя бусами, усаженными бисерною зернью (табл. IV), слѣдовательно, наиболѣе принятой формы. Одна электровая серьга, по исполненію и по размѣрамъ тождественна съ серебряными.

Серьга состоитъ изъ проволочнаго кольца, настолько толстаго, что, при сильномъ (до 70%) альяжѣ, проволока не гнется и не теряетъ своей первоначальной формы круга, нѣсколько овальнаго или сплющеннаго, такъ что верхняя дуга или коромысло дѣлаются

Digitized by Google

плоскими, ради наибольшей неподвижности серьги въ ухѣ. Одинъ кончикъ разбитъ въ видѣ шарнира, другой имѣетъ на сплющенномъ остріѣ дырочку, въ которую проходилъ замыкавшій серьгу кусочекъ проволоки. На кольцѣ серьги снизу, для установленія центра тяжести, размѣщены въ одинаковыхъ промежуткахъ три шарика или три бусины (не въ собственномъ смыслѣ слова, но въ смыслѣ подражанія въ серебрѣ цилиндрической пронизки).

Повидимому, эта форма имѣла своимъ источникомъ первые пріемы, состоявшіе въ томъ, что на металлическое кольцо насаживались или стекляныя бусы, или настоящія и поддѣльныя жемчужины, и основная орнаментація шариковъ и металлическихъ бусъ проистекаетъ именно изъ подражанія серьгамъ римскаго [1]) и варварскаго мира, украшавшимся бусами и жемчугомъ. Этому вполнѣ отвѣчаетъ и размѣръ шариковъ. Самый способъ украшенія помощью низанія жемчуга и бусъ на спенькѣ принадлежитъ Востоку и явился въ южной Европѣ вмѣстѣ съ переселеніемъ народовъ Востока на Западъ, т. е. въ эпоху Римской Имперіи, иначе говоря, былъ персидскимъ, сталъ южно-варварскимъ. Въ сѣверной Европѣ этотъ типъ вовсе не появлялся.

Прототипомъ нашихъ серегъ у варварскихъ народовъ южной Европы должно считать тѣ золотыя серьги въ видѣ кольца съ насаженною на него золотою бусою, иногда украшенною филигранными разводами, а иногда по гранямъ красными стеклами: такія серьги, относящіяся къ I—III вѣкамъ по Р. Х., встрѣчались въ раскопкахъ Керчи, Ольвіи и Херсонеса, а отъ болѣе поздняго времени въ древностяхъ Балканскаго полуострова и Венгріи. Народные далматинскіе уборы особенно облюбовали этотъ типъ въ формѣ большихъ колецъ съ тремя крупными шариками, усыпанными зернью.

Затѣмъ, варіанты двухъ основныхъ формъ зависѣли уже отъ пріема украшеній, т. е. *скани* и *филиграни*, которыми или покрывались шарики изъ дутаго (т. е. листоваго) золота и серебра или исполнялись схемы шарика и бусины въ видѣ прорѣзныхъ формочекъ. Эти прорѣзныя формочки сохраняютъ всегда характеръ круглыхъ жемчужинъ или драгоцѣнныхъ камней, которыя какъ бы оплетаются сученою тонкою проволокою съ зернью или зернами филиграни, такъ что всегда остается по 8 глазковъ или круглыхъ отверстій, изъ котораго свѣтитъ камень или блеститъ жемчугъ; глазокъ или обводится одинъ разъ или оплетается густою сѣтью нитей. Если же это дутый шарикъ, то внутри глазковъ на поверхность напаиваются зерновыя пирамидки, или же сканью сдѣланы розетки, звѣздочки.

Особая форма представляется бусами пупырчатыми (табл. IV, рис. 18, 20, 21), которыхъ источникъ заключается въ стекляныхъ бусахъ съ глазками инаго цвѣта, желтаго или бѣлаго, на синемъ фонѣ: здѣсь же глазки обведены сканью съ зернами.

Гораздо труднѣе рѣшить, откуда происходитъ форма бусъ, покрытыхъ сплошною зернью. Эта форма любопытна и потому, что давала возможность мастеру работать въ размѣрахъ

---

[1]) Въ атласѣ *Древностей Босфора Киммерійскаго*, табл. XXIV, рис. 24, изображена древнерусская серьга съ дутыми бусами изъ раскопокъ Корейши въ Каменкѣ на Днѣпрѣ. Серьга попала, явно, по недоразумѣнію, въ число греческихъ вещей.

Digitized by Google

вдвое и втрое меньшихъ, почему дѣтскія серьги (табл. IV, рис. 17, 20) и представляются чаще въ этомъ типѣ.

Серьги кіевскаго типа встрѣчены доселѣ на Сѣверѣ Россіи въ немногихъ пунктахъ, напр. въ Рязанской и Владимірской губерніяхъ, а на Востокѣ въ Болгарахъ, но уже значительно упрощены, а именно, вмѣсто тонкой выдѣлки прорѣзныхъ бусъ, тамъ видимъ гладкія дутыя бусины, ничѣмъ не украшенныя и сидящія на гладкой проволокѣ. Бусы на этихъ серьгахъ всегда металлическія, и только среди курганныхъ древностей Петербургской губерніи нашлось кольцо съ стеклянной бусою синяго цвѣта (Ист. Музей, залъ IV, № 1583), а въ могильникѣ с. Поповки Касимовскаго уѣзда, Рязанской губ., встрѣчено височное кольцо съ бисеромъ (Ист. Музей, IV з., № 522). Въ той же Петербургской губерніи найдены серьги со многими (Ист. Музей, IV з., № 1382—3) бусинами, а въ Старой Ладогѣ, въ развалинахъ церкви XV вѣка были открыты позолоченныя серьги.

Но если различіе по формѣ и техникѣ ограничивается почти исключительно этими варіантами, то замѣчательно опредѣленная разница наблюдается въ матеріалѣ, изъ котораго дѣлаются серьги: на Югѣ изъ золота и серебра, на Сѣверѣ исключительно изъ серебра.

Серія золотыхъ серегъ найдена въ городищѣ *Княжья гора* Черкасскаго уѣзда Кіевской губерніи (Ист. Музей, № 4190—6), онѣ совершенно одинаковы съ найденными тамъ же серебряными (№ 4199—4220). Двѣ пары золотыхъ серегъ найдены въ 1846 г. въ Кіевѣ, въ развалинахъ Десятинной церкви (Румянц. Музей, № 2511—2), одна пара съ прорѣзными бусами, другая съ дутыми бусами, украшенными сканью въ видѣ розетокъ. Въ Кіевѣ въ томъ же 1846 г. найдена пара золотыхъ серегъ, которыхъ бусы подражаютъ жемчужному низанью, какъ въ парѣ изъ клада Есикорскаго (табл. IV, рис. 11, 13).

Въ бѣдныхъ могильникахъ Средней Россіи встрѣчаются преимущественно серебряныя серьги этого типа. Особенно большое собраніе извлечено изъ «мерянскихъ» могильниковъ, куда онѣ попали, очевидно, какъ привозный продуктъ. Менѣе найдено въ Тверской, Корчевскаго у., с. Посадъ (Ист. Музей, IV з., № 1668—9) въ Московской и Ярославской (Мышкинскаго у., с. Кривецъ) губерніяхъ. Серьги съ гладкими бусами и пупырчатыми найдены въ могильникѣ у с. Веськино (Рум. Музей, 4, 22, 33, 35). Крупныя серьги съ большими гладкими бусами изъ серебра, украшенными сканью въ видѣ розетокъ, найдены близь м. Романова Могилевской губерніи. Находки въ Старой Рязани нерѣдко сопровождались парами серегъ съ украшеніемъ зернью въ видѣ городковъ и пирамидокъ въ кружкахъ. Типъ кольца съ тремя бусинами имѣютъ иногда бронзовыя серьги, но рѣдкость подобныхъ издѣлій понятна сама по себѣ, по условіямъ отливки бусинъ въ видѣ узелковъ, сплетенныхъ изъ проволоки, или даже плетенія изъ толстой мѣдной проволоки. Такія серьги встрѣчены пока въ Звенигородскомъ у. Московской губ., Жиздринскомъ Калужской, Рязанскомъ у., у Стародуба и въ Суджанскомъ у. Курской губерніи.

Пара золотыхъ сережныхъ подвѣсокъ съ эмалевыми украшеніями изъ клада Есикорскаго представляютъ замѣчательную сохранность: золотая поверхность какъ будто носитъ на себѣ

Digitized by Google

еще слѣды выглаживанія пластинъ, а эмалевыя краски настолько свѣжи и не окислены, что даже въ изломахъ эмаль не кажется болѣе интенсивнаго цвѣта, чѣмъ на поверхности. Эта поверхность настолько гладка и лишена обычныхъ поръ, настолько блеститъ, какъ будто это была бы свѣже выполненная работа. Подвѣски были, повидимому, мало въ употребленіи, и дужка, входящая въ шарнирѣ съ правой стороны (если смотрѣть на лицо подвѣсокъ съ изображеніемъ Сириновъ), закрѣпляется въ немъ особенно плотно. Въ техникѣ эмалей обращаетъ на себя вниманіе прокладка между контуромъ и краемъ лоточка красной или голубоватой эмали. Самый слой эмали почти вдвое глубже, чѣмъ напр. въ эмаляхъ клада съ Б. Житомирской улицы. При такой технической тонкости работъ, рисунокъ отличается неправильностями, въ чертахъ лица тяжелыми и неуклюжими формами тѣла, непропорціональностью туловища и головы, крохотныхъ ножекъ и грузнаго корпуса и наконецъ преувеличенною орнаментальностью всей фигуры и особенно хвоста: все это черты не византійскаго оригинала, а его туземной передачи.

На лицевой сторонѣ изображены два Сирина, обернувшіеся головами къ зрителю, по сторонамъ кружка съ лилейною пальметкою. Нимбы ихъ, темнозеленаго цвѣта въ красной каемкѣ, получили почему то особенную форму приплюснутаго кружка. Головы Сириновъ, съ распущенными каштановыми кудрями, покрыты не короною, а шапочкою [1]), которой малиновая тулья прикрыта вокругъ и накрестъ черезъ голову золотымъ галуномъ, а надъ челомъ помѣщенъ синій камень. Золото исполнено эмалью ярко желтаго хрома. Фигура птицы имѣетъ обычныя формы, за тѣмъ исключеніемъ, что зеленый слой внутреннихъ перьевъ хвоста сократился и является только въ загнутомъ его кончикѣ, на исподѣ, а въ другихъ фигурахъ Сириновъ на серьгахъ зеленый цвѣтъ помѣщенъ по срединѣ, и каймою служатъ красныя перья. Наконецъ, главнѣйшею особенностью фигуръ именно этихъ серегъ клада Есикорскаго служитъ, конечно, цвѣтъ тѣла (на снимкѣ переданный съ большимъ преувеличеніемъ и уже слишкомъ бѣлесоватый). Этотъ тѣлесный цвѣтъ представляетъ лилово-зеленоватый оттѣнокъ, котораго обыкновенно не встрѣчаешь въ византійскихъ эмаляхъ, такъ какъ мастера ихъ, какъ и живописцы, до самаго конца держались античнаго образца, ища въ цвѣтѣ тѣла, прежде всего, южнаго смуглаго типа, а затѣмъ красноватой, здоровой кожи. Особенно сильно чувствуется разница въ данномъ случаѣ, при сравненіи съ серьгами клада съ Б. Житомірской улицы. Правда, именно въ XII вѣкѣ наблюдается въ византійскомъ колоритѣ извѣстная наклонность къ зеленоватымъ и оливковымъ тѣнямъ и бѣлесоватымъ бликамъ тѣла, однако эта особенность принадлежитъ почти исключительно мозаической живописи (отчасти, вслѣдствіе сплошнаго употребленія бѣлаго и сѣраго шифера вмѣсто стекляной пасты) и уже только въ XIII вѣкѣ появляется въ миніатюрахъ. Но такъ какъ именно эта особенность не встрѣчается въ эмаляхъ, то мы въ правѣ полагать, что она принадлежитъ кіевскому мастеру.

[1]) См. женскую корону въ изд. Фр. Бока, *Kleinodien des Röm. Reiches etc.*. табл. 44, рис. 47. Та же женская шапочка у Vecellio, *Costumes anciens*, 1860, I, рис. стр. 38, 39.

Digitized by Google

На оборотной сторонѣ серьги нашего клада украшены: въ серединѣ эмалевымъ кружкомъ, въ которомъ по синему фону сдѣлана бѣлая крестовидная розетка изъ четырехъ слитыхъ лилейныхъ пальметокъ, а по сторонамъ кружка тремя обрѣзками вѣнчика съ бѣлыми разводами лозы по синему полю.

Въ заключеніе важно отмѣтить, что данныя серьги отличаются особенною легкостью, имѣя не болѣе 5 зол. 30 долей и по размѣру менѣе другихъ, а именно: 0.05 с. въ ширину и 0.043 с. въ вышину.

Пара серебряныхъ сережныхъ подвѣсокъ, найденная въ кладѣ Есикорскаго, принадлежитъ къ предметамъ большой рѣдкости: подобныхъ серегъ сохранилось очень мало, вѣроятно, по причинѣ хрупкости тонкихъ серебряныхъ листовъ, при окисленіи легко разрушающихся. Между тѣмъ, именно эти серьги наиболѣе близко передаютъ основной типъ этихъ украшеній (намъ нынѣ извѣстный въ оригинальныхъ серьгахъ собр. И. П. Балашова, таб. XIV): достаточно обратить вниманіе на основную колодочку или внутренній мѣшочекъ, на фигуру его верхняго лоточка, на углубленную кайму вокругъ него, которой недостаетъ только скобочекъ для помѣщенія здѣсь жемчужной нити, и, наконецъ, на внѣшнюю кайму, въ видѣ лучистаго пояса изъ сканныхъ спеньковъ, на которыхъ, однако, нѣтъ жемчужныхъ маковокъ, а только общій сканный бордюръ. Самый способъ украшенія и орнаменты близки къ византійскому оригиналу: на лицевой сторонѣ здѣсь двѣ птицы, сплетшіяся хвостами, а на оборотной пальметка внутри вѣнчика изъ двухъ аканѳовыхъ побѣговъ.

Изъ серебряныхъ вещей кладъ Есикорскаго заключалъ въ себѣ также серебряный шейный обручъ или такъ называемую гривну, свитую изъ проволоки, и кромѣ того перевитую серебряною сученою нитью; концы витаго дрота были сбиты въ одну трубочку, которая, затѣмъ, вытянута и загнута для застегиванія.

Того-же точно дурнаго серебра и такой же техники три браслета, которыхъ концы сбиты и образуютъ характерный наглавникъ, въ видѣ плоской змѣиной головы, которая, однако, по забвенію основнаго типа, орнаментирована уже здѣсь пальметкою, выполненною чернью.

Шейное женское украшеніе въ кладѣ Есикорскаго представляется наборною цѣпью изъ серебряныхъ бляшекъ, или, вѣрнѣе монистомъ, которое составлено изъ продолговатыхъ бляшекъ или палочекъ, числомъ 48 въ настоящее время, связанныхъ между собою нитками, продѣтыми по три раза черезъ каждую бляшку.

Бляшки дутыя или полыя внутри и составлены изъ выпуклаго полуцилиндрика, которому чеканомъ придана извѣстная орнаментальная форма и который былъ снаружи слегка позолоченъ, и подпайнаго листочка снизу, съ тремя дырочками по обѣ стороны полуцилиндрика, для продѣванія нитей. Присутствіе подпайнаго листочка показываетъ, что эти бляшки не были нашиты на тесьму или ленту, какъ напр. нашивались или набивались на кожу ременныя бляшки отъ пояса; напротивъ того, гладкій нижній листикъ считался достаточнымъ, чтобы не поранить нѣжной кожи на шеѣ, при ношеніи такого мониста. Внимательный осмотръ

Digitized by Google

мониста убѣждаетъ насъ, что ему, дѣйствительно, ничего не достаетъ, развѣ только скрѣпленіе металлической нитью, такъ какъ здѣсь сохранились даже конечныя бляшки, на которыхъ имѣются ушки для цѣпочекъ и колечекъ, которыми закрѣплялось монисто при надѣваніи на шею, или на голову въ видѣ повязки или рясенъ.

Каждая бляшка штампована одинаково, а именно она представляетъ какъ бы полуваликъ, мнимо матерчатый, перетянутый поперекъ въ пяти мѣстахъ жемчужными перевязями. Именно это чередованіе перевязей и выпуклыхъ валиковъ, составляя всю несложную орнаментацію мониста, объясняетъ намъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, почему эта форма мониста была одно время любимою. Каждое движеніе головы и шеи заставляло блестѣть ту или другую часть подвижнаго мониста, а звонкое сотрясаніе металлическихъ бляшекъ, пріятно развлекая слухъ, служило также мистическимъ предохраненіемъ.

Вмѣстѣ съ кладомъ золотыхъ и серебряныхъ вещей д. с. с. Есикорскій доставилъ въ Имп. Арх. Коммиссію всѣ древности, отрытыя въ его усадьбѣ, при рытьи земли для фундамента. Большинство этихъ древностей относится къ разряду обычныхъ мусорныхъ находокъ. Между ними куски разбитыхъ стекляныхъ фляжекъ, очень тонкихъ и легкихъ, но грубой работы, безъ всякихъ украшеній, интересны только потому, что относятся къ XI—XII вѣкамъ, когда стекло дѣлалось еще почти исключительно на сирійскомъ Востокѣ. Рядомъ съ чужеземнымъ стекломъ, куски грубѣйшей глиняной посуды, не вымятой и плохо обожженной, острія бердышей, или точнѣе, косъ, въ видѣ ножа (большаго кухоннаго) на длинномъ древкѣ (которое не сохранилось), и пр.

Наиболѣе интереса представляютъ изразцы изъ жженой глины, съ отличнымъ, хорошо оттиснутымъ рисункомъ на лицевой сторонѣ: особенно много обломковъ отъ карниза или гзымза, съ обычнымъ византійскимъ рисункомъ пальметокъ, сидящихъ на растительномъ побѣгѣ, который образуетъ родъ трельяжной рѣшетки [1]).

Болѣе сложны и выработаны рисунки цѣльныхъ изразцовыхъ плитокъ, изъ которыхъ, по всей вѣроятности, набирались въ домѣ печи. На этихъ плиткахъ находимъ сухой и мелочной, но строго декоративный византійскій рисунокъ разводовъ лозы съ гроздями или искусную схему розетки, заполняющей квадратъ. Одинъ сохранившійся съ такимъ же точно рисункомъ кусокъ угловаго изразца всего болѣе подходитъ къ печи.

Внѣ этихъ чисто византійскихъ (исполненныхъ, однако, на кіевской фабрикѣ) шаблоновъ, украшавшихъ кіевскіе дома, должно поставить кусокъ карниза съ чисто персидскимъ рисункомъ позднѣйшаго происхожденія.

Кладъ Каневскаго у. 1886 г.

Кіевской губ., Каневскаго уѣзда, въ м. Мартыновкѣ, въ 1886 году найденъ значительный (въ сосудѣ) кладъ [2]), поступившій цѣликомъ въ собраніе графа А. А. Бобринскаго. Въ кладѣ заключается, повидимому, полное женское одиночное убранство (парюра): въ немъ оказалось три пары застежныхъ *аграфовъ* изъ серебряной проволоки и такой же скани, съ насаженными

[1]) Наиболѣе близки къ этимъ фрагментамъ кирпичи и рельефные оттиски на глинѣ для карнизовъ, происходящіе изъ церкви X в. въ Греціи, нынѣ хранящіеся въ Центральномъ Музеѣ Аѳинъ и изданные Іос. Стрыговскимъ въ Трудахъ Арх. Общ. Аѳинъ, за 1890 г., стр. 118—128, рис. 1—3.

[2]) Графа А. А. Бобринскаго, *Курганы и находки близъ Смѣлы*, 1887, I, 150—2.

Digitized by Google

на проволоку ажурными бусинами; далѣе—пара *подвѣсокъ*, въ видѣ полушарика (ворворки) съ шестью прикрѣпленными къ ней цѣпочками, на которыхъ погремушками служатъ крохотныя прорѣзныя бляшки, также все изъ серебра; пара *сережныхъ подвѣсокъ* колодкою изъ серебра съ изображеніемъ по черневому фону на об. сторонѣ грифоновъ съ плетеніемъ и каймою въ видѣ саженаго на спняхъ жемчуга; скрученный изъ трехъ проволокъ серебряный шейный *обручъ* (гривна) съ приплюснутыми и загнутыми концами; желѣзныя, усаженныя серебряными гвоздями *шпоры*; 57 серебряныхъ наборныхъ отъ ожерелья *полуцилиндриковъ*, извѣстной формы и орнаментаціи; пара подвѣсокъ къ головной повязкѣ въ видѣ *лиліи*; пара прорѣзныхъ пластинокъ изъ золота и серебряный (?) кружокъ или бляшка, подобная тѣмъ щиткамъ, которые въ сибирскихъ древностяхъ принимаются за малыя зеркальца.

Въ 1887 году въ м. Пышки [1]) при корчеваніи лѣса найденъ кладъ, состоявшій изъ слѣдующихъ предметовъ: четыре серебряныхъ височныхъ кольца, серебряный перстень съ сердоликомъ, бронзовый перстень и одна створка бронзоваго энкольпіона (креста складня).

Въ 1887—88 гг. найденъ въ Черкасскомъ уѣздѣ, м. Хмелька [2]), серебряный, эмалью покрытый энкольпіонъ, но, вѣроятно, позднѣйшаго времени.

Въ 1886 г. въ м. Смѣла найдены: 4 бронзовые наконечника стрѣлъ, желѣзный кинжалъ, глиняная чарка, серебряная привѣска, состоящая изъ бусъ, цѣпочекъ и узорчатыхъ пластинокъ, серебряное ожерелье, состоящее изъ шести цѣпочекъ, 18 бляшекъ и двухъ застежекъ, бронзовыя: копье и фибула. Ранѣе, въ 1876 г. въ м. Залевки въ песчаныхъ розсыпяхъ найдены пара золотыхъ гривенъ, пара браслетовъ, кольца, серьги, пуговицы и бляшки золотыя же [3]).

Въ г. Переяславлѣ Полтавской губ. на землѣ еврейской больницы, во дворѣ, при копаніи ямы для подвала, найденъ былъ въ 1885 году кладъ древностей, какъ и прочіе кіевскіе клады, ввѣренный землѣ, очевидно, не задолго до нашествія Монголовъ или даже какъ разъ въ эту эпоху. Единственное извѣстіе о кладѣ, поступившее въ газету «Сынъ Отечества» 1885, № 46, опредѣляетъ кладъ въ 40 предметовъ, изъ которыхъ большинство серегъ, браслетовъ и медальоновъ; видимо, извѣстная часть клада была распродана и разошлась по рукамъ, прежде чѣмъ попасть въ руки властей. Тѣ немногіе предметы, которые были доставлены въ Археологическую Коммиссію, оказываются большею частью окисленными и разрушенными, а потому, вѣроятно, и не попали въ распродажу. По своему составу кладъ отчасти напоминаетъ находку въ кіевской усадьбѣ Есикорскаго своимъ подборомъ серегъ, которыя отличаются такимъ же разнообразіемъ или, вѣрнѣе, такимъ же обиліемъ варіантовъ одного и того же типа, какъ въ серіи серегъ клада Есикорскаго, съ тою разницею, что здѣсь серьги почти исключительно изъ серебра. Одна золотая серьга имѣетъ три бусы, убранныя зернью. Серебряныя же серьги представляютъ варіаціи ажурныхъ бусъ съ плетеніемъ.

Сверхъ того, въ кладѣ оказались: обрывки тонкой серебряной цѣпочки изъ рѣзаныхъ кусковъ тисненой ленты, три согнутыхъ въ кольцо куска золотой проволоки (деньги), обломокъ

[1]) Антоновичъ, *Карта Кіев. г.*, стр. 94.
[2]) Ibid, стр. 100.
[3]) Антоновичъ, ibid, стр. 106 и 107.

Digitized by Google

стеклянаго браслета лиловаго цвѣта и, наконецъ, одна сережная подвѣска изъ серебра съ сильно разрушеннымъ черневымъ изображеніемъ. Подвѣска эта была бы совершенно тождественна съ парою, найденною въ кладѣ Есикорскаго, если бы только средина не представляла на этотъ разъ полнаго круга, безъ выемки или колодочки подъ дужкою.

Въ Кіевѣ же, въ 1887 году, найденъ былъ [1]) во дворѣ Златоверхо-Михайловскаго монастыря, при проведеніи водопроводной канавы, 19 Ноября, на глубинѣ отъ поверхности земли болѣе двухъ аршинъ, въ глиняной кубышкѣ, нечаянно разбитой рабочими, замѣчательный (таб. VI и VII) кладъ, состоявшій изъ слѣд. предметовъ:

1. Пара золотыхъ подвѣсныхъ сережныхъ колодочекъ, 6½ сантим. въ поперечникѣ, съ эмальированнымъ изображеніемъ пары Сириновъ въ бѣлыхъ, какъ бы сарацинскихъ, коронахъ или шапочкахъ съ драгоцѣнными камнями; въ нихъ вѣсу 18 зол. 90 дол.

2. Цѣпь изъ 20 золотыхъ бляхъ съ эмалевыми изображеніями голубей и орнаментовъ, описываемая нами ниже и относящаяся къ предметамъ великокняжескаго церемоніальнаго убора. Вѣсу 28 зол. 30 дол.

3. Двадцать двѣ золотыя скобочки (таблица VII), орнаментированныя по краямъ жгутиками и слегка выгнутыя; на одномъ, закругленномъ концѣ ихъ имѣется всегда дырочка для пришиванія, на другомъ шарнирѣ или ушко для продѣванія въ него проволоки, связывающей всѣ эти скобочки, неизвѣстнымъ пока для насъ способомъ и для назначенія, которое мы предполагаемъ въ уборѣ косъ, о чемъ скажемъ особо и ниже. Михайловскій кладъ важенъ для насъ и тѣмъ, что изъ числа этихъ скобочекъ пара оказывается въ немъ снабженною съ лицевой стороны особыми полуовальными щитками, на которыхъ имѣется эмалевый лоточекъ съ изображеніемъ разводовъ и три припаянныхъ по угламъ колечка для продѣванія жемчужной нити. А такъ какъ этотъ наборъ скобочекъ относится навѣрное къ женскимъ украшеніямъ, то и самую цѣпь изъ бляшекъ можно, пожалуй, также принимать за принадлежность женскаго убора, что́, однакоже, не будетъ во внутреннемъ противорѣчіи съ объясненіями церемоніальной роли этихъ цѣпей, даваемыми ниже, такъ какъ женскіе уборы съ такою настойчивостью перенимаютъ формы и предметы мужскихъ украшеній, что нѣтъ надобности каждый разъ вновь о томъ разсуждать. Вѣсу въ скобочкахъ 15 зол. 30 долей.

4. Ожерелье или монисто женское изъ 41 золотой прорѣзной и сканной бусы, надѣваемыхъ на общій шнуръ: бусы имѣютъ видъ продолговатыхъ боченочковъ, отходящихъ далеко отъ основной формы, и снабженныхъ у отверстія пояскомъ для крѣпости; каждая буса выложена двойными репьями, а внутри ихъ вырѣзанъ золотой листъ, чѣмъ и достигается собственно впечатлѣніе ажурности [2]). Должно замѣтить, далѣе, что нѣкоторая часть бусъ по цвѣту золота и характеру исполненія, гораздо болѣе грубому, представляетъ

[1]) См. Дѣло Имп. Арх. Коммиссіи № 2, 1887 года, листы 93 слѣд.

[2]) Самое слово *прорѣзной*, быть можетъ, явилось подъ вліяніемъ техники, установившейся именно въ золотыхъ дѣлъ мастерствѣ.

Digitized by Google

какъ бы дополненіе ожерелья, новый худшій наборъ. И, дѣйствительно въ самомъ рисункѣ легко различить, что одна часть бусъ украшена настоящею (см. выше, въ I главѣ) сканью, изъ ссученныхъ золотыхъ нитей, тогда какъ другая относится къ разряду гладкой плоской скани изъ простой проволоки, припаянной къ листу. Вѣсу въ бусахъ съ сіонцемъ $19^1/_2$ зол.

5. На этомъ ожерельи изъ бусъ оказался подвѣшеннымъ крохотный *сіончикъ*, въ видѣ храмика, объ одной главѣ, съ четырьмя комарами, какъ называли византійцы, или кокошниками, какъ называли въ старину у насъ, на шеѣ купола, и четырьмя кіотцами по стѣнамъ, окаймленными сканнымъ жгутикомъ. Внутри кіотцевъ находятся орнаментальныя эмалевыя украшенія на лоточкахъ, вырѣзанныхъ и вставленныхъ сюда, взамѣнъ настоящихъ изображеній Евангелистовъ по 4 сторонамъ сіона. На углахъ находятся спиральные шарниры, оставшіеся безъ назначенія, такъ какъ, при первоначальномъ назначеніи подобнаго сіонца (въ которомъ хранились и освященный ладанъ, и иные освященные ароматы), черезъ эти шарниры должны были продѣваться тонкія цѣпочки, державшія ниже другой священный предметъ, какъ напр. черезъ крышку кадила. Что нашъ сіончикъ, дѣйствительно, служилъ для инаго назначенія, какъ своего рода вотолка, соединяющая нѣсколько цѣпочекъ вмѣстѣ, дабы онѣ не расходились, видно отлично на оригиналѣ: а именно всѣ подвѣсныя грушевидныя, изъ дутаго, или листоваго золота, балаболки совершенно не отвѣчаютъ по работѣ и фактурѣ самому сіонцу, котораго тонкія, высокаго достоинства, эмали и утонченная скань на главѣ изъ сученыхъ нитей, выложенныхъ разводами изъ парныхъ ленточекъ, рѣзко разнятся съ грубо ремесленной работою этихъ подвѣсокъ, слишкомъ большихъ и до уродливости не подходящихъ къ сіонцу; къ тому же эти подвѣски снабжены еще петельками для подвѣски жемчуга или цѣлыхъ жемчужныхъ нитей, что̀ и заставляетъ думать, что онѣ сняты съ шитаго воздуха, покрова или вообще церковнаго плата, и придѣланы къ сіончику, также попавшему въ этотъ уборъ откуда либо со стороны, всего вѣроятнѣе, съ драгоцѣнной церковной утвари или даже иконы.

6. Наконецъ въ кладѣ оказалось 158 колечекъ изъ тонкаго листоваго золота, достаточно, однако, крѣпкихъ, для того, чтобы служить пуговками въ одеждѣ, и устроенныхъ въ видѣ прорѣзнаго валика, съ рядомъ дырочекъ, проходящихъ черезъ него, насквозь, черезъ верхъ и низъ, для пришиванія. По нашему предположенію, въ каждой ячейкѣ этихъ колечекъ сидѣло на проволокѣ по жемчужинѣ, и, такимъ образомъ, это былъ уборъ выходнаго платья саженымъ жемчугомъ, во вкусѣ, развившемся въ Византіи съ IX стол. и цѣликомъ перенятомъ на Руси въ XI—XII столѣтіяхъ. Нигдѣ, кромѣ Венгріи, такихъ вещей не встрѣчается. Вѣсу въ этихъ колечкахъ всего 12 зол. 84 дол. Въ кладѣ оказалось также и жемчугу на $5^1/_2$ зол. Пара серегъ — колтовъ въ кіевскомъ кладѣ изъ Златоверхо - Михайловскаго монастыря 1887 г. лучшій и самый блестящій экземпляръ подобныхъ подвѣсокъ: въ попер. по горизонтальной линіи они имѣютъ 0.064 дл., по вертикальной—0.055 м., въ толщину болѣе 2 сантим. и отлично сохранились. Въ колтѣ сохранились 4 скобочки для нитей жемчуга; дужка утверждена въ одномъ шарнирѣ наглухо; но притомъ этотъ шарниръ, различный въ каждой

Digitized by Google

подвѣскѣ, сообразно съ удобствомъ запирался съ лѣвой и правой стороны. Отлично сохранились и самыя эмали: цвѣта не только удержали свой основной тонъ, почти даже не поблекли, но мѣстами уцѣлѣла даже зеркальная шлифовка эмалей, и потому тоны сохранили свою силу и глубину.

На лицевой сторонѣ представлено два Сирина по сторонамъ эмалеваго кружка, въ которомъ вписана по бѣлому фону голубая крещатая лилія съ краснымъ бутономъ Сирины, съ длиннымъ хвостомъ и пестрымъ опереніемъ, въ обычномъ типѣ; курчавые волосы ихъ имѣютъ темнокаштановый цвѣтъ, черты лица представляютъ женскую красоту по византійскимъ понятіямъ. Въ данномъ случаѣ интересна лишь тѣльная эмаль, имѣющая восковой оттѣнокъ. Оригинальностью Сириновъ является замѣна короны бѣлою (войлочною, сиро-каппадокійскою или сарацинскою) шапочкою съ саженными по сукну камнями: краснымъ въ срединѣ и двумя голубыми по бокамъ; гнѣзда камней имѣютъ орнаментальную форму индѣйской пальмы. Вокругъ головъ Сириновъ бирюзовый (зеленоватаго тона) нимбъ.

На оборотной сторонѣ въ срединѣ эмалевый кругъ съ синимъ фономъ, въ немъ вписанъ крестообразный округлый щитокъ съ краснымъ фономъ, на которомъ четыре кружка съ вписанными крещатыми лиліями и зеленый кружокъ въ срединѣ образуютъ обычный византійскій декоративный щитокъ. По сторонамъ два сегмента съ голубымъ фономъ и двумя бѣлыми вѣтками аканѳа и сегментъ съ городчатымъ отрѣзкомъ.

Рязанскія находки 1887 г.

Въ 1887 году произведены были раскопки городища въ мѣстности Старой Рязани и при этомъ найдено было много любопытныхъ древностей ранняго домонгольскаго періода, но также и вещей позднѣйшихъ временъ, такъ какъ на этомъ мѣстѣ, и послѣ батыевскаго разгрома, жизнь не прекращалась. Здѣсь были найдены обломки тѣльныхъ крестиковъ изъ камня и металла, лишившихся своей оправы и эмалевыхъ украшеній, серьги обычнаго типа, съ тремя ажурными бусиками, спирали и колечки, обломки стеклянныхъ витыхъ браслетовъ, желѣзные замки, копья, дротики, грубыя мѣдныя подвѣски, блюдце, орнаментированное изображеніями оленя и растительными формами, поясные наборы изъ бляшекъ, литыя, съ плетеніями, подвѣсныя бляшки съ жемчуговидными или бисерными украшеніями, образокъ архангела, глиняныя куклы, сережки-колтки въ видѣ двухъ качающихся на колечкѣ палочекъ съ перемычкою и съ насаженнымъ жемчугомъ, и, наконецъ, пара цѣлыхъ звѣздчатыхъ серегъ изъ серебра, малаго сравнительно, размѣра,—0,05 м. шир. Въ одномъ экземплярѣ и при томъ ранѣе найдена была золотая прорѣзная бляшка съ камнями, окаймленная сканнымъ бордюромъ и между гнѣздами золотыми коническими спиралями. Въ 1887 году изъ находокъ усадьбы Стерлигова и изъ раскопокъ 1888 года внутри городища Старой Рязани, на помостѣ древняго храма, вмѣстѣ съ византійскими монетами XII столѣтія, обращаютъ на себя вниманіе замѣчательные образцы особенно крупныхъ серегъ изъ серебра съ тремя бусами, крестикъ каменный въ оправѣ съ зерныю, ожерелье крупныхъ бусъ, четыре лоскута парчи, ленточка съ десятью бляшками, пара большихъ серебряныхъ сережныхъ подвѣсокъ колодочкою, еще обнизанные вокругъ каждая 13-ю дутыми большими бусами, и украшенныя двумя пти-

Digitized by Google

цами, переплетшимися въ хвостахъ. Самая замѣчательная находка представляется эмалевыми декоративными бляшками, тождественными съ тѣми, что найдены въ Ст. Рязани въ 1868 г., и наконецъ, эмалевымъ образкомъ Спаса, снятымъ съ оклада или иконы, вырѣзаннымъ въ видѣ кіотца уже позднѣе, и ничѣмъ не отличающимся отъ обычныхъ византійскихъ эмалевыхъ типовъ XII вѣка, съ Евангеліемъ въ лѣвой рукѣ, но уже мѣстной работы, что видно вполнѣ по техникѣ рваныхъ контуровъ, почернѣвшей эмали и измѣненнымъ цвѣтамъ.

Рис. 84. Изъ Старой Рязани.

Издавая здѣсь точный снимокъ (рис. 83) этого крохотнаго эмалеваго образка, мы откладываемъ анализъ всего клада и всѣхъ рязанскихъ находокъ до слѣдующаго выпуска нашего сочиненія, въ которомъ, среди древностей владиміро-суздальскаго періода, найдутъ себѣ мѣсто и типы большихъ серебряныхъ серегъ колтовъ, большихъ звѣздчатыхъ серегъ, и ограничиваемся лишь изданіемъ рисунка одного изъ этихъ колтовъ (рис. 84).

Рис. 83. Изъ Ст. Рязани.

Находки Княжьей горы.

Въ г. Каневѣ [1]), Кіевской губ., къ сѣверу отъ города, есть Княжа гора, со слѣдами городища. «Еще въ 1872 году, при обвалѣ горы обнаруживались могилы, въ которыхъ находились бронзовыя и желѣзныя вещи, между прочимъ, найдена пара золотыхъ серегъ, изображавшихъ цѣлующихся голубковъ. Въ 1888 и 1889 гг. крестьяне стали дѣлать раскопки на горѣ и нашли множество предметовъ княжескаго времени: много золотыхъ и серебряныхъ серегъ кіевскаго типа, золотыхъ колецъ и полуколецъ (скобочекъ?) отъ женскаго головнаго убора, серебряные витые браслеты, ожерелья изъ цилиндриковъ и цѣпи, янтарную цилиндрическую дужку отъ ожерелья, обломки стекляныхъ браслетовъ, пряслицы изъ краснаго шифера, бусы изъ шифера, горнаго хрусталя и глинистыхъ композицій; желѣзные топоры, замки, наконечники копій, ножики, желѣзные и бронзовые, наконечники стрѣлъ, нѣсколько бронзовыхъ энкольпіоновъ (крестовъ тѣльныхъ?), крупные наперсные кресты изъ сѣраго мрамора и зеленаго порфира въ серебряной оправѣ» и т. п. Изъ этихъ находокъ замѣчательны и намъ извѣстны корсунскіе кресты складни, иные тождественные съ найденными въ Херсонесѣ (рис. 26, 28, 29), другіе даже сохранившіе въ фонахъ желтую эмаль, любопытный складень съ фигурою Христа въ колобіи и пр. въ Историческомъ Музеѣ.

Кіевскій кладъ 1889 г.

Въ 1889 году въ Кіевѣ, въ усадьбѣ дворянина Раковскаго, найдены вещи изъ серебра, пріобрѣтенныя затѣмъ для Кіевскаго университетскаго музея. Между ними: одна серебряная кіевская гривна, пара витыхъ серебряныхъ браслетовъ съ обычными орнаментированными наглавниками, одинъ витой и смятый шейный обручъ, съ расплющенными концами (одинъ

[1]) В. Б. Антоновича, *Карта Кіевской губ.*, стр. 89. Коллекціи: Тарновскаго, Хойновскаго и Антоновича.

Digitized by Google

Рис. 85. Браслетъ изъ Кіевскаго клада въ ус. Раковскаго.

отложенъ), пара золотыхъ серегъ, съ тремя бусами, на одной серьгѣ зерневыя треугольники, въ другой бусы прорѣзныя, витыя изъ нитей, и два перстня съ монограммами. Важнѣйшими предметами находки является большой пластинчатый браслетъ, 0,075 м. ширины и 0.19 м. длины, изъ двухъ створокъ, съ шарнирами, настолько большой, что, вѣроятно, надѣвался на одежду, не на голую руку. Браслетъ украшенъ довольно грубою рѣзьбою: въ верхнемъ полѣ сиринами въ арочкахъ и лилейными пальметтами: такъ какъ, по обычаю, сирины были представлены обернувшимися другъ къ другу и поющими по сторонамъ лилейной эмблемы, то, при смыканіи створокъ, два сирина приходились бы рядомъ, для избѣжанія чего рѣщикъ, повидимому, предпочелъ на одной сторонѣ помѣстить ихъ вмѣстѣ. По рисунку Сирины отличаются схематизмомъ XII—XIII столѣтій. Въ нижнихъ четырехъ поляхъ орнаментальныя тяблы, съ узломъ, рѣшеткою и любопытными разводами византійскаго и такъ называемаго скандинавскаго пошиба. Любопытна также и кайма, раздѣляющая поля изображеній и представляющая, явно, схему арабской надписи, что, до извѣстной точности, подтверждаетъ арабское (сирійское) происхожденіе подобныхъ браслетовъ и ихъ украшеній.

Кіевскій кладъ ус. Гребеновскаго.

Въ 1889 году въ Кіевѣ, въ усадьбѣ г. Гребеновскаго, по Троицкому пер., въ Старомъ городѣ, былъ открытъ рабочими, во дворѣ дома, при копаніи земли на 1½ аршина, драгоцѣнный кладъ, прославленный своею золотою княжескою женскою діадемою, съ эмалированными изображеніями Деисуса, нами ниже подробно описываемою и превосходно изданною на табл. VIII. Вмѣстѣ съ діадемою найдены были: семь серебряныхъ слитковъ или, такъ называемыхъ, кіевскихъ гривенъ, изображенныхъ на таблицѣ IX, рис. 1—7 [1]; одинъ золотой (рисун. 15); гладкій, но скрученный легкою спиралью шейный обручъ или гривна, повидимому, женскій [2]; одинъ (рис. 14) такой же обручъ, плетеный и перетянутый сканною нитью, изъ дурнаго серебра и также женскій; одинъ золотой массивный [3]) гладкій браслетъ (рисун. 9), съ утолщенною среднею частью, изъ дрота; одинъ,

[1]) Вѣсу въ каждой гривнѣ чистаго серебра 36—38 зол.
[2]) Вѣсу въ этой гривнѣ 67½ зол.
[3]) Вѣсу въ браслетѣ 23 зол.

Digitized by Google

Рис. 87.

скрученный изъ двухъ дротовъ, серебряный браслетъ, со сбитыми плоско наглавниками, въ видѣ змѣиныхъ головокъ (рис. 8); одинъ золотой перстень съ овальнымъ гнѣздомъ, въ которомъ вставлена темная яшма (рисун. 12) и другой золотой же перстень съ печатью, на которой въ срединѣ вырѣзанъ Архангелъ, а по вѣнцу византійскіе орнаменты, наведенные чернью (рис. 13); перстень этотъ издается нами здѣсь особо въ точныхъ снимкахъ на рисункахъ 86 и 87; остатки ожерелья изъ серебряныхъ полуцилиндриковъ (рис. 17), всего 13 неполныхъ звеньевъ; бордюръ отъ серебряной серьги въ типѣ колта или колодочки, исполненный ажурными петельками (рис. 16); обрывки серебряныхъ серегъ, прежде украшенныхъ тремя бусами (рис. 18—25), и, наконецъ, двѣ золотыхъ византійскихъ монеты:

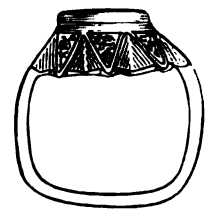


Рис. 86.

1. Золотой солидъ византійскаго императора Алексѣя I Комнина (1081 — 1118 года). На лицевой сторонѣ: императоръ, въ мантіи, съ лабаромъ въ правой рукѣ и сферою; вверху десница, его вѣнчающая: Надпись Αλεξιω Δεσποτη Τω Κομνηνω. На обор.: Христосъ на престолѣ, съ Евангеліемъ. Κε βοηθει IC. XC. Златникъ снабженъ ушкомъ.

2. Золотой солидъ, съ ушкомъ, императора Іоанна Комнина (1118—1143). Императоръ по поясъ, вѣнчаемый Богородицею, которая держитъ съ нимъ крестъ. Надпись ιω Δες. На оборотѣ: Христосъ на престолѣ, благословляющій.

Кусочекъ золотой парчи, длиною въ четыре сантиметра.

Эмалевый мѣдный медальонъ.

Въ окрестностяхъ г. Черкассъ въ 1890 г. (рис. 2 на табл. XV) найденъ находящійся теперь въ Минцъ-Кабинетѣ Кіевскаго Университета, № 681 [1]) мѣдный медальонъ или скорѣе подвѣсная бляшка отъ ожерелья, при всей своей грубости, очень любопытная, такъ какъ она украшена эмалью по византійскому способу, т. е. перегородчатою. Такое употребленіе эмали на мѣди составляетъ исключеніе и его всего натуральнѣе отнести въ разрядъ поддѣльныхъ имитацій вещей изъ золота. А это показываетъ, насколько эмаль вошла въ южной Руси во всеобщее употребленіе. На лицевой сторонѣ бляшки, имѣющей только 0,02 м. въ поперечникѣ, въ красной каемкѣ вписана эмалью крестообразная розетка, и въ ней, въ особомъ голубомъ овальномъ нимбѣ, представлена женская головка съ кудрявыми волосами. На оборотѣ поле изъ концентрическихъ кружковъ съ городками и крещатыми штучными разноцвѣтными наборами.

Въ 1892 году, при планировкѣ земли въ усадьбѣ Кривцова, въ окрестностяхъ Десятинной церкви найдены [2]): три амфоры, нѣсколько глиняныхъ и стеклянныхъ сосудовъ, серебряная витая гривна; мѣдные: перстни, замокъ, блюдо, пряжки, пуговицы и т. д.; желѣзные: мечъ съ золотою насѣчкою, топоръ, наконечники стрѣлъ, замокъ, ключи и т. д.; костяныя: веретено,

[1]) Подъ № 681 записанъ нами образокъ изъ Васильковскаго уѣзда, но въ замѣткахъ В. Б. Антоновича, занесенныхъ въ сборникъ при его *Картѣ Кіев. губ.* стр. 98, значится «бронзовый шейный медальонъ, покрытый цвѣтною эмалью и найденный въ окрестности г. Черкассъ въ 1890 году».

[2]) В. Б. Антоновичъ, *Археолог. карта Кіевской губ.*, стр. 34, Хойновскій. *Раскопки великокняжескаго двора*, Кіевъ, 1893, его же коллекція.

Digitized by Google

наконечникъ стрѣлы, гребень, обдѣланные клыки; обломки стекляныхъ браслетовъ, пряслицы изъ шифера, каменныя формы для отливки серегъ и гвоздей, два энкольпіона, кадило; много изразцовъ различной окраски и пр.

Клады Кіевскіе 1893 г.

Въ 1893 году въ Кіевѣ, на скрещеніи Срѣтенской и Мало-Владимірской улицъ, при производствѣ канализаціонныхъ работъ, найденъ былъ кладъ [1]) мелкихъ серебряныхъ вещей XII столѣтія, вложенный въ глиняный горшокъ съ ушкомъ (выш. 10 сант. и шир. 11 сант.) и прикрытый желѣзною тонкою крышкою; вмѣстѣ съ горшкомъ найденъ желѣзный топоръ. Въ горшкѣ оказались:

1. Три пары серебряныхъ серегъ (вѣсу 16 зол. 72 д.) обычнаго, кіевскаго типа, изъ проволоки, обмотанной серебряною сканью, съ тремя насаженными бусинами; изъ этихъ паръ одна съ ажурными бусами не вполнѣ сохранилась; другая имѣетъ вмѣсто круглыхъ глазковъ щитки, набранные зернью треугольниками, а третья непарная въ томъ смыслѣ, что одна серьга ажурная, другая нѣтъ и украшена такими же треугольниками. Отъ четвертой пары сохранились только куски.

2. Пара серебряныхъ серегъ извѣстнаго византійскаго типа, въ видѣ обоюдовыпуклыхъ щитковъ, съ ажурнымъ ободкомъ изъ скани, свитой восьмерками (въ шир. 0,04 м.); дужекъ не сохранилось (если только не служили бронзовыя дужки); на лицевой сторонѣ рѣзьбою награвировано вглубь изображеніе лиліи, опущенной внутри сердцеобразнаго завитка, на другой сторонѣ такое же изображеніе, и лучше сохранившійся черневой фонъ показываетъ, что эта лилія подымается, въ свою очередь, въ видѣ плющеваго листика (въ формѣ сердца) изъ лилейной распуколки, связанной внизу жемчужнымъ пояскомъ и образующей родъ щитка геральдической формы, какъ принято было затѣмъ для картушей. Типъ, вообще говоря, встрѣчающійся рѣдко. Отъ другой серьги сохранились только обломки.

3. Главную находку клада составляетъ серебряный (рис. 88) браслетъ, изъ двухъ выпуклыхъ полосъ (вып. 0,045 м.), съ шарнирами по обѣимъ сторонамъ каждой створки (дл. каждой 0,09 м.). Створки окаймлены бордюромъ изъ зерни и раздѣланы каждая тремя кіотцами или арочками, въ такихъ же зерневыхъ багетахъ; въ промежуткахъ арокъ, въ верхнихъ углахъ, вырѣзаны извѣстные символическіе узлы, имѣющіе форму трехчастнаго листа. Внутри арокъ по серебру награвированы высокія, геральдическаго типа птицы, наведенныя въ контурахъ слегка чернью, а въ среднемъ тяблѣ василискъ, и въ этомъ тяблѣ фонъ наведенъ чернью. а фигура выполнена наколомъ, тогда какъ въ другихъ боковыхъ фонъ выполненъ наколомъ.

Рис. 88.

Фигурки птицъ и василиска отличаются характернымъ

[1]) *Дѣло Имп. Арх. Комм.* за № 66, 1893 г. съ приложеніемъ 1 табл. фотографій и трехъ рисунковъ перомъ и карандашемъ Н. И. Суслова.

Digitized by Google

архаизированнымъ стилемъ второй половины XII и XIII вѣковъ: непомѣрно маленькая головка и узкая шея, тѣло, уже принявшее геометрическую форму, хвостъ въ видѣ копейнаго конца и лиліи, и отдѣльныя перья, расходящіяся по сторонамъ и загибающіяся вверхъ также въ формѣ остроконечной лилейной распуколки—таковы типы птицъ, которыя уже въ XIV вѣкѣ выработаются въ причудливый инициалъ, весь разнятый на завитки, плетенія, ремни. Исторія этого перехода отъ условныхъ архаическихъ типовъ животнаго и растительнаго міра, принятыхъ Россіею и Востокомъ отъ Византіи, къ извѣстной тератологической морфологіи въ такъ называемомъ «звѣриномъ стилѣ» русскихъ рукописей XIV вѣка, представляетъ пока вовсе незатронутый предметъ, по очень простой причинѣ: въ то время, какъ этотъ звѣриный стиль выработался исключительно въ рукописяхъ, его подготовка происходила въ XII и XIII вѣкахъ на ювелирныхъ издѣліяхъ и работахъ въ металлѣ, которыя если и сохранились въ нѣдрахъ русской земли, то лишь теперь стали доходить до насъ, въ собственномъ смыслѣ слова. Такъ напр. на настоящемъ браслетѣ голова василиска уже имѣетъ свою характерную пѣтушью голову, драконье тѣло на концѣ, со вздымающейся головою, но ясно уже различается, что граверъ не понялъ всего этого состава и слилъ разъ ногу василиска съ драконьимъ тѣломъ, которое должно выходить изъ подъ ноги, тогда какъ на другомъ изображеніи мы находимъ эту деталь правильною, но голова походитъ на грифонью.

Въ томъ же году найденъ былъ въ Кіевѣ, по Хоревой улицѣ, любопытный мѣдный крестъ, складень, исполненный рѣзьбою и инкрустаціею серебромъ: съ лица Распятіе (въ препоясаніи), по сторонамъ по грудь: Іоаннъ и Марія скорбящіе, а сверху Евангелистъ (Лука), на оборотѣ Богоматерь съ подъятыми руками съ надписью МР. ѲѴ, по сторонамъ Петръ и Павелъ, наверху и внизу Матѳей и Маркъ съ надписями именъ. Вся техника и крайне грубый тяжелый стиль изображеній близко напоминаютъ сиро-египетскія изображенія VIII—IX столѣтій. Распятый представленъ въ препоясаніи, что указываетъ уже на XI—XII столѣтіе, тогда какъ мы здѣсь открываемъ въ одно и то же время черты необыкновенной грубости стиля, нами много разъ прежде указаннаго для эпохи VIII—IX вѣковъ, и полное отсутствіе чертъ поздневизантійскаго стиля, господствовавшаго всюду въ XII вѣкѣ. Правда, здѣсь общій пошибъ фигуръ въ медальонахъ напоминаетъ грубыя эмали, но всѣ детали въ одеждахъ, едва намѣченныхъ, нимбахъ, набранныхъ бисеромъ (признакъ IX вѣка въ рукописяхъ), округлыхъ и безбородыхъ ликахъ, совершенно чужды столь извѣстному и характерному византійскому шаблону. Что, однако, самое важное для насъ въ этомъ крестѣ, это его туземное происхожденіе, засвидѣтельствованное столько же чернью, сколько и одною надписью: а именно, тогда какъ всѣ надписи здѣсь греческія, хотя ошибочныя: НОНА для имени «Іоаннъ» и пр., но имя Петра передано по славянски ПЕТРЪ, какъ на эмалевомъ изображеніи Павла на діадемѣ.

Различныя находки восьмидесятыхъ годовъ способствовали образованію въ Кіевѣ нѣсколькихъ частныхъ коллекцій, большею частью, за исключеніемъ собранія Леопардова, Кибальчича и др., остающихся неизвѣстными: большинство ихъ, однако, мало даетъ новаго. Намъ лучше другихъ извѣстно маленькое собраніе мѣстныхъ древностей князя Трубецкаго, отчасти обя-

Digitized by Google

занное своимъ появленіемъ усадьбѣ владѣльца въ Старомъ Кіевѣ, на мѣстѣ древнихъ княжескихъ дворцовъ и церквей, но лучшимъ предметомъ этого небольшаго собранія, нынѣ поступившаго въ Имп. Эрмитажъ, является серебряный браслетъ или наручъ съ позолотою по коймамъ и бляшкамъ и съ рѣзьбою. Въ верхнемъ поясѣ браслета (рис. 89), на фонѣ, заполненномъ первоначально сплошь чернью, но нынѣ сильно разрушенномъ, помѣщены внутри аканѳовыхъ разводовъ птицы, грифы, василиски и подобные имъ монстры со львинымъ тѣломъ и крыльями (быть можетъ, сфинксы, но головы нельзя разобрать). По низу плетеніе изъ символическихъ узловъ и аканѳовые разводы, имѣющіе типъ пальметты, или скорѣе даже лиліи, сидящей на узлѣ расходящихся корней—рисунокъ, видимо упростившій византійскую схему пальметты. Поверхъ, въ промежуткахъ напаяны выпуклыя позолоченныя бляшки,

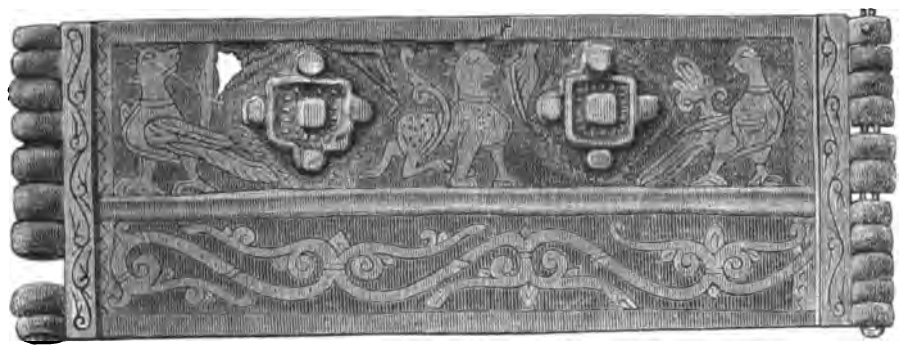


Рис. 89. Серебряный Кіевскій браслетъ, Имп. Эрмитажъ.

Рис. 90. Серебряная Кіевская серьга.

играющія роль гнѣздъ съ камнями. Затѣмъ въ томъ же собраніи нашлась пара серебряныхъ сережныхъ подвѣсокъ въ видѣ колодки, сравнительно хорошей сохранности (рис. 90); здѣсь внутренній щитокъ сталъ уже полнымъ оваломъ. Украшеніе исполнено по старому способу, а именно тонкія бляшки, набитыя сначала пунктиромъ, залиты сплошь чернью, затѣмъ контуры вычищены изъ подъ черни, которая составила такимъ образомъ фонъ, и эти орнаментальныя бляшки запущены подъ край бордюръ; на бляшкахъ представленъ грифонъ, рисунокъ спутанный и вялый. Но въ желобѣ подъ дужкою все-же имѣется вырѣзанный лоточекъ, кайма идетъ изъ желобка съ бисерною нитью, широкій ободъ состоитъ изъ плетеныхъ сканныхъ петель. Изъ серегъ, кромѣ обыкновенной серьги съ тремя бусами, въ этой находкѣ обращаетъ на себя вниманіе одна серьга большихъ размѣровъ, и съ толстымъ дротомъ, конецъ котораго не заостренъ, чтобы проходить въ мочку уха, но расплющенъ, такъ что у серьги образуется дужка, какъ у тѣхъ серебряныхъ подвѣсокъ, которыхъ дужки не пропускаются въ ухо, какъ мы будемъ ниже доказывать. Стало быть, и эта серьга носилась не въ ухѣ собственно, но на ухѣ; бусы ея полыя, отличной техники, большія, украшены по поверхности сплошь ячейками изъ гладкихъ серебряныхъ нитей, но съ зернами, посаженными внутри каждой ячейки. Перстень этого собранія обычный, съ византійскимъ орнаментомъ,

Digitized by Google

наведеннымъ чернью. Но въ собраніи нашлась также одна любопытная формочка, изъ камня (жировика?), для отливки бронзовыхъ дротовъ съ тремя посаженными на нихъ бусинами (рис. 91), очевидно, для дешевыхъ мѣдныхъ серегъ того же самаго типа, чрезвычайно любопытная и доселѣ единственная въ своемъ родѣ, такъ какъ такихъ именно бронзовыхъ серегъ, какъ намъ кажется, доселѣ, не найдено ни въ могильникахъ, ни въ городищахъ. Подражаніе здѣсь доведено до мелочей: воспроизведены сканные жгуты, представлено нарѣзками оплетеніе дрота въ промежуткахъ между посаженными бусами, сдѣланъ толстый конецъ для конца дужки и пр. (формочка сохранилась одною стороною, что обыкновенно); тонкій дротъ продѣлывался послѣ.

Замѣчательныя каменныя формочки, найденныя въ Кіевѣ, на Фроловой горѣ, въ 1893 году, и поступившія, черезъ посредство Имп. Арх. Коммиссіи, въ Имп. Эрмитажъ, заслуживаютъ не менѣе интереса, чѣмъ и самыя древности, уже тѣмъ живымъ свидѣтельствомъ распространенія лучшихъ издѣлій въ народѣ, какое эти формочки всякому даютъ. Разсматривая самыя вещи, выполненныя съ большою тщательностью изъ золота и серебра, замѣчаешь разные техническіе пріемы ихъ исполненія, чеканъ, рѣзьбу, скань, паяніе, филигрань, но не видишь отливки, развѣ въ вещахъ, не бывшихъ въ употребленіи и сохранившихъ спеціальный видъ расплавленнаго матеріала. Эти формочки дополняютъ намъ эту техническую сторону и съ другой стороны, по извѣстнымъ деталямъ ея указываютъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло также съ дешевыми имитаціями вещей въ мѣди или дурномъ серебрѣ, но имитаціями, столь полными, что нужно было бы вниманіе и опытность, чтобы замѣтить разницу; словомъ, мы имѣемъ, быть можетъ, въ одномъ случаѣ, форму для отливки поддѣльной вещи.

Изъ нихъ рис. 92 съ формочки для отливки *звѣзды* (обыкновенно серебряной, лишь въ одномъ случаѣ золотой) представляетъ оборотную ея сторону, но такъ тонко, до мельчайшихъ деталей, вырѣзанную даже съ дужкою—въ видѣ прямаго дрота, что рѣщику ничего не оставалось дѣлать, кромѣ чистки, полировки и золоченія. Тоже самое можно сказать о формочкѣ обыкновеннаго *потала*, представленной рисункомъ 93: здѣсь даже скобочка дужки приготовлена, которая всегда рѣжется, плющится и припаивается уже на вещахъ. Между формочками есть, далѣе, такія-же для крохотныхъ крестиковъ на монистахъ, розетокъ на выпуклыхъ круглыхъ бляшкахъ, для бляшекъ съ монограммами (одна похожая на букву Ψ, для сережной подвѣски черниговскаго типа, той же нами описываемой фактуры полной имитаціи вещи ея отливкою.

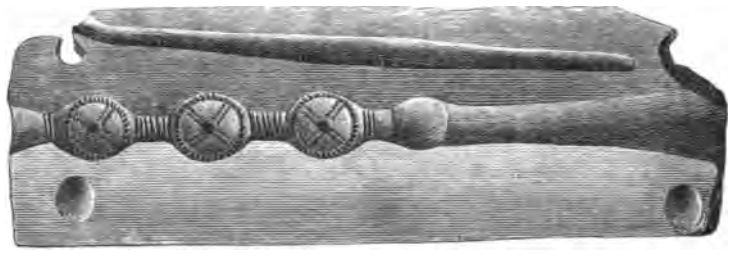


Рис. 91. Каменная Кіевская формочка для бусъ.

Digitized by Google

Но формочка (рис. 94) для отливки подвѣснаго колта во 1-хъ не имѣетъ ничего общаго съ извѣстными доселѣ колтами: ни такого крохотнаго размѣра, ни рисунка подобныхъ грифоновъ (исполненныхъ выпуклыми, для наведенія фона вокругъ) не знаемъ въ существующихъ вещахъ, и стало быть, форма эта была назначена для своего рода поддѣлки; вѣроятно, поэтому, что и отливка въ ней дѣлалась изъ бронзы, отъ чего зависитъ нечистота раздѣлки между шариками обнизывающихъ бусъ и извѣстная грубость всей формы.

Рис. 92.

Рис. 93.

Рис. 94.

Каменныя формочки изъ Стараго Кіева.

Digitized by Google

Рис. 95. Миніатюра изъ греческой рукописи I. Куропалата въ Мадридской Національной Библіотекѣ. Свиданіе Святослава съ Цимисхіемъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Художественно-историческій разборъ отдѣльныхъ бытовыхъ и церемоніальныхъ предметовъ, формъ украшенія и уборовъ мужскихъ и женскихъ въ русскихъ древностяхъ домонгольскаго періода.—Княжеская женская діадема.—Гривны (бармы) и вообще нагрудныя украшенія въ нихъ отношеніи къ византійскимъ.—Цѣпи церемоніальныя и служебныя.—Серьги въ формѣ колодочки или колты, украшенныя эмалью и черныю.—Браслеты.—Перстни.—Прочія украшенія.—Приложеніе.

Историческій анализъ церемоніальныхъ и бытовыхъ формъ украшеній въ русскихъ древностяхъ мы можемъ по праву начать съ разсмотрѣнія золотой діадемы Кіевскаго клада 1889 года. Золотая діадема служила, скажемъ заранѣе, по всей вѣроятности, женскимъ головнымъ украшеніемъ: доказательство этого видимъ, прежде всего, въ ея составѣ изъ девяти створокъ, образующихъ снаружи легкую выпуклость, ради отблесковъ золотой поверхности устроенную, а внутри пустые лоточки, которыхъ боковые края по бордюру проткнуты рядомъ 5 противулежащихъ отверстій, для того, чтобы въ нихъ пропускать связующія нити, металлическія или иныя. Будь эта діадема вѣнцомъ иконы, не было бы нужды въ этихъ приспособленіяхъ, а діадема состояла бы изъ сплошнаго листа. Второе доказательство: по концамъ діадемы сдѣланы въ кружкахъ двѣ женскія головки въ коронахъ,

Digitized by Google

эмалевыя, какъ указаніе на назначеніе предмета. Третье доказательство заключается въ подвѣсныхъ къ створкамъ, по три къ каждой, цѣпочкахъ съ мелкимъ жемчугомъ и насаженными снизу эмалевыми бляшками, или же золотымъ, грушевиднымъ подобіемъ жемчужины; рядъ 21 подвѣсокъ (сохранилось вполнѣ 16) образуетъ то, что называлось издревле *ряснами*, заимствовано было изъ Византіи и въ позднѣйшее время почиталось даже необходимымъ ради приличія прикрытіемъ женскаго лба; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, эти цѣпочки сдѣланы наскоро изъ свитой тонкой проволоки и, очевидно, безпокоили бы кожу, если бы лежали прямо на ней. Далѣе, нельзя предположить, чтобы и вся полоса діадемы изъ створокъ могла быть надѣваема прямо на голову, такъ какъ внутренніе ея края или рамки, вышиною $^1/_2$ сантим., должны были бы рѣзать лобъ, и потому необходимо думать, что діадема была нашиваема на матерчатую подкладку, скорѣе всего, на высокую кику или кокошникъ, которой высота, по

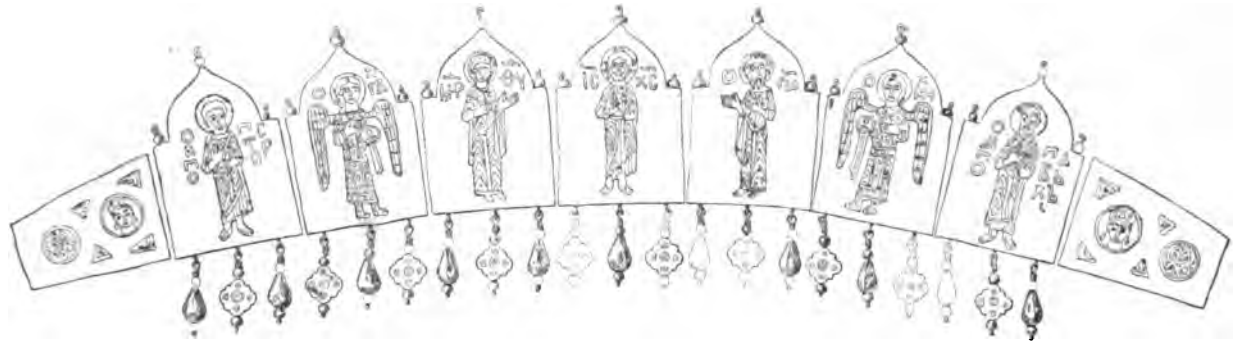


Рис. 96. Княжеская діадема изъ Кіевскаго клада 1889 г. въ усадьбѣ Гребеновскаго.

нашему мнѣнію, указывается и тѣмъ, что каждая створочка оканчивается, вверху и у пяты каждой арочки, тремя золотыми проволочными крючками, которыхъ укрѣпленіе въ кокошникѣ мы, однако, не можемъ угадать.

Далѣе, девять створокъ составлены изъ 7 кіотцевъ, имѣющихъ наверху луковицеобразную арочку съ упомянутымъ крючкомъ, на который посажено зерно жемчуга, и эти кіотцы ясно указываютъ во-первыхъ на роль вѣнца, короны, только не царской, а княжеской, а во-вторыхъ, на священный характеръ этого вѣнца, выраженный въ сакраментальной формѣ кіотцевъ. Между тѣмъ двѣ боковыя пластинки или створки ($4^1/_2$ сант. дл.) сдѣланы въ видѣ съуживающейся полосы или ленты, что и придаетъ собственно всему украшенію форму повязки или діадемы. Если же діадема и была первоначальною формою царскаго вѣнца, то въ данномъ случаѣ такой архаическій типъ могъ быть легко формою церковнаго, брачнаго вѣнца, чего, однако, по существующимъ образцамъ доказать нельзя, развѣ сопоставивъ обычныя на брачныхъ вѣнцахъ изображенія Деисуса съ нашимъ.

Всѣ кіотцы или створки украшены византійскою перегородчатою эмалью, и притомъ только двѣ боковыя орнаментальными или декоративными сюжетами, а именно: кружочкомъ

Digitized by Google

съ женскою головкою въ коронѣ, кружечкомъ съ пальметтою на изумрудномъ фонѣ и четырьмя сегментами вокругъ перваго кружка, наполненными разводомъ аканѳа. Мы имѣли уже случай замѣтить, что такая форма эмалевыхъ украшеній можетъ происходить отъ подражанія цвѣтной лентѣ, продернутой черезъ ажурную золотую пластинку. Женская головка, условной красоты поздняго греческаго антика, имѣетъ корону въ видѣ высокаго золотаго кокошника съ тремя камнями на переди; въ ушахъ головки большія жемчужины (uniones); фонъ изумрудный, любопытный остатокъ древнѣйшей византійской эмали, встрѣчающейся именно въ декоративныхъ бляшкахъ.

Соотвѣтствующія фигурамъ греческія надписи сдѣланы крупными уставными буквами, въ красной эмали, но даютъ характерныя неясности и особенности. А именно: въ имени МР ѲѴ М и Р слиты чертою, какъ въ курсивѣ; Іоаннъ—оіѿ, Гавріилъ—ога, есть ошибка въ имени Петра, вездѣ не достаетъ въ кружкѣ О вписываемой обыкновенно буквы а. Наконецъ, въ имени апостола Павла русскій эмальеръ или не имѣлъ греческаго образца, или не захотѣлъ слѣдовать ему, но составилъ имя по древне-русски: О АГІО ПАВЬЛЪ, не забывъ, однако, сдѣлать ковычку для обозначенія сокращаемой сигмы въ греческихъ словахъ, которой нѣтъ въ имени Петра, гдѣ бы ей быть слѣдовало. Словомъ, эта ошибка окончательно выдаетъ работу русскаго мастера, и въ этомъ отношеніи является по истинѣ драгоцѣннымъ и незыблемымъ свидѣтельствомъ того, что въ Кіевѣ русскіе мастера въ XI и XII вѣкахъ производили эмаль, и что многочисленныя ея произведенія, добываемыя нынѣ изъ земли, даютъ намъ ясное понятіе о высотѣ этого наиболѣе тонкаго и труднаго художественнаго мастерства на югѣ Россіи въ древнѣйшемъ періодѣ.

Вотъ почему, первое мѣсто въ данномъ памятникѣ занимаютъ не вопросы сюжета и его значенія въ діадемѣ, а именно техническія достоинства и недостатки исполненія и эмалеваго мастерства. Оказывается, что русскіе эмальеры умѣли работать въ эмали не хуже самихъ Грековъ, если принять во вниманіе два обстоятельства: то, что вещь принадлежитъ срединѣ XII или даже концу XII вѣка, когда уже эмалевая техника значительно упала, какъ то мною доказано въ сочиненіи о «Византійскихъ эмаляхъ», и то, что діадема извлечена изъ земли и пострадала отъ сильнаго окисленія. Эмаль сохранила вполнѣ свои цвѣта только въ фигурахъ апостола Петра и апостола Гавріила, во всѣхъ прочихъ сильно поблекла.

Византійскіе типы значительно измѣнились и переданы съ значительными сокращеніями и опущеніями непонятыхъ русскимъ эмальеромъ деталей: такъ напр. есть цвѣтные сапожки и башмаки у Божіей Матери, Архангеловъ, но нѣтъ ни у кого изъ прочихъ фигуръ сандалій, и передача ступни сдѣлана не въ обычной схемѣ, а весьма обще и неуклюже; тоже слѣдуетъ замѣтить о рукахъ, особенно благословляющихъ, объ очеркѣ фигуръ, совершенно утратившихъ пропорціи коренастыхъ и мускулистыхъ типовъ, что преимущественно можно наблюдать по двумъ фигурамъ ангеловъ. Далѣе, рисунокъ одеждъ, хитона и гиматія, часто не различимъ, или сбитъ, или выложенъ не только условно, но и безъ различія верхней и нижней одежды, чего никогда не бываетъ въ греческой работѣ; спутанъ рисунокъ лорона, а въ лоронѣ архангела

Digitized by Google

Михаила данъ собственно орарь. Лики также утратили греческія черты, появились квадратныя головы, одутловатыя физіономіи, грубыя черты. Архангелы, вмѣсто того, чтобы держать мѣрила или посохи съ крестомъ, прижимаютъ одну руку къ груди, а другою поддерживаютъ сферу. Фоны нимбовъ или бирюзовые или изумрудные, темнолиловыхъ нѣтъ, и одежды, имѣвшія въ византійскихъ эмаляхъ этотъ цвѣтъ, стали здѣсь рѣзкаго синяго цвѣта. Тѣлесный цвѣтъ, однако, отличается превосходнымъ оттѣнкомъ и показываетъ намъ, до какого совершенства могли, стало быть, доводить русскіе мастера эту утонченную технику.

Представляемый здѣсь снимокъ превосходенъ по своей точности и характерности въ передачѣ поблеклыхъ оттѣнковъ эмали, но не посвященные въ секреты окисленія различныхъ ея тоновъ не въ состояніи угадать бывшихъ прежде цвѣтовъ. Такъ, на Апостолѣ Петрѣ зелено-голубой гиматій и голубой хитонъ еще можно различить, но съ трудомъ можно узнать, что на Богоматери была темно-лиловая—пурпурная фелонь и голубоватый хитонъ, что у Христа голубой хитонъ и пурпурный гиматій, что пенула Предтечи имѣла темнолиловый цвѣтъ, а хитонъ былъ голубымъ, и что Апостолъ Павелъ, въ противуположность Петру (византійскій пріемъ), имѣлъ голубой гиматій и зеленый хитонъ.

Сильное окисленіе заставляетъ насъ думать, что если эмалевыя краски были очень чисты, ярки и блестящи въ русскомъ издѣліи, то шлифовка ихъ заставляла многаго желать, и ея недостатки сильно видны на сохранившихся наилучше мѣстахъ.

Діадема является, подобно рязанскимъ бармамъ, блестящимъ и необыкновеннымъ открытіемъ въ русскихъ древностяхъ: будучи, очевидно, художественнымъ произведеніемъ русскаго мастера, этотъ памятникъ даетъ намъ множество любопытныхъ указаній всякаго рода и проливаетъ свѣтъ на древнѣйшій періодъ быта русскаго народа. Въ тоже время, благодаря своимъ ближайшимъ связямъ съ византійскимъ искусствомъ и его техникою, этотъ памятникъ отличается рѣдкою ясностью, и можетъ дать выводы точные и опредѣленные, чего нельзя сказать о рязанскихъ бармахъ. Наконецъ, по своей формѣ и назначенію, діадема представляетъ единственную въ своемъ родѣ рѣдкость и можетъ быть причтена къ тѣмъ вѣнцамъ и коронамъ, которыя составляютъ драгоцѣнное наслѣдіе народной древности для европейскихъ странъ.

Кіевская діадема состоитъ, какъ сказано, изъ золотыхъ пластинокъ, въ формѣ арочныхъ кіотцевъ [1]), устроенныхъ сзади полыми, при помощи стѣнокъ по краямъ, имѣющихъ въ вышину около 2 миллиметровъ. Но, въ отличіе отъ другихъ кіевскихъ бляшекъ, медальоновъ и щитковъ, въ бармахъ, цѣпяхъ и тому подобныхъ украшеніяхъ, здѣсь нѣтъ подпайки или золотаго листа, припаяннаго къ стѣнкамъ съ обратной стороны и закрывающаго внутренность этихъ бляшекъ съ цѣлью предохранить эмалевые лоточки и связать этою подпайкою стѣнки. Почему здѣсь этого не сдѣлано, вполнѣ понятно. Діадема составляется изъ девяти щитковъ посредствомъ шести нитей или проволокъ, которыя, будучи продѣты черезъ шесть отверстій,

[1]) Въ описяхъ именно о такихъ пластинкахъ, набивавшихся на иконы и прочую утварь, употребляется выраженіе «дробницы кіотцами».

Digitized by Google

сдѣланныхъ въ каждой боковой стѣнкѣ, связываютъ всѣ щитки вмѣстѣ. Проволоку, такимъ образомъ, надо продѣвать внутри лоточковъ, и потому они не могли быть закрыты подпайкою, иначе при разрывѣ проволоки, пришлось бы вновь ее снимать. Мы сказали далѣе, что такого рода діадема не могла быть въ этомъ видѣ надѣваема на голову, не дѣлая царапинъ на кожѣ острыми краями стѣнокъ, и, стало быть, должна была привѣшиваться вплотную на ленту или, скорѣе, козырь изъ соотвѣтствующей по цвѣту (пурпурнаго, темнолиловаго) парчи. А такъ какъ діадема составляетъ въ длину 0,335 м., то, очевидно, концы ея должны приходиться надъ ушами, и потому мы полагаемъ, что діадема составляла начельное украшеніе кокошника или кики не замужней женщины, по переду, или по лицевой сторонѣ козырька, въ то время, какъ сзади къ нему пристегивалось головное покрывало. Вотъ почему и самая форма двухъ угловыхъ щитковъ воспроизводитъ не ленту (одинаково широкую) и не собственно вѣнецъ, а именно кику или кокошникъ съ вырѣзнымъ расширеніемъ посреди. Гораздо труднѣе отвѣчать на вопросъ, почему именно остальные щитки приняли форму кіотцевъ: въ зависимости ли отъ священныхъ изображеній, или мы имѣемъ здѣсь новое указаніе на формы женскихъ вѣнцовъ.

Угловые щитки представляютъ каждый по шести эмалевыхъ украшеній: изъ нихъ два имѣютъ форму темносинихъ кружковъ (которые здѣсь, по всей вѣроятности, напоминаютъ прежніе драгоцѣнные камни), а четыре въ видѣ треугольниковъ или, скорѣе, вырѣзокъ, обрамляютъ по четыремъ угламъ тотъ кружокъ, въ которомъ представлена женская голова въ вѣнцѣ. Другой кружекъ на концѣ, съ тѣмъ же темносинимъ фономъ и красною каймою, представляетъ подобіе пальметки съ двумя гроздями и загибающимся внутрь акантовыми лапами, бѣлаго цвѣта.

Наиболѣе интереса представляетъ эмалевый кружокъ съ женскою головою до плечъ, въ вѣнцѣ. Темносиній цвѣтъ имѣетъ въ одномъ кружкѣ индиговый оттѣнокъ, въ другомъ совершенно потерялъ цвѣтъ, но, надо думать, имѣлъ тоже значеніе воздушнаго темно-голубаго нимба, какъ и въ предметахъ, указываемыхъ ниже. Корона въ видѣ стеммы (по неправильности, издавна принятой еще въ византійскихъ изображеніяхъ, боковыя стороны ея опущены), или золотаго обруча съ однимъ краснымъ начельнымъ камнемъ и двумя синими по бокамъ. Въ ушахъ двѣ грушевидныя жемчужины (uniones). Изображеніе это имѣетъ исключительно декоративный характеръ и важно именно потому, что указываетъ на назначеніе діадемы служить именно женскимъ вѣнцомъ.

Такъ, мы встрѣчаемъ женскую голову въ вѣнцѣ на сережныхъ подвѣскахъ съ эмалевыми украшеніями въ кіевскомъ кладѣ, найденномъ въ 1876 г. возлѣ Десятинной церкви, въ усадьбѣ Лѣскова (см. табл. XV, 12, 14); женская юная фигура съ распущенными каштановыми волосами, въ золотой одеждѣ, съ большою золотою короною, украшенною камнями и сведенною въ видѣ кики. Очевидно, по волосамъ, это дѣвица, и такого рода головныя повязки должны были украшать исключительно дѣвичьи головы, въ видѣ полумѣсяца [1]).

[1]) Эмалевыя серебряныя діадемы кочевыхъ арабовъ (наз. thacebd) въ Бискрѣ—Алжирской Сахарѣ, доставляемыя

Digitized by Google

Въ древней Руси эти діадемы назывались *челомъ*, и извѣстно, что Иванъ Даниловичъ Калита завѣщалъ своей дочери, между другими нарядами, такое чело; челомъ же называлась и передняя часть кики, въ отличіе отъ высокаго кокошника [1]).

Между курганными древностями Россіи мы не находимъ головныхъ уборовъ, подобныхъ Кіевской діадемѣ, кромѣ рѣдкихъ случаевъ, когда въ видѣ отдаленнаго воспоминанія о древнемъ обычаѣ, попадаются на головахъ женскихъ остововъ вѣнчики въ видѣ тонкой пластинки изъ низкопробнаго серебра, съуживающіеся къ концамъ и снабженные крючками или петлями для связыванія назади головы. Эти пластинки встрѣчены были въ с. Ижоры, Петербургской губ., Хрипеловѣ, Корчевскаго у. Тверской губ., и дер. Вороновой, Углицкаго у. Ярославской губ. Въ Люцинскомъ могильникѣ найдены два типа женскихъ головныхъ повязокъ: одинъ имѣетъ видъ широкой тесьмы изъ бронзовыхъ спиралей, нанизанныхъ на шнуры, тесьма перехвачена поперечными пластинками (ср. Кіевскія золотыя скобочки), словомъ, форма тесьмы напоминаетъ мелкія косы, уложенныя надо лбомъ и перевязанныя лентами. Этотъ варварскій уборъ, очевидно, воспроизводитъ римскій или скорѣе византійскій типъ. Другой типъ представляетъ нѣчто въ родѣ металлическаго колпака изъ свитаго вокругъ себя жгута, котораго кольца состоятъ изъ тѣхъ же спиральныхъ трубочекъ, воспроизводящихъ естественныя формы заплетенной и закрученной косы: головные уборы этого типа находятся въ разныхъ могильникахъ западной Россіи и Литвы.

Къ историческимъ даннымъ по вопросу о происхожденіи діадемы, въ украшеніяхъ древняго міра, прибавимъ указанія средневѣковаго Востока: діадема съ кіотцами и зубчатая изображается на монетныхъ изображеніяхъ византійскихъ царицъ [2]); съ кіотцами, подѣленными жемчугомъ, на портретѣ догарессы въ мозаическомъ изображеніи положенія мощей Св. Марка въ ц. Венеціи; зубчатая на эмалевой бляшкѣ Pala d'oro, на портретѣ Зои въ медальонѣ сокровищницы (Tesoro di San Marco) венеціанской ц. св. Марка, въ миніатюрахъ Ват. Менологія [3]).

Семь кіотцевъ діадемы представляютъ иконописную композицію, извѣстную въ русской иконописи подъ именемъ *Деисуса* (δέησις). Ея составъ, наиболѣе типичный, ограниченъ Іоанномъ Предтечею и Маріею, архангелами Гавріиломъ и Михаиломъ и Апостолами Петромъ и Павломъ; распредѣленіе щитковъ, показанное на рисункѣ, согласно съ памятниками. А именно: средоточіе «моленія» образуютъ, какъ извѣстно, собственно три фигуры, т. е. Спаситель съ Іоанномъ и Маріею; для иконы, для иконописной декораціи, напр. иконостаса, этихъ фигуръ достаточно, чтобы въ умѣ молебщика было ясное представленіе Небесной Церкви, приносящей моленіе Спасу. Но въ куполѣ, гдѣ Спаситель является уже «Пантократоромъ», Вседержителемъ, Небесная Церковь воздаетъ ему хвалу, славу, и потому вокругъ средняго медальона съ образомъ Спаса является ангельскій хоръ, или четыре архангела;

туда Евреями, въ видѣ коронъ или стеммъ изъ щитковъ—кіотцевъ, см. у Racinet, Costume historique, II, Afrique pl. EJ, 3 10. Діадемы укрѣпляются на кокошникѣ.

[1]) Аристовъ, *Промышленность древней Руси*, 1866, стр. 159, прим. 493.

[2]) Ирины: Sabatier, XLI, 7, 9; Өеодоры 842—856, ibid. XLIV, 8.

[3]) Өеофано, 16 Декабря; Өеодоры—11 Февраля; Екатерины 25 Ноября, всѣ съ зубчатымъ верхомъ.

Digitized by Google

но, когда Спасъ бываетъ окруженъ Іоанномъ и Маріею, то четыре архангела являются въ барабанѣ купола сбоку этихъ представителей Церкви первородныхъ, на небесахъ, а именно: Богородица изображается на восточной сторонѣ круга, а Предтеча противъ нея на западной. Два верховныхъ апостола должны, по этому, слѣдовать за архангелами, ибо они представляютъ собою уже церковь земную, установленную при Вознесеніи на небеса Господа, явившагося во плоти и учредившаго церковь Свою до Втораго Пришествія. Вотъ почему, равнымъ образомъ, мы никогда не встрѣчаемъ въ росписи купола и барабана собственно композиціи Деисуса съ Апостолами, и даже было бы не точно называть Деисусомъ изображеніе Вседержителя съ І. Предтечею, Маріею, архангелами и Пророками.

Собственно Деисусъ или Моленіе есть композиція, принадлежащая алтарю, его сводамъ и стѣнамъ, какъ главное изображеніе земной церкви, возносящей непрестанно свои мольбы Богу черезъ своихъ верховныхъ ходатаевъ и заступниковъ. Именно въ этомъ значеніи божественнаго сліянія церкви земной и небесной и непосредственной связи земной церкви съ ея главою Христомъ, Деисусъ есть основная тема стѣнописи и иконныхъ украшеній церкви, и потому дѣлается въ эпоху установленія церковной росписи основою всякаго рода композицій, а затѣмъ главною темою иконостасовъ.

Именно Деисусъ придаетъ ряду священныхъ изображеній требуемое единство и идеальный смыслъ: то, что было бы, помимо этого единства, картиною, становится иконою, т. е. священнымъ руководителемъ молебщика въ его мысляхъ.

Главный образъ Деисуса, Іисусъ Христосъ представленъ въ темнолиловомъ [1]) гиматіи и синемъ хитонѣ, въ сандаліяхъ, съ крещатымъ нимбомъ вокругъ головы и съ Евангеліемъ въ рукахъ. Онъ благословляетъ сложеніемъ трехъ перстовъ [2]), какъ приличествуетъ Спасу Вседержителю, и смотритъ прямо предъ собою; поза выставленной слегка впередъ правой ноги, столь обычная для греческаго и византійскаго искусства, не понята рисовальщикомъ или неумѣло передана, какъ въ рисункѣ правой ноги, такъ и въ складкахъ на ея колѣнѣ. Волосы Спаса темнокаштановые, обильные, волнистые; борода полная и округлая (юпитеровская), хотя и раздвоенная по срединѣ. Словомъ, типъ Христа близокъ къ древнехристіанскому типу лицевой Псалтири и древнѣйшихъ эмалей [3]), и потому ясно отличается отъ новаго, хотя ему современнаго типа, представляемаго сицилійскими мозаиками.

Іоаннъ Предтеча стоитъ передъ Спасителемъ, слегка обернувшись и склонивъ голову; съ жестомъ моленія воздѣвая обѣ руки, онъ, однако, не смотритъ на него, какъ и Богородица, но глядитъ передъ собою, видимо, молясь внутренно, съ сокрушеніемъ. Предтеча одѣтъ въ голубой хитонъ, покрытый зигзагообразными складками (какъ и у Маріи), такъ что здѣсь рисовальщикъ копировалъ одежду, туго подпоясанную и приподнятую на чреслахъ, а потому

[1]) Цвѣта разложились: гиматій представляетъ блѣднокоричневый цвѣтъ, прежній цвѣтъ нимба сталъ не узнаваемъ; сохранилась лишь эмаль тѣла и бѣлая въ рукавахъ креста на нимбѣ безъ измѣненія; болѣе прочною оказывается красная въ клавахъ, буквахъ и коймахъ.

[2]) Объ этомъ сложеніи см. соч. наше: «Византійскія эмали А. В. Звенигородскаго».

[3]) Ibid.; ср. также типъ въ Кіево-Софійской мозаикѣ, Рус. Древ. вып. IV.

Digitized by Google

собравшуюся такими складками; уже византійскій оригиналъ имѣлъ всю ту схематичность и деревянность, какую мы здѣсь находимъ. Поверхъ хитона надѣта милоть—верхняя одежда пророка изъ верблюжьяго волоса, темнокаштановаго цвѣта, и съ бахромою по концамъ. Ликъ Предтечи, заключенный въ бирюзовый нимбъ, отличается рѣзкими аскетическими чертами, свойственными византійскому типу послѣдняго и высшаго пророка [1]). Къ сожалѣнію, работа русскаго эмальера оказалась здѣсь особенно неудовлетворительною: одинъ глазъ, т. е. кружокъ съ эмалью на лицѣ Іоанна сдвинулся, носъ скривился, эмаль во многихъ мѣстахъ выщербилась, перегородки оказываются чѣмъ то помяты и частію порваны.

Богородица представлена въ той-же позѣ, какъ и І. Предтеча, и голубой или бирюзовый хитонъ ея, какъ сказано выше, исполненъ по одинаковому рисунку. Поверхъ хитона надѣта и спускается съ головы темнолиловая фелонь. Всѣ цвѣта эмалей, кромѣ тѣлеснаго, разложились и поблекли, измѣнившись на свѣтло-пепельный и свѣтло-коричневый; только нимбъ сохранилъ мѣстами бирюзовый цвѣтъ, и рукава хитона обнаруживаютъ голубую эмаль. Все остальное помутнѣло и имѣетъ неопредѣленный рыжевато-коричневый цвѣтъ на поверхности.

Однако, отлично сохранившаяся фигурка Архангела Гавріила налѣво представляетъ намъ краски эмалей съ такою рѣзкою пестротою, такое паденіе эмальерной техники въ кіевскихъ работахъ, что ничего подобнаго мы не могли бы найти въ византійской эмали. Напр. цвѣтъ нимба Архангела имѣетъ такой яркій голубо-бирюзовый цвѣтъ, какого мы не знаемъ въ византійскихъ эмалевыхъ краскахъ; хромъ на оплечьи и лоронѣ грязнаго цвѣта и зеленоватаго оттѣнка, жемчугъ на красныхъ (кирпичнаго оттѣнка) цангахъ сдѣланъ голубымъ, а одежда индигово-синяго цвѣта. Въ рисункѣ одежды обоихъ Архангеловъ Гавріила и Михаила допущена крайняя несообразность: лоронъ въ видѣ пояса проходитъ по животу на бокъ, но не представлено, какъ онъ отсюда переброшенъ на лѣвую руку, а между тѣмъ съ лѣвой руки Гавріила и съ правой—Михаила виситъ конецъ синей одежды, которая должна, по настоящему, представлять исподъ конца лорона. Наконецъ, рисунокъ крыльевъ обезображенъ узкостью ихъ у плечъ, а Архангелы, вмѣсто обычныхъ скипетровъ, очевидно, затруднявшихъ эмальера, держатъ въ одной рукѣ сферу, а другую свободную руку молитвенно прижимаютъ къ груди, что̀, пожалуй, приличествуетъ болѣе по смыслу сценѣ Моленія.

Апостолы Петръ и Павелъ могутъ считаться наиболѣе удачными фигурами: причина этого не столько въ мастерствѣ и тщаніи эмальера, сколько въ характерности типовъ, допускающей всякаго рода вольности и неправильности, которыя не могутъ всетаки исказить типа.

Оба Апостола стоятъ въ извѣстной позѣ греческаго ритора, съ выставленною слегка ногою, но этой позѣ недостаетъ опять полноты въ рисункѣ: гиматій, хотя проходитъ спереди по тѣлу и приподнятъ, однако не переброшенъ черезъ лѣвую руку и оканчивается неизвѣстно какъ и гдѣ, не образуя необходимой складки драпировокъ поверхъ согнутаго локтя, съ ниспадающимъ концемъ. Далѣе, въ именословномъ благословеніи у Петра неправильно изображены пальцы правой руки: дѣло въ томъ, что тоже благословеніе у Апостола Павла пред-

[1]) См. о типѣ въ соч. «Византійскія эмали».

Digitized by Google

ставлено по архіерейски снаружи, или ладонью впередъ, и потому, вѣроятно, для симметрической противуположности (а можетъ быть, для того, чтобы Петру не придавать архіерейскаго благословенія), Петръ благословляетъ сложеніемъ перстовъ внутрь, къ своей груди, въ молитвенномъ жестѣ, и съ этимъ именно благословеніемъ рисовальщикъ не справился. Апостолъ Петръ держитъ свитокъ, а Павелъ—Евангеліе—также характерное различіе апостоловъ. Одѣяніе того и другаго тождественны, какъ и индиговый цвѣтъ нимба. Характеръ типовъ того и другого Апостола въ византійскомъ искусствѣ былъ нами очерченъ нѣсколько разъ и слишкомъ подробно для того, чтобы надо было повторять [1]) здѣсь тоже, что было сказано. Прибавимъ только, что эмальеру особенно удались сѣдые курчавые волосы Петра пепельнаго цвѣта и менѣе успѣшно выполненъ ликъ Павла, съ густою каштановою бородою.

Мы имѣемъ доселѣ *гривны* или золотые медальоны (такъ называемыхъ *бармъ*) въ слѣдующихъ кладахъ: 1) Кіево-Михайловскаго монастыря 1824 года: два золотыхъ медальона съ эмалевыми изображеніями Спасителя и Св. Бориса (?) извѣстны намъ только по краткому описанію и дурному рисунку; 2) Кіева, съ Большой Житомірской улицы 1880 г. съ 3 медальонами, на которыхъ финифтью изображены три лика Деисуса—подробно описываются ниже; и 3) въ знаменитомъ Рязанскомъ кладѣ, находка 1822 года, которая, благодаря своему составу, и получила даже впервые удержавшееся доселѣ названіе «Рязанскихъ бармъ».

Затѣмъ уже слѣдуютъ болѣе многочисленныя гривны серебряныя: 1) въ Черниговскомъ кладѣ 1850 г. 1 серебряный медальонъ съ крестомъ; 2) во Владимірскомъ 1865 года два медальона, полуразрушенные, одинъ съ изображеніемъ Архангела чернью и рѣзьбою; 3) въ Старо-Рязанскомъ кладѣ 1868 года три медальона съ крестами, одинъ средній большой; 4) въ той же Старой Рязани былъ найденъ въ томъ же году другой кладъ съ двумя медальонами, на одномъ рѣзьбою изображенъ Спаситель, на другомъ Богородица (быть можетъ, отъ Деисуса въ трехъ ликахъ, но Іоанна Крестителя не достаетъ); 5) изъ Спасскаго уѣзда, Казанской губерніи, мѣста Вел. Болгаръ, великолѣпная находка девяти медальоновъ съ крестами; 6) Новгородской губерніи, Старорусскаго уѣзда, деревни Сельцы, кладъ съ пятью медальонами и наконецъ 7) замѣчательное «Суздальское оплечье», изъ 6 медальоновъ и 12 бусинъ; найденное въ окрестностяхъ Суздаля, на одномъ изъ кургановъ деревни Исады и изданное [2]) графомъ А. С. Уваровымъ [3]). Изъ всѣхъ этихъ кладовъ мы подвергаемъ разбору только медальоны Новгородскіе и «Суздальское оплечье», какъ наиболѣе характерные образцы серебряныхъ бармъ, такъ какъ серебряные медальоны съ изображеніемъ Спаса и Богородицы изъ Старой Рязани и Архангела изъ Владимірскаго клада, хотя и важны по связи серебряныхъ бармъ съ золотыми, однако являются, во всякомъ случаѣ, повтореніями этого золотаго оригинала.

---

[1]) *Византійскія церкви и памятники Константинополя, Одесса,* 1886. *Византійскія эмали А. В. Звенигородскаго.*

[2]) Изъ этихъ кладовъ: 1, 2, 3 и 4 представляютъ находки *неполныя*, малозначительныя и повторенія типовъ лучшихъ и болѣе характерныхъ, а потому здѣсь *не разсматриваются;* пятый (Казанскій) почти тождественъ съ шестымъ, и потому *не описывается.*

[3]) «Древности» Моск. Арх. Общ., томъ V, 1—18.

Digitized by Google

Далѣе, ясно, что какъ по времени, а особенно мѣсту происхожденія, какъ и по матеріалу, на первомъ мѣстѣ должны быть поставлены медальоны Житомірской улицы, и послѣ нихъ уже знаменитая находка Старой Рязани или «Рязанскія бармы».

Въ Кіевскомъ кладѣ 1880 года, найденномъ на Большой Житомірской улицѣ, останавливаютъ на себѣ особенно наше вниманіе три золотыхъ медальона или три *гривны*. Онѣ сдѣланы въ видѣ слегка выпуклыхъ съ лицевой стороны и совершено плоскихъ на изнанкѣ круглыхъ щитковъ; средній медальонъ со Спасителемъ, онъ же самый большой, имѣетъ 0.072 м. въ попер., оба меньшіе боковые, 0.065 м. Каждый щитокъ имѣетъ съ краю узенькую орнаментальную каемку или рамочку иконки; рамочка составлена изъ двухъ бордюрныхъ жгутиковъ, въ которыхъ мастеръ подражалъ сканью прежнимъ овамъ. Въ этой рамочкѣ размѣщены затѣмъ четыре гнѣзда съ тремя сохранившимися стеклянными подобіями изумрудовъ и двумя камнями и четыре розетки въ видѣ вогнутой чашечки съ крутящимися лепестками и посаженною внутри жемчужиною. Въ промежуткахъ, между гнѣздами и розетками, припаяны обычные сканные разводы очень тонкой работы. Скань имитируетъ здѣсь двойные жгутики и, вмѣсто собственнаго сученія золотыхъ нитей, исполнена только въ видѣ насѣчекъ или нарубокъ по поверхности ленточекъ. Затѣмъ, внутри этой каймы, вокругъ внутренняго щитка прежде шла нитка жемчуга, для укрѣпленія которой имѣются скобочки. Внутренній щитокъ приподнятъ на 0,005 м. и представляется слегка выпуклымъ, на подобіе стекла карманныхъ часовъ. Въ большой бармицѣ этотъ щитокъ имѣетъ 0,045, въ двухъ меньшихъ—0,04 м. Щитки украшены эмалевыми изображеніями такъ наз. Деисуса. въ большомъ щиткѣ посрединѣ Спасъ, въ правомъ (отъ Спаса) Богородица, въ лѣвомъ I. Предтеча. Наконецъ каждая бармица имѣетъ наверху ушко въ формѣ бусины боченочкомъ, движущейся на шарнирѣ, но въ главной бармицѣ бусина имѣетъ поверхность изъ граней и усажена крохотными жемчужинами въ гнѣздахъ.

Эмалевыя иконки Деисуса на бармахъ Кіевскаго клада съ Б. Житомірской улицы представляютъ, внѣ сомнѣнія, чисторусскую, мѣстно-кіевскую работу и потому нуждаются въ возможно точномъ описаніи [1]). Композиція фигуръ, представленныхъ по грудь, принадлежитъ византійскому оригиналу, хотя уже не передана съ той строгостью типа, какую мы привыкли находить въ византійскихъ эмаляхъ; но всего болѣе измѣнились противъ нихъ краски, ихъ химическій составъ и блескъ, ихъ прочность и прозрачность.

Спаситель представленъ, на первый взглядъ, какъ будто стоящимъ—какъ по низу фигуры отъ груди—согласно обычной композиціи Деисуса кажется въ византійскомъ искусствѣ; голова и вся фигура повернуты слегка слѣва направо, какъ бы обращаясь къ Матери, которой заступничество является, такимъ образомъ, преимущественно угоднымъ. Десница Спаса благословляетъ передъ грудью сложеніемъ трехъ перстовъ, не именословнымъ, но греческимъ, съ поднятіемъ двухъ: указательнаго и большого. Лѣвая рука придерживаетъ Евангеліе съ боку,

[1]) Тѣмъ болѣе, что снимки, представляемые табл. I, II, не такъ удовлетворительны, какъ всѣ прочіе, со стороны красокъ въ особенности: здѣсь не переданы вовсе цвѣта одеждъ, измѣненъ цвѣтъ волосъ, лица, тѣла вообще, не выраженъ разнообразный альяжъ золота въ щиткахъ и пр.

Digitized by Google

а не снизу, какъ было бы при изображеніи Спасителя стоящимъ, и потому надо думать, что рисовальщикъ предполагалъ изображеніе Спаса на престолѣ съ предстоящими, стало быть, уже поклоненіе Спасу Великому Архіерею. Гиматій синяго цвѣта, окутывающій лѣвое плечо, появляется только краемъ на правомъ и затѣмъ, пройдя за рукою, снизу подъ нею проведенъ по тѣлу и переброшенъ концомъ на лѣвую руку. Здѣсь въ рисункѣ явныя ошибки по изображенію одежды: такъ и хитонъ не имѣетъ рукавовъ, а латиклавій проведенъ въ видѣ каймы,—какъ разъ ошибки, нами наблюдаемыя на русскихъ эмалевыхъ издѣліяхъ оклада Мстиславова Евангелія. Далѣе, рисовальщикъ окаймилъ краснымъ обрѣзомъ кодексъ Евангелія съ лѣвой стороны, тогда какъ никто не держитъ книги обрѣзомъ впередъ, а корешкомъ назадъ и на всѣхъ изображеніяхъ Спасителя, держащаго Евангеліе (а такимъ изображеніямъ нѣсть числа) всегда именно такъ и бываетъ. Ликъ Христа сохранилъ византійскій типъ, длинный овалъ, волнистые, длинные волосы, маленькую, раздвоенную бородку, большіе глаза и длинный прямой носъ; волосы коричнево-лиловаго оттѣнка. Но зеленый хитонъ уже не бирюзоваго оттѣнка, а мышьяковаго, нимбъ не голубой, а синій и одного цвѣта съ гиматіемъ, который въ византійскихъ эмаляхъ бываетъ темно-лиловымъ. Надпись IC. XC. нацарапана небрежно, и бывшая въ ней красная эмаль выпала. Всѣ цвѣта въ фигурѣ разложились и поблекли, края оторвались, и въ общемъ фигура наиболѣе пострадала.

Образъ Богоматери выполненъ болѣе тщательно и лучше сохранился. Въ немъ можно прослѣдить съ большею ясностью, что именно затрудняло русскаго эмальера въ его естественномъ стремленіи приблизиться къ оригиналу настолько, чтобы не было видно русской работы, а вся вещь казалась бы греческою. Здѣсь краски частью тѣже: синяя пенула, зеленый хитонъ, но нимбъ голубо-бирюзоваго, нѣжнаго цвѣта; повидимому, эмалевые порошки этихъ красокъ происходятъ изъ Греціи, и только этимъ можно объяснить себѣ отличный тѣлесный цвѣтъ, столь нѣжный, что напоминаетъ только византійскія работы. Но тутъ же рядомъ русскаго мастера выдаетъ рисунокъ фигуры и особенно рукъ: онѣ уродливо тонки, малы, пальцы переданы съ крайнимъ преувеличеніемъ, всѣ ленточки порваны, а кругомъ лѣвой руки красная кайма очень толста; рисунокъ лица грубый. Еще болѣе выдаетъ того-же мастера драпировка пенулы, на груди окончательно спутанная: какія то продольныя полосы идутъ къ правой рукѣ, а отъ нихъ поперечныя обшивки. Надпись МН ѲҮ, вмѣсто обычнаго сокращенія МНР.

Гораздо лучше, по краскамъ и сохранности, а также по характеристикѣ лика, медальонъ I. Предтечи. Мы видимъ здѣсь собственно лучшій византійскій типъ: черные, какъ смоль, косматые волосы, свалявшіеся и торчащіе въ разные стороны, спускаются по плечамъ; черная борода тоже свалялась клочьями и виситъ отдѣльными прядями, длинный овалъ, съ большими глазами, наполненъ эмалью превосходнаго цвѣта, съ нѣжнымъ оливковымъ оттѣнкомъ, отлично идущимъ къ лику отшельника, живущаго на жаркомъ югѣ одною жизнью съ природою. Но на фелони все-таки перепутаны красныя клавы, перетянутыя здѣсь въ четырехъ мѣстахъ и, на нашъ взглядъ, не объяснимыя, хотя зигзагъ клавы на лѣвой рукѣ и скопированъ съ византійскаго оригинала довольно близко.

Digitized by Google

Наконецъ, принадлежностью бармъ, которыя могли быть составлены даже изъ этихъ трехъ медальоновъ, являются три раздѣлявшія ихъ на шнурѣ бусины изъ золота, сохраненныя кладомъ. Онѣ являются въ формѣ боченочковъ, но исполненныхъ ажурными рѣшотками вокругъ срединной трубочки, служившей для нанизыванія, и имѣютъ 0,035 метр. длины. Фактура арочекъ, которыми раздѣланы рѣшеточки, и средняго ажурнаго пояска, чрезвычайно характерна для XII вѣка, какъ и манера насѣчекъ, вмѣсто скани.

Такъ называемое «суздальское оплечье» найдено было въ боку кургана въ сел. Исадъ Суздальскаго уѣзда; вещи лежали въ кучѣ, едва прикрытыя землею, и видимо, въ торопяхъ, безъ всякаго порядка, всунуты въ могильную насыпь, съ боку ея, стало быть, скрыты на время подъ землею въ тревожную пору. Кладъ состоитъ изъ шести серебряныхъ медальоновъ [1]), украшенныхъ крестами (кромѣ одного), по способу рѣзьбы, наведенныхъ чернью и позолоченныхъ и 12 серебряныхъ, также позолоченныхъ, бусъ большаго размѣра (по 2 зол. вѣсомъ каждая) и имѣющихъ обычный видъ боченочковъ съ зернью и выпуклыми подобіями камней, но двѣ бусины имѣютъ иной типъ желудей, набранныхъ по средней перепояскѣ зернью и затѣмъ обтянутыхъ нитями. Графъ А. С. Уваровъ, соединяя всѣ эти предметы въ одно ожерелье, составляетъ его изъ всѣхъ шести медальоновъ, при чемъ выходитъ, что два большіе медальона (0,95 и 0,91 м.) помѣщаются одинъ на груди, а другой на спинѣ—случай почти немыслимый въ украшеніяхъ. Между тѣмъ, весьма возможно, что въ кладѣ сохранено два ожерелья, каждое съ большимъ медальономъ и двумя малыми, изъ которыхъ одна пара имѣетъ размѣры побольше: 0,71 м., а другая поменьше: 0,58 м.

При такомъ предположеніи единственное обстоятельство, служащее помѣхою, получаетъ особое значеніе. А именно: указанная пара малыхъ медальоновъ не дружки, на одномъ изображенъ крестъ, на другомъ—мученикъ; въ данномъ случаѣ, очевидно, образъ выбранъ не даромъ, т. е. или это есть образъ святаго патрона для владѣльца ожерелья, или онъ приложенъ, какъ особый покровитель. Мы полагаемъ, вслѣдъ за Оленинымъ и Снегиревымъ, что здѣсь (какъ и на Мстиславовомъ евангеліи) [2]) изображенъ Св. Борисъ или Глѣбъ, трудно сказать, который изъ двухъ [3]).

Въ Новгородской губерніи, Старорусскомъ уѣздѣ, близь дер. Сельцы, въ 1892 году найденъ былъ кладъ серебряныхъ вещей, нынѣ хранящійся въ Новгородскомъ Музеѣ [4]). Въ кладѣ теперь оказался только одинъ кусокъ серебрянаго Новгородскаго рубля (такъ называемой гривны), но количество найденныхъ предметовъ осталось неизвѣстнымъ. Предметы относятся къ разряду убора, притомъ мужескаго и женскаго. Такъ напримѣръ имѣется пара

---

[1]) Графъ А. С. Уваровъ предлагаетъ называть эти медальоны въ отдѣльности *дробницами*, но такъ назывались лишь *мелкія* бляшки, нашивныя на одеждахъ, согласно съ этимологіею слова, или также крохотныя пластинки, пуговки и пр., набивавшіяся на доскахъ, иконахъ, металлахъ и пр.

[2]) См. мое соч. «Византійскія эмали».

[3]) Графъ А. С. Уваровъ опровергаетъ это давно высказанное соображеніе деталями типовъ Бориса и Глѣба, но детальность иконописныхъ типовъ въ эмаляхъ и тѣльникахъ мастерами вообще не преслѣдовалась.

[4]) См. *Краткое описаніе Новгородскаго Музея*, составленное В. Ласковскимъ и Н. Лашковымъ, Новгородъ, 1893, стр. 56 съ рис. Фотографіи сдѣланы Имп. Арх. Коммиссіею.

Digitized by Google

серегъ, изъ серебра, весьма любопытнаго типа, а именно, на мѣсто обычнаго утолщенія сережнаго кольца въ срединѣ, она раздѣлана здѣсь въ видѣ трехъ переплетенныхъ жгутовъ, которые и сами искусно сплетены изъ проволоки: превосходная работа, тонкое оплетеніе жгутовъ филиграневыми нитями дѣлаютъ изъ этой вещицы прекрасный образецъ техники, ясно свидѣтельствующей, что и въ XII—XIII вѣкахъ она и на сѣверѣ Россіи стояла на высокой степени развитія. Далѣе: кладъ состоитъ изъ пяти большихъ медальоновъ—гривенъ или такъ называемыхъ бармъ, съ дужками въ видѣ бусинокъ или боченочковъ; эти пять медальоновъ раздѣлялись на шнурѣ (четырьмя сохранившимися) бусинами (0,04 м.), обычно насѣченными зигзагомъ. Медальоны большаго размѣра, а именно средній: 0,08 м. и боковые: 0,07 м., совершенно круглы, биты изъ тонкаго листа серебра и по обычаю слабо вызолочены; припаянная и приплюснутая проволока дѣлитъ медальонъ на внутренній щитокъ, украшенный крестомъ, и два бордюра, украшенные или простѣйшими орнаментами насѣчкою, волнообразными, зигзагами, черточками и пр., или же подобіями жемчужинъ. Кресты въ осложненной формѣ процвѣтшаго креста съ лилейнымъ концомъ внизу и двумя аканѳовыми побѣгами по сторонамъ, исполнены рѣзцомъ, гравюрою; фонъ насѣченъ рубчатымъ рисункомъ.

Еще любопытнѣе въ кладѣ нагрудное (видимо, женское) украшеніе, состоящее изъ 18 цѣпочекъ изъ серебряныхъ, на двое перегнутыхъ колечекъ; цѣпочки расположены рѣшеточкою, и въ перекрестьяхъ помѣщается рядами по одному плоскому шарику (или буклю). Такихъ шариковъ въ четырехъ рядахъ имѣется 34 штуки; ниже шарики имѣютъ крестообразную форму въ одинъ рядъ—ихъ также девять, а еще ниже къ цѣпочкамъ подвѣшены по восьми меньшихъ шариковъ, въ родѣ крохотныхъ ампуллъ и дутыхъ листиковъ. Вся эта сѣтка должна была украшать грудь [1]), но на чемъ укрѣплялись верхнія колечки, теперь не видно: всего вѣроятнѣе, что сѣтка была вверху пришита къ платью или носилась на шнурѣ, проволокѣ, продѣтомъ подъ сукномъ по борту верхней одежды. Любопытно, что вся сѣтка образуетъ четыреугольникъ или даже квадратъ (0,17 и 0,15 м.), стало быть имитируетъ древній византійскій тавліонъ, вышитый или покрытый нитями жемчуга, какъ у знатныхъ персонъ Имперіи. Вся работа очень тонкая, мелкая и искусная: каждый шарикъ украшенъ по ободочку и посреди сканными кружочками и ячейками, а промежь нихъ отверстіями. Шарики въ родѣ ампуллъ напоминаютъ калачики древнихъ украшеній, а всѣ вообще балаболки представляютъ, конечно, декоративныя имитаціи амулетовъ и талисмановъ, энкольпій, ладонокъ, наузовъ и пр. Разбираться въ кладахъ крайне трудно, по причинѣ ихъ случайнаго, чаще хаотическаго состава: вещи порваны, разрознены, неполны или даже отрывочны и пр. Такъ напримѣръ, мы крайне затруднились бы распредѣлить девять бармъ Казанской губерніи (выше № 6) или опредѣлить пять медальоновъ Новгородской губерніи (повидимому, одно ожерелье). Въ послѣднемъ кладѣ сохранилось только четыре бусины, число слишкомъ малое для оже-

[1]) См. нагрудныя colliers, изъ Болгаріи, серебряные, изд. Racinet, Le costume historique, vol. VI pl. Av., Orient, fig. 5, 21, подъ турецкимъ названіемъ guerdanlik, въ которыхъ самыя подвѣски или балаболки частью того же рисунка.

Digitized by Google

релья, но и при девяти бармицахъ Казанскихъ имѣется тоже число бусъ. Медальоны Казанскіе почти всѣ одного размѣра, а Новгородскіе весьма мало разнятся величиною: изъ нихъ предполагаемый средній 0,08 м., тогда какъ боковые имѣютъ 0,07 м. Затѣмъ повторяется почти цѣликомъ вся техника и фактура Суздальскихъ бармъ, т. е. медальоны сдѣланы совершенно круглыми, изъ тонкаго листа, съ напаянными пуговками и бордюрами, и слабо вызолочены съ лицевой стороны. На тѣхъ и другихъ выполнены рѣзьбою и насѣчкою, но не чернью, кресты процвѣтшіе въ извѣстной схемѣ съ аканѳовыми разводами, и вокругъ иногда насѣчки зигзагомъ, черточками и пр. Во всякомъ случаѣ, со стороны художественной Суздальскія бармы остаются такимъ же образцомъ, какъ Рязанскія среди золотыхъ. А именно, здѣсь мы находимъ замѣчательно декоративные кресты, также чисто сохраненную византійскую орнаментику, и вообще типъ Суздальскихъ бармъ наиболѣе приближается къ эмалевымъ рисункамъ на золотѣ [1]). Не останавливаясь, затѣмъ, на вопросахъ формы и фактуры въ серебряныхъ бармахъ, перейдемъ къ существу вопроса о томъ, какого рода и значенія предметы мы въ этихъ древностяхъ имѣемъ.

Извѣстно, что первое опредѣленіе подобнаго рода предметамъ дано по случаю Рязанскаго клада 1822 года, который принято было называть *бармами,* по догадкѣ Оленина и Калайдовича, повторенной Снегиревымъ. Предметы, коротко говоря, были отнесены къ числу церемоніальныхъ великокняжескихъ украшеній, которыя подъ именемъ «святыхъ бармъ—еже есть діадима» были извѣстны древней Руси, а подъ этимъ именемъ впервые упомянуты въ грамотѣ Ивана Даниловича Калиты (1328 года). Правда, и дошедшія до насъ такъ называемыя «святыя бармы Владиміра Мономаха», и всѣ извѣстія [2]) указываютъ, съ безповоротною точностью, что великокняжескія бармы всегда были матерчатымъ оплечьемъ, но это препятствіе къ сближенію двухъ формъ полагали возможнымъ обойти путемъ гипотезы, что металлическое ожерелье было только болѣе раннею формою, а въ новѣйшее время графъ А. С. Уваровъ предложилъ [3]) догадку, что металлическія ожерелья, не только Суздальскаго, но Рязанскаго и Владимірскаго кладовъ (въ то время единственно заключавшихъ въ себѣ такъ называемыя бармы), нашивались, «въ томъ порядкѣ, въ какомъ изображены на рисункѣ, на особый воротникъ или оплечье изъ дорогой парчи. Различное число дробницъ въ каждомъ кладѣ (въ Суздальскомъ шесть, въ Рязанскомъ тринадцать, во Владимірскомъ шесть?), да сверхъ того кресты металлическіе и яшмовые, найденные вмѣстѣ съ Рязанскими и Владимірскими дробницами, доказываетъ, что настоящая форма этого украшенія еще не была окончательно установлена». Принять эту догадку не возможно. Всѣ вновь найденныя ожерелья изъ метал-

---

[1]) Мы воспользуемся представившимся здѣсь случаемъ, чтобы выразить догадку, что самая чернь появилась въ вещахъ по случаю близости своего тона, или синяго оттѣнка, къ древнѣйшимъ эмалевымъ фонамъ изумруднаго цвѣта, о которыхъ мы говорили особенно подробно въ соч. «Исторія и памятники Византійской эмали»; passim. Сопоставляя данныя хронологическія, получимъ и для той и другой техники IX вѣкъ—начало арабскихъ издѣлій и ихъ распространенія по Сѣверной Европѣ; и изумрудная эмаль, и чернь обѣ должны быть персидскаго происхожденія.

[2]) Саввантова, *Описаніе старинныхъ царскихъ утварей*, стр. 496, сл. *ожерелье.*

[3]) *Суздальское оплечье,* стр. 17.

Digitized by Google

лическихъ бляхъ и прежде извѣстныя носились, очевидно, сами по себѣ, никогда не нашивались на какія бы то ни было оплечья, и такое ихъ устройство и способъ ношенія ясно указывается дужками у каждой бляхи въ видѣ прорѣзнаго шарика, и находимыми при ожерельяхъ бусинами, которыя имѣли цѣлью разобщать между собою медальоны и удерживать ихъ на шнурѣ въ числѣ трехъ или пяти на груди и, быть можетъ, даже на спинѣ.

Матерчатыя оплечья [1]), бармы или «діадимы», появились къ намъ изъ Византіи, и, по вѣрной догадкѣ графа А. С. Уварова, уже сравнительно въ позднюю эпоху, т. е. не ранѣе XIV вѣка, и упоминаются въ старыхъ духовныхъ подъ именемъ «пристежнаго» ожерелья, «саженаго» на четыре пуговицы жемчужныя (κόμβοι у маніаковъ); ожерелья имѣлись у рубашекъ, зипуновъ, а также у священныхъ ризъ и стихарей. Когда именно появились эти оплечья въ Греціи, въ IX ли вѣкѣ, какъ полагаетъ графъ А. С. Уваровъ, пока подлежитъ разбору, и намъ было бы излишне входить въ разсмотрѣніе этого вопроса, въ высшей степени интереснаго, но мало, только со стороны, касающагося нашихъ украшеній, благодаря тому смѣшенію предметовъ, которое доселѣ допускалось. Мы только хотимъ замѣтить одно существенное обстоятельство, что матерчатое оплечье, перешедшее изъ Персіи въ Византію [2]) на родинѣ своей было принадлежностью военной формы, и встрѣчается на персидскихъ воинахъ въ изображеніяхъ битвъ, въ Византіи же стало деталью штатскаго облаченія, повидимому, придворнаго. Украшенія такихъ оплечій, сохраненныя намъ памятниками живописи, монетами и т. д., состоятъ изъ шитыхъ жемчужныхъ полосъ и круговъ, обычныхъ разводовъ и орнаментовъ, даже фигурныхъ, какъ на всякихъ шелковыхъ, парчевыхъ и золотыхъ тканяхъ, или изъ драгоцѣнныхъ камней, саженыхъ рядами, но опять-таки не имѣютъ ничего общаго съ металлическими подвѣсками, о которыхъ подъ именемъ бармъ мы теперь разсуждаемъ. Невѣрно также и то, что византійскія оплечья-маніаки были достояніемъ только императорской фамиліи: указываемые нами списки одеждъ, снабженныхъ маніаками, для чиновъ двора, правда, высокихъ, это опровергаютъ. А потому и у насъ бармы не были, видимо, выше общаго княжескаго достоинства, къ какому на первыхъ порахъ были вообще причислены Византіею варварскіе владѣтельные князья, подымавшіеся императорами, сообразно политикѣ, значенію для имперіи, изъ достоинства патриціевъ въ достоинство нобилей, нобилиссимовъ, кесарей и, наконецъ, королей. Мы не знали даже самаго происхожденія слова «барма» [3]), а по-

[1]) Укажемъ ясныя слова лѣтописи, *Полное Собраніе*, I, 113: «аще и золотомъ шито оплечье будетъ, убій». Оплечье—superhumerale, видъ палліума, epaulières съ изображеніями; scapulae ex utraque parte in modum scuti rotundi, т. е. тѣ же бармы, но епископскія.

[2]) Независимо отъ матерчатыхъ оплечій, у варваровъ южной Европы въ эпоху переселенія народовъ были въ употребленіи и оплечья изъ тонкихъ и гибкихъ металлическихъ листовъ, богато украшенныхъ и очевидно составлявшихъ высшій знакъ отличія воинскаго. Таково золотое оплечье, найденное въ Венгріи и хранящееся въ Пештскомъ музеѣ, имѣющее въ длину поларшина и бывшее прежде сплошь украшеннымъ гранатами въ видѣ простѣйшей геометрической выкладки, какъ въ Чулецкомъ кладѣ. Далѣе, такой же золотой маніакъ съ ажурнымъ бордюромъ, набраннымъ гранатами, стекломъ, ляписъ-лазули въ извѣстномъ кладѣ изъ Петроссы въ Бухарестѣ. Подобный найденъ въ окрестностяхъ Эски-Загры въ Болгаріи.

[3]) Отъ персидскаго *берме* (?), по Далю—древнее *обрамье* (?) *обраменье*, отъ *рамо* (?), по Прозоровскому—отъ *порамница*, древне-областное: *барама*, брама; ряз. *барама*—оплечье архіерейской ризы, смл. *барма*—риза священника, *бармица*—отложное ожерелье, зерцало, броня; *брамы* въ Кіевской и Черниговъ. губ.—деревянныя ворота.

Digitized by Google

тому и не имѣли возможности сказать, было ли это оплечье усвоено нами отъ Византіи въ XIV вѣкѣ, или же оно существовало ранѣе, какъ натуральная форма древневарварскаго (восточнаго, персидскаго, по преимуществу) военнаго костюма, только въ самой Византіи уже приспособленное къ извѣстному мундиру варварскихъ военачальниковъ, а потому и вошедшее въ отдѣлъ отличій, жалуемыхъ императоромъ начальникамъ дружинъ и союзнымъ князьямъ. Правда, мы не знаемъ доселѣ въ византійскихъ древностяхъ образца подобнаго нашимъ металлическимъ гривнамъ (медальонамъ), но и того уже указанія, что древнѣйшія изъ нихъ, кіевскаго происхожденія, носятъ спеціальный византійскій характеръ, достаточно для нашего руководства въ отысканіи источниковъ этого образца.

Если тождество русской *гривны* въ видѣ обруча съ византійскимъ *маніакомъ* не подлежитъ сомнѣнію, то этимъ обстоятельствомъ еще не пользовались для объясненія исторической роли русскаго украшенія. По обыкновенію, византійская древность является и въ этомъ вопросѣ первоисточникомъ и въ то же время столь глубоко скрытымъ, что всѣ попытки имъ пользоваться послужили пока только къ первому помутнѣнію вопроса. По древнимъ словарямъ и глоссамъ (собраннымъ у Дюканжа) μανίαξ (или μανιάκης, μανιάκι), чаще всего μανιάκιον, есть то же, что torques, tortile, circulus, соотвѣтствуетъ тому, что называлось στρεπτὸν или даже στρεπτοὶ μανιάκεις (т. е. свитые изъ дротовъ и проволоки, скрученные обручи [1]). Единственный эпитетъ, который прилагается къ самому маніаку у византійцевъ, есть τιμία, т. е. почетный маніакъ, всѣ другія опредѣленія и эпитеты касаются уже технической стороны.

Далѣе, извѣстно, что маніакъ уже для самихъ византійцевъ былъ своего рода стариною, такъ какъ былъ заимствованъ ими у персовъ, у которыхъ былъ неизмѣннымъ украшеніемъ воина (повсюду на барельефахъ Персеполя на мозаикѣ, изображающей побѣду Александра надъ персами и пр.) и отъ которыхъ (по всей вѣроятности) перешелъ къ варварамъ Европы. Но такъ какъ у тѣхъ же персовъ были въ употребленіи не только витые обручи, какъ украшенія шеи,

---

А. Оленинъ, *Рязанскія древности*, Спб. 1831, стр. 18—20, предлагая имя вещамъ бармы, доказываетъ, что происходитъ не отъ неизв. βάρημα, но, быть можетъ, отъ παρμαι—малые щиты, упоминаемые у Полибія VI, 20 (прибавимъ: у Іоанна Лидійскаго, ed. Bonn. 129, 11), персид. *пермунъ, пейраменъ*, украшеніе, кругъ, *бермъ*—стража, защита. Д. Ѳ. Бѣляевъ во II книгѣ своихъ Byzantina: *Ежедневные и воскресные пріемы византійскихъ царей и праздничные выходы ихъ въ храмъ Св. Софіи въ IX—X вѣкѣ*. Спб. 1893, на стр. 213—215, во-первыхъ, выводитъ оплечье изъ той части византійскаго лора, которая обвивала шею и перекрещивалась на груди,—выводъ, съ которымъ можно согласиться съ тою оговоркою, что, конечно, авторъ этого почтеннаго труда допускалъ и самостоятельное происхожденіе оплечья отъ военныхъ накидныхъ или пристяжныхъ воротниковъ, ставшихъ нѣкогда инсигніями высшихъ военныхъ чиновъ; и во-вторыхъ, попутно, касается съ большими данными въ рукахъ вопроса о бармахъ. Изъ этихъ данныхъ видно, что слово бармы въ древнегерманскихъ языкахъ было очень употребительно, въ готскомъ оно значило «лоно», «грудь», «пазуха», въ др. сакс. въ сложеніяхъ—«подолъ», «передникъ», и что, черезъ посредство евангельскаго текста (Луки VI, 38, XVI, 22 и пр.), слово это переходило съ тѣмъ же значеніемъ въ финское и эстонское нарѣчіе. Во всякомъ случаѣ очевидно, что это слово было крайне распространено и имѣло значеніе широкаго въ размѣрѣ человѣческой груди, полотнища, щита, нагрудника, подола, передника, оплечья, наконецъ, цѣлой брони, даже широкихъ воротъ и т. д., но нигдѣ въ значеніи слова мы не видимъ и тѣни указанія на мелкіе предметы, въ родѣ бляхъ, подвѣсныхъ медалей, брактеатовъ или панагій и т. п. Обстоятельство капитальной важности для насъ, ищущихъ доказать, что названіе бармы, даваемое нагруднымъ гривнамъ или медальонамъ, есть не болѣе, какъ плодъ недоразумѣнія, созданнаго наскоро при находкѣ рязанскихъ древностей и утвердившагося въ русскихъ древностяхъ.

[1]) Кромѣ приводимыхъ у Дюканжа и др. глоссъ, укажемъ на греческое толкованіе слова torques въ названіи легіона *torquati*: τουρκουάτοι, στρεπτοφόροι. οἱ τοὺς μανιάκας φοροῦντες. Ioannis Lydi *De magistratibus*, ed Bon. pag. 157.

Digitized by Google

но и богатыя *оплечья* на одеждахъ, то уже извѣстный Линасъ (Orfèvrerie cloisonnée, I, стр. 212, 293) предположилъ, что византійцы, кромѣ обруча, усвоили себѣ эти оплечья, какъ преимущественный видъ шейнаго украшенія, и что именно этотъ видъ получилъ у нихъ названіе маніака. Такимъ образомъ, и въ русской археологіи позднѣйшія *бармы*—шитыя и украшенныя медальонами оплечья—отождествили съ византійскимъ маніакомъ, хотя онѣ никогда такъ не назывались, а напротивъ, отъ грековъ же получили позднѣе названіе «діадимы».

Въ позднегреческихъ глоссахъ, однако, продолжали опредѣлять маніакъ разными выраженіями, въ смыслѣ «витаго обруча» или даже шейнаго украшенія вообще, ожерелья, какъ напр. ὁρμίσκος, μηνίσκος, κλοιός, monile—монисто, обручъ, при чемъ, однако, всѣ эти выраженія, явно, не разумѣли нашего «воротника» стоячаго или отложнаго, который въ старой Руси назывался тоже ожерельемъ «отложнымъ», «пристежнымъ» и пр., изъ которыхъ именно отложное и составляло діадиму или бармы. Правда, одна глосса объясняетъ маніакъ словами: περιτραχήλιος κόσμος, но это книжное опредѣленіе ничего ясно не говоритъ, какъ и подобное ему περιαυχένιος κόσμος, прилагаемое къ объясненію слова κλοιός, тогда какъ это послѣднее всегда значило: «ожерелье металлическое».

Единственное мѣсто, которое, оставаясь по существу темнымъ, можетъ быть, однако, истолковано въ пользу предположенія Линаса, что «маніакъ» значило у византійцевъ «шитое оплечье», находится въ «Придворномъ уставѣ» Константина: а именно въ перечнѣ облаченій, заготовляемыхъ для императорскихъ путешествій, упоминаются (стр. 473) ἱμάτια μανιακάτα, κολόβια μανιακάτα, и хотя мы не знаемъ точно, что же значитъ этотъ эпитетъ, но единственное объясненіе, данное у Рейске (aureis torquibus assutis instructa), основывается на предположеніи исторической связи между «витыми обручами» и отложными воротниками, какъ шейными уборами вообще. Полагали и здѣсь то общее правило, что первоначальный металлическій уборъ превращался въ шитый позументъ, въ золотую мишуру.

Напротивъ того, внимательное разсмотрѣніе древнѣйшихъ свидѣтельствъ «Придворнаго Устава», который собранъ изъ разновременныхъ текстовъ, убѣждаетъ, что маніакъ былъ прежній torques, металлическій уборъ, наша гривна. Такъ и Θеофанъ упоминаетъ «золотой маніакъ» царя Арефы, а въ житіи Θ. Сикеота (у Дюканжа) маніакій оцѣнивается по вѣсу золота. У Константина эпитетъ «золотой» тоже постоянно прилагается къ маніаку, но тотъ же эпитетъ встрѣчается постоянно и при названіяхъ одеждъ или ихъ частей, украшенныхъ золотымъ позументомъ, шитьемъ и пр. Однако, въ перечнѣ церемоніальной «утвари» въ молельнѣ Св. Θеодора, что въ золотомъ триклиніи Большаго Дворца (II, 40, стр. 640), упоминаются для протоспаѳаріевъ «золотые маніаки», а для кандидатовъ «золотые» и «серебряные позолоченные» (α. ὁλόχρυσα καὶ ἀργυρᾶ διάχρυσα), что, вѣроятно, указываетъ на металлическіе предметы.

Дѣло въ томъ, какъ видно изъ цѣлаго ряда свидѣтельствъ того же «Устава» [1]), что маніакъ—гривна былъ издревле въ Византіи praemium virtutis, общимъ знакомъ военнаго

[1]) Кн. I, Гл. 10, стр. 81; I, 27, стр. 148; I, 60, 275; I, 64, 286; I, 68, 302.

Digitized by Google

отличья, затѣмъ почетнымъ знакомъ высшей гвардіи, приближенныхъ тѣлохранителей, судя по ихъ изображеніямъ на памятникахъ IV—VI столѣтій. Именно въ этомъ значеніи torques долгое время служилъ эмблемою «императора», т. е. полководца, когда его провозглашали въ преторіанскомъ лагерѣ, или же въ ипподромѣ воины гвардіи; тогда «кампидукторъ» надѣвалъ на голову «императора» маніакъ, чаще всего свой собственный, какъ о томъ разсказывается въ современныхъ хроникахъ или даже позднѣйшихъ записяхъ о вѣнчаніи на царство Льва, Анастасія и Юстина [2]), при чемъ металлическая гривна указывается въ этомъ знакѣ уже тѣмъ напр., что она легко снималась и надѣвалась, «бралась въ правую руку» (какъ стефаносъ или вѣнецъ—обручъ «по древнему типу» у того же Константина) и т. д.

Росписи мундировъ въ «Уставѣ» указываютъ много разъ, что золотые маніаки были почетнымъ знакомъ (βραβεῖον) чина (ἀξιά) спаѳаріевъ и спаѳаро-кандидатовъ, притомъ одинаково (вѣроятно, уже въ позднѣйшее время такъ стало) и евнуховъ и бородатыхъ (т. е. варваровъ). По указаніямъ магистра Петра [3]), церемонія производства въ эти чины сопровождается именно тѣмъ, что магистръ беретъ «въ обѣ руки» золотой маніакъ (стало быть воротникъ?) и подноситъ его царю, а тотъ уже даетъ новому чину. Протоспаѳаріямъ, по тому же уставу, знакомъ служилъ ошейникъ—κλοιός [4]), также золотой, также украшенный драгоцѣнными камнями, можетъ быть, однако, бывшій ранѣе эмблемою невольника, плѣннаго варвара, тогда какъ маніакъ—отличіе наемника. Но затѣмъ, на большіе выходы, пріемы пословъ и пр., вмѣстѣ съ общимъ повышеніемъ всѣхъ чиновъ на одну степень, на одинъ день, и протоспаѳаріи также получаютъ золотые маніаки, и дворцовые катепанъ и контоставлъ (ib. p. 584).

При этомъ говорится, что маніаки кандидатовъ спускались на грудь [5]), были осыпаны жемчугомъ (κεχαλασμένον), а въ другомъ случаѣ украшены гіацинтами (ἐκ περιλεύκιος—по догадкѣ того же Рейске) или снабжены тремя комбами (μ. τρίκομβον). Это именно мѣсто, какъ оно ни темно, даже для самаго Рейске, даетъ ключъ къ разрѣшенію запутаннаго дѣла. Маніакъ, спускающійся до сосцовъ, не можетъ быть металлическою гривною, но былъ или шитымъ оплечьемъ, что наиболѣе вѣроятно, или тонкимъ оплечьемъ металлическимъ, какъ въ Египтѣ, Персіи, у варварскихъ вождей въ эпоху переселенія народовъ. Выраженіе τρίκομβον должно значить *трехпетельный*, три раза застежной, такъ какъ κόμβος значитъ *узелъ*, *петля*, *связь*, *фибула*, *застежка:* у широкаго и тяжелаго оплечья было недостаточно одной застежки у горла,

---

[1]) Напр. на извѣстномъ серебряномъ дискѣ—блюдѣ 394 года, съ изображеніемъ Ѳеодосія, Аркадія и Гонорія; на мозаикѣ, изображающей Юстиніана въ Равеннѣ, на пьедесталѣ Ѳеодосія Младшаго въ Константинополѣ и пр. и пр. Должно, однако, замѣтить, что маніаки въ этихъ изображеніяхъ не всегда витыя гривны, но иногда (на дискѣ) имѣютъ видъ двойныхъ металлическихъ коймъ оплечья у шеи, съ аграфомъ посреди, въ родѣ золотаго равеннскаго украшенія, относимаго къ готѳамъ, и большаго золотаго оплечья со вставными гранатами, хранимаго въ Музеѣ Букарешта, вмѣстѣ съ драгоцѣнными древностями клада Петроссы. Но этотъ типъ металлическихъ оплечій требуетъ особаго разсмотрѣнія.

[2]) Ibidem, I, c. 91, pag. 411; I, 92, 423; I, 93, 429.

[3]) Ibidem, I, 86, p. 392.

[4]) Ibid. II, 52, pag. 708—9. Κλοιός—collare, torques vincitorum; ср. позднѣйшія: *boge*, *buia*, *buie*, см. словари греч. и лат. Дюканжа v. *boia*.

[5]) μέχρι τέρνων (?), по догадкѣ Рейске, Comment. pag. 828.

Digitized by Google

а именно такое, усаженное сплошь жемчугомъ (ἠμφιεσμένον) и камнями, было почетнымъ. По свидѣтельству «Устава», царь «самъ *застегиваетъ* маніакъ на шеѣ» производимаго въ чинъ протоспаѳарія [1]). Таковы почти всѣ [2]) тексты о маніакѣ, ставшіе доселѣ извѣстными.

Что касается бармъ, то мы пришли къ окончательному убѣжденію, что... ларчикъ открывался очень просто, самъ собою. Слово *барма* происходитъ отъ сокращенія слова *багрома*, а это слово, которымъ называлась пурпурная тесьма, плетенка, вязанка съ мохрами, висячими прядками, обязательно по краю одежды, борту, подолу, вороту, въ свою очередь происходитъ отъ *багоръ*, *багровый*, *багряный*. Въ извѣстной повѣсти о присылкѣ къ Владиміру Мономаху Константиномъ Мономахомъ Царскихъ утварей, отъ 1551 года, написанной при изображеніяхъ на дверяхъ царскаго мѣста въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, сказано, что Константинъ повелѣваетъ принести «ожереліи, сирѣчь святыя *багромы*, иже на плещу своего ношаше» [3]). Въ свою очередь слово *багромы* и есть, по нашей догадкѣ, первоначальная форма, происходящая отъ *багоръ*, *багровый*, *багряный*, что значитъ, какъ извѣстно, *червленый*, *пурпуровый*, т. е., какъ объясняетъ еще В. И. Даль, не съ огненнымъ (алымъ) отливомъ, а съ едва замѣтною просинью, съ синевою, слѣдовательно, древній византійскій пурпуръ, лиловаго или темно-фіолетоваго оттѣнка (не античный, который былъ коричневымъ). А мы знаемъ, и врядъ ли дѣло нуждается сколько нибудь въ доказательствахъ и большихъ подробностяхъ, что именно пурпуровыми полосами или же вязлами, пурпурною бахрамою отдѣлывали на Востокѣ каймы одеждъ, а далѣе, коптскія одежды, въ безчисленныхъ издѣліяхъ, до насъ дошедшихъ, представляютъ какъ разъ всѣ *вошвы* и каймы опять же изъ пурпура. Поэтому, нѣтъ никакой нужды говорить, какъ у насъ въ древней Руси словомъ *багромы* должны были называть всѣ нашивки и украшенія и особенно коймы (согласно перемѣнѣ въ украшеніяхъ одеждъ, точнѣе, византійской модѣ, сосредоточившей для цѣлаго ряда «чиновъ» эти украшенія въ коймахъ или обшивкахъ) пурпуроваго цвѣта. И древнѣйшій экземпляръ бармъ, до насъ дошедшій, выполненъ также на пурпурѣ. Какъ обыкновенно бываетъ, сокращенная форма послужила техническимъ наименованіемъ шитаго оплечья, а слово *бахромы* осталось за всякою каймою, притомъ изъ прядей пурпуровыхъ. Такимъ образомъ, «коць великій съ бармами», «скорлатное портище сажено съ бармами» имѣетъ уже исключительное значеніе *оплечья* или ожерелья. Но такъ какъ, несмотря на затемнѣніе смысла слова *бармы*, совершившееся, благодаря сокращенію, все же чувствовалось, что оно не даетъ настоящаго названія «священному оплечью» — собственному маніакію, то въ позднѣйшихъ документахъ. согласно съ византійскимъ обычаемъ

[1]) Ibid. pag. 722. Кстати указать, что въ главѣ 52, второй книги, стр. 723, стало быть рядомъ, вновь говорится, что «чинъ протоспаѳаріевъ удостоивается отъ царской руки» застегиванія μετὰ ἐπιριπταρίου—а это выраженіе, несомнѣнно, значитъ *капюшонъ*, *кукуй*, *башлыкъ* или монашескій *фрокъ*, см. Комм. Рейске.

[2]) Const. *De admin. Imp.*, cap. 25 разсказываетъ объ одномъ честолюбивомъ эмирѣ, что, желая возвыситься и въ нарядѣ, онъ «носилъ на себѣ Коранъ въ таблеткахъ (διὰ πινακιδίων) на шеѣ, на подобіе маніакія (δικην μανιακίου»). Но что это значитъ, неясно. Арабы въ древности носили изреченія Корана на бумажкахъ, заключенныхъ въ трубочки, носимыя на шеѣ, какъ амулеты, но слово πινακιδίων указываетъ какъ будто на отдѣльныя страницы Корана, разукрашенныя, какъ картинки, и служившія своего рода оплечьемъ.

[3]) У Прозоровскаго, въ ст. объ «утваряхъ Влад. Монамаха» l. c. стр. 4, при словѣ *багромы* поставленъ вопросительный знакъ.

Digitized by Google

(см. соч. Кодина), прибавляли къ слову барма: «еже есть діадима», хотя также и отдѣляли: «вѣнецъ, діадиму, бармы» и т. д. Но хотя слово «бармы» уже не понимали, однако, мы встрѣчаемъ его толкованіе, какъ разъ вполнѣ подтверждающее нашу догадку. А именно, еще Вельтманъ указывалъ на одинъ хронографъ, въ которомъ сказано, что Константинъ Великій папѣ Сильвестру «саны царскія даде, еже есть посохъ златъ и вѣнецъ и *фригонъ*, рекше св. бармы» [1]). *Фригонъ* вмѣсто *фригіонъ*=opus phrygium вышиваніе, затѣмъ главнѣйшія вышивки или ornatus ex opere Phrygio, коймы, подолы, воротники, также головныя повязки и капюшоны, тюрбаны, башлыки и колпаки, затѣмъ пристяжныя оплечья и т. д. Наконецъ, Прозоровскій указалъ, самъ не зная значенія своей догадки, на тождество слова *бармы* съ *брамы*, которымъ передаются въ переводахъ извѣстныя *рясны*, и Лексиконъ Памвы Берынды толкуетъ: *рясны=фалды*, *брамы* [3]).

Самое любопытное подтвержденіе всей нашей догадки сдѣлано было дла насъ извѣстнымъ славистомъ профессоромъ М. С. Дриновымъ, который, одновременно съ нами, по вопросу объ одной болгарской пословицѣ [4]), которую онъ указалъ для толкованія темнаго болгарскаго слова *бара*, нашелъ затѣмъ и глаголъ *барити* вмѣсто *багъ-рити*, въ значеніи красить багрецомъ, расписывать. Указанная поговорка: *шарени барени*, *като детелина*, находящаяся въ Лѣтоструѣ Данева 1869 г. и значащая: «расписаны, раскрашены, какъ цвѣтокъ клевера», въ смыслѣ нравственной пестроты, разношерстности болгарскаго общества, а первоначально и щегольства яркими одеждами, иллюстрируется ученымъ славистомъ при помощи мѣста изъ Толковой Палеи: «яко же бо зарям свѣтлѣющимся и багром шареющимся». Въ любезномъ письмѣ своемъ М. С. Дриновъ прибавляетъ, что если *барени* недавно вышло изъ: *багрѣни*, *багряни*, то «отпаденіе *г* передъ нѣкоторыми согласными и гласными началось очень давно, особенно въ русскомъ языкѣ, какъ показываютъ примѣры: *Княини*, *осподарь*, *бласловляю* (XII в.), *разнѣвавъся* (1073 г.) и въ житіи св. Савы освященнаго, изданномъ И. В. Помяловскимъ, стр. 313». «Если это такъ, то не лучше ли возводить слово *бармы* прямо къ *бар* отъ *багр*, ср. *вѣдьма* отъ *вѣд*, вѣдѣти?» Намъ остается только прибавить, что если Миклошичъ сближаетъ слово *бахрома* съ турецкимъ *machrama* (платокъ), откуда болгарское и сербское *махрама*, *марама*, то мы далеко не убѣждены, что *бахрама* не происходитъ попросту отъ *багрома*, и что не отъ того же опять слова произошло и турецкое названіе: по крайней мѣрѣ, надо было бы предварительно узнать древнѣйшее его происхожденіе въ восточныхъ языкахъ. Вообще же нѣкогда должна была существовать пока еще невидимая связь между всѣми этими реченіями: *багрома*, *бахрома*, *морхи*, *мохры* и пр., и мы, впредь до новыхъ указаній, будемъ считать, что всѣ онѣ идутъ отъ одного понятія пурпурныхъ кистей или бахромы, окаймлявшей одежды.

---

[1]) Прозоровскій «Объ утваряхъ Влад. Мономаха», стр. 41, прим. 3, тоже толкуетъ Phrygium=вышивка по подолу; также тіара папская.

[2]) См. словари Дюканжа: Φρύγιον=τὸ βασιλικὸν φακεόλιον, *Phrygium* и пр.

[3]) Прозоровскій, ibid. стр. 59 прим. 3.

[4]) М. Дринова, *О Болгарскомъ словарѣ А. Л. Дювернуа*, Спб. 1892, стр. 26.

Digitized by Google

Бахрома (греч. *кроссы*, *коримбы*, лат. *fimbriae*) восходитъ по употребленію къ глубокой древности и происходитъ съ азіатскаго Востока; очевидно, бахрома, въ своемъ исходномъ основаніи и типѣ, подражаетъ прядямъ мѣховой одежды, носимой мѣхомъ внутрь и, вѣроятно, имѣла назначеніемъ первоначально служить для сохраненія тепла и составляла своего рода подбой, теплую мохнатую изнанку для матерій преимущественно верхнихъ и потому плотныхъ или даже двойныхъ. Повсюду на всѣхъ рельефахъ ассиро-халдейскихъ, на памятникахъ Финикіи и Кипрскихъ мы видимъ верхнія одежды, окаймленныя бахромою, тяжелою и густою, но уже, видимо, только служащею для бордюра одежды, сдѣланной изъ тонкихъ, нерѣдко льняныхъ тканей. У Грековъ бахромы долгое время служили лишь для жреческихъ одеждъ, какъ въ Финикіи и во времена Христа для фарисеевъ, заботливо умножавшихъ «воскрылія (собственно бахрому, каймы, мохры) своихъ одеждъ». Кусокъ матеріи, служившій пологомъ надъ прахомъ и саркофагомъ, и окаймленный бордюромъ изъ бахромы, былъ найденъ въ одной керченской могилѣ, отъ эпохи предшествующей Рождеству Христову. Бахрома въ это время уже составляла украшеніе пышныхъ матерій, и пряди или мохры ея смѣшивались съ мелкими подвѣсками, кисточками, вотолками, цѣпками съ драгоцѣнными камнями, колечками и пр. Такого рода матеріи употреблялись для покрывалъ, поясовъ, обстоятельство, указываемое намъ многими памятниками древняго искусства и важное для пониманія варварскихъ украшеній.

Напротивъ того, основной прототипъ металлическихъ цѣпей съ круглыми медальонами представляется въ позднеримскомъ обычаѣ воинскихъ *фаларовъ* (Φάλαρον, phalera) уздечныхъ бляхъ, изъ которыхъ вкусъ римской солдатчины сдѣлалъ военный орденъ [1]). Однако, весьма вѣроятно будетъ заключить, что это былъ знакъ отличія первоначально въ конницѣ, а затѣмъ долгое время украшеніе возницъ, цирковыхъ предводителей и пр. Въ самомъ дѣлѣ, фалары, доселѣ указанные въ памятникахъ и на изображеніяхъ, чаще носились на своего рода перевязяхъ, портупеяхъ и ремняхъ, накрестъ и поперекъ груди расположенныхъ, стало быть, такъ или иначе напоминающихъ перевязи конюховъ и возницъ. Наиболѣе близкій для насъ образецъ представляютъ извѣстныя изображенія трехъ димарховъ или геніоховъ Константинопольскаго цирка, которыхъ мы указали во фрескахъ Кіево-Софійскаго собора [2]): на этихъ фигурахъ надѣтъ весь римско-византійскій нарядъ возницъ или трибуновъ цирка: туники цвѣта ихъ партіи (голубыя, зеленыя и пр.) и короткія (родъ казакина); ременныхъ перевязей нѣтъ, но есть пять бляхъ на груди [3]), родъ каски (κράνος, κασσίδιον) на головѣ и узкіе

[1]) Sittl. *Klassische Kunst-Archaeologie*, § 230, pag. 253. Девять фаларъ отъ римскихъ латъ найдены въ Лауерсфортѣ. 24 медальона съ орлами и полулуніями въ б. Münz—und Anticken—Cabinet въ Вѣнѣ. Двѣ бляхи съ изображеніемъ Аѳины изъ Киля. Фалары съ пилеными гранатами въ томъ же б. Вѣнскомъ Кабинетѣ. Близь Майнца, въ водахъ Рейна, найдены фалары, одинъ въ попер. 0,30 м., рѣзной изъ бронзы, варварскаго издѣлія, нынѣ въ музеѣ Вормса.

[2]) Моя статья «О фрескахъ лѣстницъ Кіево Софійскаго собора» въ *Зап. Имп. Рус. Арх. Общества*, т. III, стр. 287—306, рис. XI. Почему именно три, а не четыре, и цвѣта: красный, бѣлый и зеленый, см. Ioannes Lydus *de mensibus*, ed. Bonn. p. 65, § 19.

[3]) Перевязи крестообразныя съ медальонами на груди см. въ *Отчетѣ Имп. Арх. Комм.* за 1880 г., таб. I, 16, II, 13, стр. 54—5.

Digitized by Google

[illegible] Если мы, затѣмъ [illegible] эти пять металлическихъ [illegible] и [illegible] камнями) бляхъ [illegible] круглыми и чрезвычайно [illegible] отъ конскаго убора, изъ [illegible] гранатовыми инкрустаціями [illegible] или застекленіемъ [illegible] цвѣтными стеклами гранато- [illegible] найденномъ близь Таганрога [illegible] кладъ, по рѣкѣ Чулеку), [1]) [illegible] гдѣ должны искать особыхъ восточно-варварскихъ типовъ того же [illegible] Достаточно указать на значеніе цирковыхъ партій Византіи, чтобы [illegible] распространеніе этого знака отличія между варварскими племенами

[illegible] ширу Римской Имперіи устанавливается и типъ особаго шейнаго [illegible] носимыхъ на шнурѣ или цѣпи, повидимому, сначала въ [illegible] отличія, впослѣдствіи вообще знака особаго достоинства, и въ качествѣ [illegible] *torques* [3]) въ собственномъ смыслѣ слова, т. е. большія [illegible] золотой и серебряный ободъ, украшаемый филигранью, жемчугомъ, [illegible] такъ украшеній къ варварамъ въ видѣ такъ называемыхъ [illegible] чтобы нуждался въ объясненіяхъ [4]): для насъ важно [illegible] на сѣверѣ Европы отъ IV вѣка (эпохи Константина) до [illegible] латинское bractea, bracteola [5])—листъ золота, блестка, соотвѣт- [illegible] старинному русскому *поталъ* [6]), а подъ этимъ именемъ, начиная [illegible] постоянно мужскіе и женскіе уборы или украшенія, какъ на- [illegible] въ видѣ всякаго рода бляшекъ. Мы уже указывали на ихъ [illegible] погремушками, балаболками [7]), но, очевидно, этого рода бляшки

[illegible] Ср. надгробный камень Цэлія въ Боннѣ: центуріонъ, имѣющій всѣ возможныя въ [illegible] torques, двѣ armillae на плечахъ, пять phalerae на панцырѣ.

[illegible] византійскаго цирка находимъ часто на тканяхъ и древнихъ одеждахъ; см. Linas, *Orfèvrerie* [illegible] *Notice sur cinq anc. étoffes*, pl. V; на персидской пурпуровой матеріи VI (?) вѣка: [illegible] *Stickerien*, Köln, 1876; также на матеріи въ худ.-пром. музеѣ Берлина и пр- [illegible] *de l'Empire Romain*, 1878. Fontenay, *les bijoux anciens*, 1887, p. 182.

[illegible] *Die Alterthümer unserer heidnischen Vorzeit. Nach den Originalen v. d. Centralmuseum* [illegible] Taf. 6; VI, 5; X, 7; XI, 6. Также извѣстная статья Томсена *о золотыхъ брактеа-* [illegible] 1855 г.

[illegible] перенятое греками V—VI в. βραχτεολάτος=bracteolatus, употребляется въ VI в.: Ioannes [illegible] не значитъ κεχρυσωμένος, какъ думаетъ Софоклесъ, но одежда, усыпанная золотыми

[illegible] листъ дерева, лепестокъ цвѣтка, затѣмъ: подвѣсная бляшка конскихъ уборовъ (у насъ [illegible] въ видѣ листка на ожерельяхъ и всякая круглая бляшка; поталъ, петалъ=дщица [illegible] четырьмя письмены написано неизреченое имя Божіе»—у іудейскаго первосвященника; далѣе [illegible] bracteator, употребляется вмѣсто μεταλλουργός, а *поталь* рус.=сусальное, накладное золото- [illegible] см. Епифанія, Patrol. ed. Migne, т. 43, стр. 301. Накладка листоваго золота была повсюду [illegible] золоченія, и первый видъ мастерства всегда состоялъ въ листованіи золота, серебра и мѣди [illegible] менѣе цѣнныхъ матеріаловъ. Древнѣйшая орнаментика связана съ накладкою, съ листовымъ [illegible]

[illegible] ется, однако, указать, есть ли какая нибудь связь между *поталомъ* и *боталомъ* — по Далю — [illegible] деревянный звонокъ, *бонить*—гудѣть, *ботъ*—шестъ съ поперечнымъ брускомъ и пр. Сравнимъ [illegible] Gloss. lat. v. bracteola=campanula aurea.

Digitized by Google

получали и особое символико-мистическое значеніе, благодаря надписямъ, рисункамъ (πετάλιον ζωγραφικὸν), каковы напримѣръ извѣстные *змѣевики*. Такого рода эмблематическіе амулеты легко смѣшать, особенно въ изображеніяхъ, съ разными филактеріями, энкольпіями или реликваріями, ладаницами и панагіями, или даже напримѣръ портретами, которые было принято носить въ Византіи на торжественные дни [1]). Какъ образецъ подобнаго рода медальоновъ, относящихся такъ или иначе къ Византіи, мы можемъ указать только на особо описываемыхъ цѣпяхъ изъ Сиріи и Анапы (Кавказскаго побережья), и еще на пять великолѣпныхъ медальоновъ въ коллекціи барона Гейля въ Вормсѣ, XI—XII столѣтій [2]), украшенныхъ тончайшею филигранью и камнями; близкое сходство этихъ пяти подвѣсокъ—плоскихъ съ изнанки, нѣсколько выпуклыхъ съ лица, частью варварскаго издѣлія (большой медальонъ съ эмалевымъ орломъ), частію лучшей греческой работы—съ древне-русскими бармами дало намъ поводъ еще ранѣе высказать убѣжденіе, что эта связь естественно указываетъ на среду русскихъ древностей, гдѣ должно искать объясненія и смысла оторванныхъ фрагментовъ, унесенныхъ на западъ. Арабы усвоили очень рано тѣже украшенія, замѣнивъ, конечно, христіанскія эмблемы своими, и разнесли, затѣмъ, въ видѣ готовыхъ металлическихъ издѣлій, всюду, куда шла восточная торговля, до сѣвера Россіи и крайнихъ предѣловъ мавританскихъ: такимъ образомъ, мы не только въ народныхъ уборахъ самихъ арабовъ въ Сиріи и Аравіи находимъ цѣпи съ подвѣсными бляхами, и даже подобіями византійской лиліи (крина), птицами, птицами двуглавыми и пр., словомъ все тѣ же рисунки, какіе находимъ на персидскихъ и византійскихъ подвѣскахъ. Отсюда, затѣмъ, плоскіе поталы изъ серебра, съ камнемъ, и позолоченымъ фономъ, въ оправѣ изъ грубой скани, встрѣчаемъ въ Пермскихъ древностяхъ [3]), въ древностяхъ мерянскихъ [4]), Швеціи и пр. Когда же въ мерянскихъ ожерельяхъ встрѣчаются круглые, отлитые изъ бронзы образки Спаса, Успенія и свв. Космы и Даміана, то, конечно, это есть подражаніе новому русскому типу того же, давно ставшаго традиціоннымъ, украшенія, и самые образки относятся уже къ XII и даже, быть можетъ, XIII столѣтію.

Въ то же время, около X—XI столѣтій, въ подвѣскахъ происходитъ извѣстный подборъ и переходъ къ опредѣленному смыслу, который открыть, однако, удастся лишь впослѣдствіи въ результатѣ анализа всей среды варварскихъ древностей сѣверной Европы, отъ восточныхъ предѣловъ Россіи до Рейна включительно. А именно, мелкія бляшки все болѣе и болѣе теряютъ значеніе амулетовъ, а большіе медальоны перестаютъ играть роль брактеатовъ, но сохраняются въ видѣ шейнаго украшенія, ожерелій, цѣпей и цѣпочекъ, еще не получившихъ опредѣленнаго значенія и утратившихъ прежнее. Такъ бываетъ неизбѣжно и въ быту вообще, и въ общемъ строѣ жизни юридической, общественной, художественной, когда варварское

[1]) См. Codinus, De officiis, III, 13. Du Cange, φυλακτήριον изъ Никифора Antirrhetica: ἐν οἷς... τὰ πολλὰ εἰκονιζόμενα. Ср. изд. проф. Стрыговскимъ филактерій музея Константинополя въ *Byz. Denkmäler*, I. Du Cange v. ἐγκόλπιον.

[2]) *Исторія и памятники византійской эмали. Собраніе А. В. Звенигородскаго*, стр. 243—4, рис. 87.

[3]) *Пермскій Сборникъ*, ст. проф. С. В. Ешевскаго, II, № 30.

[4]) *Древности Мерянъ*, графа А. С. Уварова въ *Трудахъ I Арх. Съѣзда*, таб. 32, 34 (рис. 4, 5, 10, 11), 28 (рис. 24), текстъ, томъ II, стр. 698, 721, 739.

Digitized by Google

другому и т. д. Конскіе уборы должны встрѣчаться и въ древностяхъ Венгріи, хотя нерѣдко ихъ также трудно выдѣлить тамъ, какъ опредѣлить иные зюльфы и подвѣски въ Хивинской казнѣ, или разобраться въ иныхъ скиѳо-сарматскихъ находкахъ, что̀ принадлежитъ конскому убору, такъ какъ есть много мелкихъ бляхъ, пряжекъ, которыхъ спеціальное приспособленіе къ ремнямъ, вооруженію или убору остается непонятнымъ, пока счастливая случайность не разъяснитъ дѣла. Но, сравнительно съ могильными древностями Сибири и Южной Россіи и даже кладами, венгерскія находки представляютъ уже оскудѣніе конскими уборами и даже преимущественно содержатъ уборъ личный мужескій; только его стиль, техника и самая фактура или тождественна съ южно-русскими и кавказскими древностями, или, видимо, отъ нихъ получила свои образцы и передаетъ ихъ развѣ иногда въ осложненной формѣ. Здѣсь мы встрѣчаемъ и большіе фалары [1])—трудно сказать, снятыя ли съ коня—въ видѣ большихъ бляхъ съ дужками, имѣющихъ выпуклую середину, набранныхъ зернью и подобіемъ жемчуга; эти орнаментальные брактеаты сопровождаются гривною, изъ золота, обвитаго золотыми нитями, и великолѣпною золотою фибулою, въ формѣ треугольника съ подвѣсными камнями, набранною въ рѣшеточкахъ гранатами, зелеными изумрудами и lapis lazuli въ срединѣ.

Мы только мимоходомъ и для сопоставленія укажемъ на кладъ Фреймерсгейма, найденный близь Майнца и нынѣ хранимый въ тамошнемъ Центральномъ Музеѣ, какъ на наиболѣе ясное указаніе той роли, которую стали играть въ эпоху Франковъ (кладъ найденъ съ византійскою монетою Льва) прежніе фалары. Мы находимъ здѣсь именно пять медальоновъ, изъ которыхъ четыре передѣланы рукою варвара на фибулы, т. е. грубо обдѣланы бронзою и снабжены иглою, а это тѣже наши бармы, т. е. круглыя и плоскія бляхи, толщиною (съ выпуклостью) всего 5 миллиметровъ, украшенныя камнями, стеклами и сканью въ видѣ кружочковъ и восьмерокъ. Если же мы будемъ когда либо, съ опредѣленною цѣлью, пересматривать всѣ фибулы Франко-Алеманскихъ могилъ и кладовъ, въ музеяхъ Нюренберга, Аугсбурга (№ 3700—1), Бонна (№ 6391), Висбадена, Карлсруэ, то откроемъ десятки медальоновъ, очевидно, привозныхъ изъ Византіи и Востока, за V—VIII столѣтія; вещи эти доставлялись въ качествѣ фаларовъ, подвѣсокъ, наборныхъ цѣпей, но передѣлывались на фибулы, пряжки, которыя были болѣе нужны. По самымъ украшеніямъ изъ гранатъ, особенно бирюзы, нерѣдко яхонтамъ, фактурѣ скани (не филиграни), образующей орнаментъ, можно узнать и выдѣлить эти вещи изъ другихъ, собственно германскихъ.

Переходя на почву народныхъ конскихъ уборовъ, мы находимъ у Сербовъ лучшій образецъ по типичности и сохраненію типа VII—IX вѣковъ, что чрезвычайно характерно для сложенія племени и его традицій. Уборъ, нами описываемый [2]), выполненъ изъ мѣди и

[1]) Изъ Остропатаки, въ Минцъ Кабинетѣ Вѣнскаго Имп. Музея, быв. № 307.

[2]) Въ Вѣнскомъ Музеѣ Художественной Промышленности, №№ 3803—10, въ залѣ древностей и уборовъ изъ металла. Для подтвержденія своего анализа, укажемъ также въ томъ же Музеѣ подъ № 6244—6279 боснійскіе народные уборы изъ золота и серебра, серьги, пояса, чрезвычайно близкіе по формамъ именно къ эпохѣ VI—IX вѣковъ, съ ихъ кораллами, бирюзою, сканью, жемчужными шариками, и пр. Серьги напр. имѣютъ здѣсь опять форму вотолки—полускорлупки, украшенной сканью, привѣшенной къ ушному кольцу на золотой ажурной пальметкѣ и снабженной подвѣсными ажурными бусинками изъ золотой проволоки.

Digitized by Google

посеребренъ. Въ немъ прежде всего обращаетъ на себя наше вниманіе, конечно, цѣпь тройная съ среднею бляхою и двумя застежными бляшками у крючковъ, со множествомъ мелкихъ подвѣсныхъ бляшекъ. Далѣе круглый щитокъ, украшенный красными стеклами, сканными кружочками, съ подвѣсною розеткою, на которой уже виситъ подобіе колокольчика (по формѣ тоже, что большіе аланскіе колокольцы изъ могилъ Осетіи, въ бронзѣ) и подобный же щитокъ, но не подвѣсный, а, вѣроятно, налобный (гладкій, *лысина*, какъ называли въ старину). Далѣе подвѣски въ видѣ ворворокъ съ подвѣсными балаболками въ видѣ дутыхъ грушъ (жемчужинъ), очевидно, отъ ремней, и семь подвѣсныхъ у ремней пряжекъ со стеклами и подвѣсными цѣпками. Наконецъ, десять бляхъ, связанныхъ шарнирами, украшенныхъ стеклами, имитирующими яхонты и изумруды, и сканью, представляющей такія же вѣточки съ плодами, какія знаемъ въ искусствѣ Персіи и Индіи.

Въ скандинавскихъ странахъ конскіе уборы, какъ и личные уборы вообще, приняли тотъ общій имъ характеръ преувеличенія и схематизаціи, какой, по нашему мнѣнію, имѣютъ всѣ древности этихъ странъ, бывшихъ глухими закоулками Европы. Разъ зашедшая сюда форма не только сохраняется здѣсь тысячелѣтіями, но и крайне осложняется, преувеличивается, утрируется, а отъ безконечнаго повторенія одинъ и тотъ же рисунокъ, сюжетъ, орнаментъ сокращается въ схему, становится крайне линейнымъ, геометрическимъ, условнымъ и подъ конецъ едва узнается и постигается. Намъ еще прійдется со временемъ подробно говорить объ этой чертѣ древностей Скандинавіи и Ирландіи по преимуществу, разсуждая по вопросу о значеніи варяжскаго элемента въ русскихъ древностяхъ, а теперь намъ нужно лишь повторить этотъ общій нашъ взглядъ для постановки избраннаго спеціальнаго вопроса. А именно въ Швеціи мы находимъ среди древностей, открытыхъ у церкви Венделя, замѣчательную узду изъ золоченой и рѣзной бронзы съ красными эмалями, доселѣ изданную, къ сожалѣнію, безъ красокъ [1]), которая, относясь къ VIII—IX столѣтіямъ, представляетъ, какъ мы уже замѣтили ранѣе, повтореніе общаго типа готскихъ вещей IV—V вѣковъ, только со стилизаціею скандинавскою: и тяжесть узды, и преувеличеніе размѣровъ круглыхъ бляшекъ, и тяжелый наборъ металлическихъ четыреугольныхъ пластинъ въ промежуткахъ, и утомительное однообразіе плетеній, все это составляетъ давно знакомыя черты сѣвернаго, характернаго, но тяжелаго искусства и быта. Какъ далеко отходятъ эти тяжелыя бронзовыя украшенія отъ легкаго восточнаго образца изъ листоваго золота съ блестками драгоцѣнныхъ камней! Этнографическое Отдѣленіе «Сѣвернаго Музея» въ Стокгольмѣ производитъ именно впечатлѣніе такого захолустнаго угла, въ которомъ удержались до нынѣ формы древнѣйшихъ уборовъ: и амулеты, и кики, и пуговицы въ стилѣ русскихъ работъ XVII вѣка, и серьги въ видѣ калачиковъ или колтовъ, и коники повсюду, и ковры первобытныхъ рисунковъ, напоминающихъ Дагестанъ, сундуки съ рѣзьбою въ стилѣ фибулъ VIII—IX вѣковъ, полотенца тождественнаго рисунка съ русскими; отъ всего вѣетъ грубою стариною, простыми, тяжеловатыми, но устойчивыми обычаями. На шейныхъ цѣпяхъ видимъ здѣсь серебряныя лунницы, а на груди

[1]) *Исторія и памятники византійской эмали*, стр. 28—30, рис. 3.

Digitized by Google

невѣсты бармы изъ пяти медальоновъ, осыпанныхъ камнями, у пояса рядъ подвѣсныхъ бляшекъ. Въ этомъ же музеѣ выставлены ряды старинныхъ женскихъ бармъ изъ большихъ круглыхъ бляхъ съ выпуклостями въ срединѣ, изъ серебра, а также подвѣсныя бляхи съ надписью имени Іисуса въ качествѣ амулетовъ, и всевозможныя старинныя подвѣски къ поясамъ, шейнымъ цѣпямъ и пр.

Сообразно этому основному свойству скандинавскихъ бытовыхъ древностей, и брактеаты получили иной характеръ: во-первыхъ это украшеніе совершенно утратило значеніе выдающагося знака воинскаго отличія, стало обыкновеннымъ предметомъ убора какъ мужескаго, такъ и женскаго, умалилось въ художественномъ достоинствѣ и стало, словомъ, обыкновенною бляшкою монетнаго типа [1]), окаймленною узкимъ бордюромъ, чаще всего имитаціею римскихъ монетъ IV вѣка, носимою на обычномъ монистѣ или ожерельѣ.

Взамѣнъ того, въ средѣ тѣхъ же древностей Швеціи (но не Даніи—обстоятельство не маловажное для пониманія предмета) мы находимъ нѣсколько экземпляровъ нашихъ бармъ, т. е. круглыхъ медальоновъ—исключительно изъ серебра, тѣхъ же размѣровъ (0,07—0,09 м.)—носимыхъ въ нечетномъ числѣ на груди, по три, пяти, но также четыре и пр. и что особенно замѣчательно, открытыхъ вмѣстѣ съ шейными цѣпями, на которыхъ подвѣшены тѣльные кресты, и англосаксонскими монетами XII—XIII столѣтій. Такъ, напр., въ одномъ кладѣ монетъ встрѣчены три бляхи съ филигранью и три медальона съ рѣзьбою, изображающею крестъ, агнца, расцвѣченные чернью, съ десятками большихъ бусъ, подобныхъ нашимъ; три бляхи безъ дужекъ или колечекъ, очевидно, отъ ремней, а три медальона снабжены ушками и были подвѣшены на шнурѣ между бусъ. Въ другомъ кладѣ имѣется пять слегка выпуклыхъ медальоновъ съ тѣльнымъ крестомъ, въ третьемъ при крестѣ два медальона, тождественные съ нашими. Характерно и указанное нами въ другомъ мѣстѣ присутствіе цѣпей съ змѣиными наглавниками, вмѣстѣ съ большими выпуклыми бляхами, крестами, цѣпью съ медальономъ Богородицы и пр. Кладъ изъ Тингли содержитъ двѣ большихъ бляхи и одну малую, украшенныхъ горными хрусталями и сканью. Замѣчательны бармы изъ четырехъ бляхъ, большихъ серебряныхъ и покрытыхъ тонкою сканью (той же техники, что въ украшеніяхъ Мономаховой шапки), разныхъ рисунковъ; въ срединѣ орнаментальная выпуклость и кругомъ плетеніе изъ змѣй; тутъ же на большой серебряной цѣпи складной тѣльникъ въ типѣ «корсунскихъ крестовъ». Декоративныя формы крестовъ на пяти медальонахъ, украшенныхъ стеклами, сканью, столь близки къ «суздальскому оплечью», что невольно приходитъ на мысль, что большинство этихъ скандинавскихъ древностей и происходитъ изъ Россіи или были выполнены по русскому образцу.

Что древнерусскіе конскіе уборы происходили съ Востока, въ томъ едва ли нужно кого либо увѣрять: дѣло понятно само собою. Кисть подъ шеею, у переносья, у ремней называлась

---

[1]) Montelius, O. *Die Kultur Schwedens in vorchristlicher Zeit*, übers. v. C. Appel. Berlin. 1885, p. 125—6. Число брактеатовъ монетныхъ Монтеліусъ считаетъ около 200—для Швеціи, Норвегіи и Даніи, и 100 съ плетеніями такъ называемаго звѣринаго стиля.

Digitized by Google

мерхи, откуда слово *мохры*, *махровый* и пр., но металлическія подвѣски къ конской уздѣ назывались у насъ въ старину татарскимъ словомъ *решма*, попона въ богатомъ видѣ называлась *чапракъ*, принадлежности сѣдла—*арчакъ*, *тебенекъ*, налучей и колчана—*бенди* и пр. Однако, тутъ же есть и русскія слова, какъ то: *лысины* въ значеніи налобника, бляхи frontale, ἄμπυξ, разнаго рода подвѣски рано стали зваться *наузы*, *наузольники*, съ *чекмами* (чеканныя бляшки), *пляшцинами* и *вотолками*. Для насъ въ данномъ случаѣ важно, что слово *ворворка*, особенно часто употребительное, идетъ, повидимому, изъ Византіи, и оттуда же *поталы*. Наши конскіе уборы у князей должны были, весьма естественно, подражать пышнымъ византійскимъ церемоніальнымъ сбруямъ, и мы съ особеннымъ интересомъ узнаемъ, что пресловутая *червленая челка* есть только дословный переводъ греческаго Βορκάδια αληθινᾶ [1]).

Далѣе, для нашей задачи весьма существенно, что древняя Россія знала брактеаты и даже употребляла для этого предмета особое слово—*цаты*. Русское *цата*, церковносл. цата, старослав. cẹnta, по Миклошичу значило: монета; чешское ceta—золотая монета, польск. cetka блеска, золотой листъ (т. е. поталъ или брактея), малорус. *чатка*—крапина, древнерус.—монета, динарій, подвѣсная бляшка, прикладъ къ вѣнцу и пр.; литов. ceta—пряжка на поясѣ (ср. срв. *cinta*, *cinctura*); румын. cẹnte=bractea; готское *Kintus*.

По указаніямъ слависта Е. Ѳ. Будде, извѣстное Остромірово Евангеліе передаетъ слова: νόμισμα пѣнязь и κήνσος словомъ цата, съ дополненіемъ: цѧта киньсьнаѧ. По древнимъ азбуковникамъ, цата=златница, сребреникъ, а въ Тамбов. губ. этимъ именемъ доселѣ называютъ узоры на плечахъ и подолѣ (круглыя нашивки мордовскихъ рубахъ, идущія отъ восточно-сирійскихъ образцовъ VIII—X стол., сохранившихся въ коптскихъ могилахъ), блестки золотые и пр. По лѣтописи вел. князь Андрей устроилъ «церковь различными цятами и аспидными цятами—т. е. облицовалъ стѣны яшмовыми плитами и т. д.

Въ Шестодневѣ Іоанна экзарха Болгарскаго, рукописи 1263 года, такъ описываются знаки княжескаго достоинства и приближенныхъ князя: «кнеза видѣти, сѣдеща въ срацѣ бисромь покыданѣ, *гривну цетаву* на выи носяща и обручи на руку, поясомъ вълърмитомъ поясана и мьчь златъ при бедрѣ висещь; и оба полы его болѣры сѣдеще въ златахъ гривнахъ и поясахъ». Графъ А. С. Уваровъ [2]), указавъ на ясное отличіе княжеской гривны отъ обыкновенныхъ золотыхъ гривенъ, имѣвшихъ форму обруча, свитаго изъ металлическихъ дротовъ, полагаетъ, что это отличіе заключалось не въ одномъ только богатствѣ украшеній, но и въ особой формѣ этой гривны, и въ видѣ предположенія замѣчаетъ, что цатою доселѣ называютъ лунообразную подвѣску на иконахъ, прикрѣпляемую къ оконечностямъ вѣнчикомъ, а что такія подвѣски уже были, видно изъ лѣтописнаго текста подъ 1288 годомъ: «икону

---

[1]) Константина Порф. *De carimoniis* pag. 452, 4. Рейске въ прим. на стр. 491: borcadium=rica, calyptra capitis, quae equis induitur et manasse ab Arabico *borca*. Ср. въ текстѣ также стр. 462 и 485 Форма чепокъ—украшеній изъ волосъ и шерсти—взята изъ Персіи, см. на рельефахъ. изд. у Place, *Ninive*, pl. 32. Вѣроятно, тоже высокое украшеніе называлось Τοῦφα μετὰ φοινικίων у Кодина lib. III, p. 14, V p. 30. Іоаннъ Лидійскій, *de magistr.* объясняетъ слово туфа латинскимъ *juba*.

[2]) Тамъ же, стр. 10.

Digitized by Google

списа на золотѣ намѣстную св. Георгія и гривну златую· възложи на нь съ женчюгомъ». Словомъ, графъ А. С. Уваровъ предполагаетъ подъ цатою то, что въ старину называлось *мѣсяца гривенная*, а Греки называли μηνίσκος.

То, что называлось у насъ въ древности *мѣсячными гривнами*, было, очевидно, плоскимъ украшеніемъ шеи изъ листоваго золота и серебра, съ штампованными рисунками или же гнѣздами камней сообразно строенію шеи и груди, принявшимъ форму луннаго серпа, обращеннаго къ верху концами и подвѣшеннымъ или на цѣпочкѣ вокругъ шеи, или на крючкахъ по обѣ стороны груди. Какъ и другія гривны, этотъ видъ, какъ мы полагаемъ, можетъ вести свое начало отъ римскихъ войсковыхъ украшеній или наградъ (dona militaria), извѣстныхъ подъ именемъ *corniculum* или во мн. *cornicula*: это были одинъ или два металлическихъ рожка, укрѣплявшихся, по нашему мнѣнію, снизу на боку каски и къ ней подвѣшиваемыхъ, на подобіе современныхъ чешуйчатыхъ застежекъ у нашихъ касокъ, но болѣе широкихъ и болѣе почетныхъ [1]); извѣстно, что почтенные этимъ украшеніемъ солдаты выдѣлялись особымъ именемъ cornicularii, и что это имя давалось, затѣмъ, особымъ отрядамъ. Не выдавая этого мнѣнія за доказанное, мы предлагаемъ только сближеніе неизвѣстнаго солдатскаго знака съ любопытнымъ украшеніемъ—уже сформированною гривною—представленнымъ на мозаическихъ медальонахъ съ изображеніемъ Апостоловъ и Святыхъ въ церкви Св. Виталія въ Равеннѣ: каждый медальонъ (см. рис. 97) принятъ здѣсь, какъ почетный щитъ, съ бисерными коймами и подвѣсками, какъ бы у нагруднаго портрета; эти подвѣски въ видѣ двухъ соединенныхъ роговъ изобилія, составляющихъ въ церкви обычный орнаментъ, но здѣсь принявшихъ форму двухъ сплетенныхъ хвостами рыбъ, сообщаютъ медальонамъ характеръ священнаго кіота, хотя взяты, очевидно, отъ украшеній свѣтскихъ. Если же мы сопоставимъ эту форму съ типомъ фибулъ, носившихъ въ V вѣкѣ [2]) названіе *cornucopia*—κορνοκόπιον, то объяснимъ себѣ и распространеніе формы, такъ какъ фибула весьма естественно и часто принимала ее и на Западѣ и на римскомъ Востокѣ.

Рис. 97. Мозаическій образъ ц. Виталія въ Равеннѣ.

Именно это украшеніе должно было называться у Грековъ μηνίσκος и именно оно надѣто на шею муміи грека временъ Птоломіевъ, сохра-

[1]) Въ существующихъ доселѣ толкованіяхъ римскаго названія указывается, что древнее изображеніе предмета неизвѣстно: E. Потье въ словарѣ *Daremberg et Saglio* sub v. считаетъ возможнымъ, что это было украшеніемъ визиря—родъ aigrette, и не принимаетъ догадки *Рича* въ его словарѣ, рисующаго рогъ на верху каски; рисунокъ сочиненъ Ричемъ, по его обычаю.

[2]) Soan. Lyd.: *de magistratibus*, ed. Bonn., lib. II. p. 169.

Digitized by Google

няемой въ Дрезденѣ и привезенной изъ Египта еще знаменитымъ гуманистомъ Пьетро дела-Валла: на шеѣ этого грека два ожерелья: одно—обычная пронизка золотыхъ трубочекъ спиральной формы, которыя на шнурѣ раздѣлены бусами и, кромѣ того, окаймлены вдоль и съ обѣихъ сторонъ листьями лавра, такъ расположенными и недвижными, что, очевидно, ожерелье служитъ для прижатія рубашки, и въ то же время составляетъ рисунокъ лавроваго вѣнка. Форма эта чрезвычайно важна для пониманія спиральныхъ трубочекъ въ нашихъ древностяхъ. Далѣе, второе ожерелье представляетъ золотой рогъ луны, котораго каждый конецъ укрѣпленъ на плечѣ и который въ центрѣ, въ видѣ герба, имѣетъ священнаго копчика; подобное, повидимому, но все набранное гнѣздами камней, ожерелье находится и на второй женской муміи изъ той же могилы и того же происхожденія [1]).

Металлическіе оклады иконъ или образные не только украшались по самому окладу эмалями, финифтью и сканью, чернью, жемчугомъ и камнями, или наложенными золотыми и серебряными дробницами, но и всякаго рода *подвѣсными* уборами: ожерельями или монистами, гривнами, «лунницами» или «мѣсяцами гривенными», цатами, крестами, панагіями, бляхами, цѣпями (золотыми, вклады царей), ряснами и пр. Прежде всего въ описяхъ упоминаются, конечно, вѣнцы (нимбы, оглавія), иногда съ карунами, затѣмъ, послѣ вѣнца въ описяхъ XVI вѣка [2]) слѣдуетъ *цата*, изрѣдка наз. гривною или гривенкою; это, очевидно, подвѣсная лунница изъ золота, серебра, басменная, съ камнями. У цаты въ «привѣскѣ» упоминается «панагія», панагія съ мощами, иконки рѣзныя. Но цата бываетъ всегда на образѣ одна, а гривенъ много, три, четыре, пять; на 20 иконахъ Деисуса насчитано 84 гривны; гривны часто называются «витыми» и т. д. Да въ «привѣскѣ» же упоминаются цѣпи, золотыя, серебряныя, гнутыя, а на нихъ кресты разные или тоже панагіи, если вмѣсто этого не упоминаются «поднизи» и «ожерелейца», рясы и пр. Независимо отъ того, серьги, иногда по одной, и когда по парѣ, съ камнями и «трясочками», «запонки» на плечахъ (фибулы), нарукавники или запястья съ камнями, перстни и кольца.

Поэтому, если мы напр. находимъ на иконѣ подвѣсную (въ видѣ полумѣсяца) металлическую цату и на ней три штампованныхъ кружка съ изображеніемъ Деисуса, то должны эти кружки называть «гривнами».

Гривнами въ старину называли всякія круглыя пластинки, или подвѣсныя бляшки къ той же цатѣ, какъ мы видимъ напр. на иконѣ Пресвятыя Троицы, мѣстной въ Троице-Сергіевскомъ соборѣ (№ 3) пожертвованной царемъ Ѳеодоромъ Іоанновичемъ и украшенной золотымъ окладомъ съ панагіею на среднемъ ликѣ отъ имени Бориса Годунова 1600 г., съ тремя золотыми подвѣсными цатами или «менисками»—гривенными лунницами, приложенными царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ въ 1626 году. Мы воспроизводимъ здѣсь (рис. 98) икону съ ея украшеніями, которыя объясняютъ намъ и данные тексты и церковное примѣненіе

[1]) По изданію W. G. Becker u. W. A. Becker, *Augusteum. Dresdens ant. Denkm.* 1832—7, пересмотрѣно у Racinet, *Le Costume historique,* II, pl. 25—6 EB, № 25 et 37, но предлагаемое названіе эгиды второму ожерелью врядъ ли можетъ быть принято.

[2]) *Опись ризницы Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря* 1668 г., изд. въ Зап. Р. Отд. Рус. Арх. Общ. II, стр. 126—343.

Digitized by Google

типа представлены по ровну, по шести экземпляровъ, то ясно, что бляшки должны были размѣщаться съ правой и лѣвой стороны также поровну.

Изображеніе птицы, явно, скопировано съ византійскаго оригинала такого же назначенія: очевидно, съ мелкихъ медальоновъ или бляхъ цѣпи, въ чемъ удостовѣряютъ насъ и повторенія этихъ цѣпей (см. списокъ вещей клада Лѣскова). Самымъ характернымъ на нашъ взглядъ обстоятельствомъ является то, что фигура птицы поставлена не по самой срединѣ медальона, а ближе къ краю, куда птица идетъ, и притомъ не прямо, но съ закинутою назадъ головою и шеею. Такая постановка птичьей фигуры, во-первыхъ, значительно оживляетъ ее, придавая свойственную ей пугливую подвижность, а во-вторыхъ—оставляетъ мѣсто для изогнутаго сзади крыла. Что трехчастная вѣточка съ акантовымъ концомъ сзади птицы есть, дѣйствительно, ея хвостъ, о томъ, конечно, не легко догадаться по рисунку нашихъ бляшекъ: такъ далеко отнесенъ этотъ хвостъ и такъ великъ промежутокъ между нимъ и тѣломъ птицы. Повидимому, самъ рисовальщикъ или эмальеръ врядъ ли догадывался о значеніи этой вѣтки. Но на цѣпи Михайловскаго клада, напротивъ того, очень ясно можно видѣть весь рисунокъ и удостовѣриться, что здѣсь неясность происходитъ потому только, что эмальеръ слишкомъ широко воспользовался обычнымъ отдѣленіемъ крылушекъ птицы отъ ея тѣла, ради прочности и упрощенія работы, требовавшей отдѣлить здѣсь эмалевые лоточки. Въ самомъ дѣлѣ, если бы эмальеръ слилъ всѣ три части, то золотая бляшка оказалась бы на столько изрѣзанною, что не могла бы прочно охватывать эмалевые лоточки, и эмальеру пришлось бы много хлопотать объ отдѣленіи частей по рисунку золотыми перегородочками. Тѣло птицы синяго цвѣта—очевидно, представляетъ дикаго голубя, сизаго и сизокрылаго; по тѣлу бѣленькія точки и бѣленькая опушка на шеѣ; головка зеленая, бирюзоваго цвѣта, съ большимъ глазомъ, среди бѣлаго, опереннаго бѣлыми перушками кружка; крылушки и хвостъ имѣютъ три ряда цвѣтовъ: внѣшнее опереніе изъ бѣлыхъ перьевъ, и внутреннее изъ синихъ; красный цвѣтъ только мѣстами и составляетъ кайму, которая, можетъ быть, не относится къ оперенію.

Орнаментальныя бляшки представляютъ два типа рисунка: одинъ въ видѣ лилейной верхушки изъ бѣлыхъ вѣточекъ съ зеленою внутренностью и красною почкою, по среди двухъ акантовыхъ язычковъ, и другой въ видѣ розетки изъ четырехъ язычковъ и четырехъ сегментовъ съ городчатымъ орнаментомъ въ промежуткахъ. Сравнительно съ другими цѣпями, и рисунокъ, и краски условны и бѣдны, частію даже неуклюжи и грубы, какъ и вся цѣпь представляется плохою самодѣльщиною, по сравненію съ изящнымъ мастерствомъ другихъ цѣпей.

Цѣпь, изображенная на таблицѣ X, неизвѣстнаго точно происхожденія, но, по свидѣтельству А. А. Куника, хранителя Императорскаго Эрмитажа, гдѣ эта цѣпь нынѣ находится, Кіевскаго или Черниговскаго, что сходится и съ пошибомъ цѣпи, находящимъ себѣ много аналогій въ прочихъ кіево-сѣверскихъ кладахъ. Цѣпь отлично сохранилась, если не считать, что въ ней не достаетъ шести или восьми медальоновъ, и кромѣ того, мелкихъ связующихъ цѣпочекъ на плечахъ: быть можетъ, цѣпочки

Digitized by Google

А. С. Уваровъ выразилъ догадку [1]), съ которой мы никакъ не можемъ согласиться, что оно указываетъ на иноземное, не родное, и въ частности западное происхожденіе такихъ церемоніальныхъ цѣпей въ древней Руси. Во-первыхъ, общая исторія стилей и украшеній для XII — XIII столѣтій говоритъ намъ слишкомъ ясно въ пользу восточнаго источника ихъ, котораго слѣдуетъ, конечно, по преимуществу, доискиваться въ древностяхъ русскихъ, а во-вторыхъ, чтобы не ходить далеко, наши церемоніальныя цѣпи въ тѣхъ образцахъ, кои уже есть на лицо, носятъ столь опредѣленный византійскій характеръ, что съ наибольшею настойчивостью требуютъ отъ насъ руководиться формою, коль скоро мы ищемъ содержанія, иначе, основываться на наукѣ исторіи искусства, если работаемъ по археологіи.

Иное дѣло цѣпи *обрядовыя* или *церемоніальныя*: въ Московской Руси, при вѣнчаніи царя было въ обычаѣ возлагать на царя цѣпь *послѣ херувимской пѣсни* и у насъ давно сопоставляли этотъ обычай съ возложеніемъ на греческаго императора, съ наступленіемъ херувимской пѣсни, въ алтарѣ, священной фелони [2]). Но фелонь явно замѣнила въ поздней Византіи *оплечье* или *маніакій*, а шитое оплечье, въ свою очередь, заступило мѣсто древняго металлическаго *маніака*, или гривны (torques), которую варварскія дружины возлагали на своего «императора» случаемъ даже въ циркѣ, подымая его надъ войсками, на щитѣ [3]). Самое любопытное соотвѣтствіе церковной пѣсни и древняго народнаго акта выражено было именно воинскими эмблемами—гривною, цѣпью, оплечьемъ и фелонью или пенулою, колоколообразною одеждою съ капюшономъ. И потому сдѣланныя прежде догадки, что возложеніе цѣпи въ древней Руси составляетъ будто бы «подражаніе западному обычаю, по которому императоры и короли возлагали на себя орденскія цѣпи» [4]), плодъ недоразумѣнія: и русскій, и западный обрядъ ведутъ свое начало отъ той же Византіи.

Церемоніальныя или почетныя шейныя цѣпи древней Руси ведутъ свое начало отъ тѣхъ ожерелій (*monilia* въ собственномъ смыслѣ), которыя были нѣкогда неизмѣннымъ уборомъ воинственнаго варвара и составлялись не изъ бусъ или зеренъ жемчуга и драгоцѣнныхъ камней, какъ ожерелья женскія, но изъ разнообразныхъ по величинѣ и формѣ бляхъ, медальоновъ, подвѣсокъ и талисмановъ. Въ большинствѣ случаевъ такого рода бляшки и подвѣски носились на матерчатомъ шнурѣ, который безслѣдно истлѣваетъ въ могилѣ и оставляетъ зачастую подъ вопросомъ, какимъ образомъ устраивались иные уборы и предметы украшенія. Очевидно, также, что подобнаго рода украшенія часто могли имѣть временный характеръ, т. е. надѣваться на случай, тогда какъ другія, какъ напр. кресты у христіанъ и талисманы у мусульманъ, устраивались въ старину на металлическихъ цѣпочкахъ. Цѣпи, браслеты и ожерелья были обычными подарками варварамъ отъ византійскаго правительства въ V—VI вѣкахъ. Длинныя

---

[1]) Въ статьѣ «Суздальское оплечье», «Древности», томъ V, стр. 13.

[2]) Савваитова, П. И. 1-е приложеніе къ «Описанію старинныхъ царскихъ утварей», въ «Зап. Имп. Арх. Общ.» т. XI, стр. 592, см. также «цѣпь», стр, 564—5.

[3]) Константина Порфиророднаго «О церемоніяхъ», кн. I, гл. 91 и 92.

[4]) Прозоровскаго, «Объ утваряхъ, припис. Владиміру Мономаху», *Зап. Рус. Арх. Общ.* III, 1882, стр. 32, прим. 4.

Digitized by Google

Рис. 107—108. Пара серегъ изъ Кіевскихъ находокъ близь Десятинной церкви.

и фигурными изображеніями, употреблявшихся почти исключительно на югѣ и въ періодъ XI—XIII вѣковъ, но затѣмъ вызвавшихъ подражанія въ серебрѣ въ южной и сѣверной Россіи въ XIV—XV вѣкахъ, уже былъ предметомъ нашихъ подробныхъ разсужденій въ другомъ мѣстѣ [1]), и потому, повторяя кратко результаты нашего предъидущаго изслѣдованія, мы дадимъ здѣсь только новыя къ нему дополненія, не излишнія, въ виду безусловной важности этихъ оригинальныхъ, чисто русскихъ бытовыхъ и художественныхъ памятниковъ, столько же замѣчательныхъ и вложеннымъ въ нихъ внутреннимъ смысломъ.

Серьги колодочки составляются изъ двухъ выпуклыхъ, спаянныхъ и украшенныхъ эмалями щитковъ; широкая каемка на мѣстѣ спайки снабжалась скобочками, черезъ которыя продѣвалась проволока съ жемчужною нитью; подъ верхнею дужкою всегда дѣлается въ обоихъ щиткахъ желобчатая выемка, а въ ней узкая щель, формою похожая на чечевицу, позволяющая вкладывать внутрь что либо мягкое, напр. кусокъ хлопка; щель всегда была открытая и никогда надъ нею не было крышки, ни въ золотыхъ оригиналахъ, ни въ серебряныхъ подражаніяхъ; внутрь серегъ запихивался кусокъ хлопка, напитаннаго душистымъ масломъ, и такъ какъ серьга не продѣвалась въ ухо, но носилась около уха, подъ волосами, то и душила постоянно волосы.

Нагляднымъ и фактическимъ доказательствомъ такого назначенія серегъ колодочкою является ихъ византійскій варіантъ изъ собранія И. П. Балашева въ С.-Петербургѣ, пріобрѣтенный имъ въ Константинополѣ и издаваемый нами въ краскахъ на таблицѣ XIV въ 6 снимкахъ въ натуральномъ размѣрѣ и трехъ въ увеличенномъ. Сущность предмета и формы таже, что въ русскихъ серьгахъ, но византійскій оригиналъ идетъ отъ образцовъ, такъ сказать,

---

смѣшенія въ самомъ *русскомъ* языкѣ словъ: *колтъ* и *колодка*, хотя совершенно разнаго происхожденія, считаемъ нужнымъ сказать: первое слово *колтъ* означаетъ вещь, колыхающуюся, качающуюся, но обыкновенно *колтками* называли серьги, въ которыхъ на кольцѣ бывалъ укрѣпленъ длинный болтающійся язычекъ, или палочка съ насаженными внизу камнями, тогда какъ *колодка* отъ *клада* болѣе точно отвѣчаетъ данной полой формѣ калачика, которую имѣютъ наши серьги.

[1]) Въ соч. *Исторія и памятники византійской эмали. Собраніе А. В. Звенигородскаго.* Глава IV, стр. 310—352.

Digitized by Google

культурныхъ, а русскій—отъ варварскихъ, что отразилось на всемъ видѣ предмета: въ византійскомъ назначеніе полой внутренности яснѣе и форма ея характернѣе. А именно: здѣсь имѣется внутренняя колодочка или мѣшочекъ, похожій на выдолбленную жемчужину въ оправѣ изъ широкаго золотаго ободка; въ колодочкѣ 0,025 м. дл. и 0,02 м. толщины полой выпуклости. Съ лицевой стороны колодочка представляетъ выпуклый эмалевый лоточекъ или щитокъ, съ эмальированными орнаментами, заслуживающими вниманія, главнымъ образомъ, по тому, что въ нихъ вспоминается древнѣйшій способъ украшенія подобныхъ серегъ гранатовыми инкрустаціями; дѣйствительно, внутренній щитокъ имѣетъ видѣ лунницы, представляетъ темносиній фонъ, по которому исполнены бѣлые акантовые разводы съ красными ягодками или темнокрасными вѣтками; коймы же или орнаментированы бѣлыми и красными камушками по синему фону—древнѣйшій типъ эмали, или подобіемъ штучныхъ инкрустацій синихъ, голубыхъ и кирпичныхъ, стало быть въ стилѣ VII—VIII столѣтій. Съ оборотной же стороны мы находимъ здѣсь *ажурную имбрикацію* или особую прорѣзную рѣшеточку въ видѣ чешуекъ, сдѣланную изъ плетенія филигранью, совершенно гладкую, съ золотымъ зерномъ въ каждой петелькѣ. Именно эта рѣшеточка, прикрывающая душистый хлопокъ, и назначена была душить волосы и голову. Ободокъ серьги имѣетъ также много для насъ интереса тѣмъ, что весь выполненъ тончайшею сканью, въ простѣйшемъ рисункѣ разводовъ съ внутренними мелкими завитками, изъ ссученной пары нитей, расплющенной въ ленту и уложенной на поверхности крохотными вѣточками; но боковыя каемки изъ кружковъ и восьмерокъ выложены изъ *ленточной скани, той же фактуры, какъ и скань на Мономаховой шапкѣ*, для насъ еще доказательство южно-русскаго или византійскаго происхожденія послѣдней. По ободку сажены въ гнѣздахъ сирійскіе гранаты, въ формѣ овала, ромба, листа, сердечка—также вкусъ Византіи XI вѣка, указанный намъ историками. По наружному ободку расположены семь скобочекъ, витыхъ изъ скани и ажурныхъ, для продѣванія крупной жемчужной низки. Дужка имѣетъ то же самое устройство, что у русскихъ серегъ: а именно шарниръ сдѣланъ на одной сторонѣ, въ которомъ дужка свободно движется, притомъ движется по направленію къ головѣ, или внутрь, и далѣе: дужка эта также приподнята оваломъ, очевидно для того, чтобы серьга свободно качалась подъ тѣмъ предметомъ, къ которому она привѣшена (кикою? или кокошникомъ?), и затѣмъ на другомъ концѣ она застегивалась, входя внутрь колечекъ, проволокою; къ этому служили свободно висящія у дужки два колечка, по одному на каждой серьгѣ, не знаемъ: можетъ быть, отъ нихъ шла тонкая цѣпочка по груди, соединявшая обѣ серьги, что сначала имѣло особое практическое назначеніе, а затѣмъ стало дѣломъ обычая или моды.

Византійскій и русскій типы даютъ намъ указанія, гдѣ искать его источниковъ. Ихъ общій прототипъ принадлежитъ Сиріи и представляетъ серьгу въ видѣ калачика, или колечка, съ утолщенною нижнею частью: мы уже говорили, что эта форма сережнаго кольца натуральна въ издѣліяхъ изъ стекла, если не прямо отъ нихъ получила свое бытіе, но разъ напавъ на эту столь простую и осмысленную форму, мастера ее всячески стали разнообразить, усугубляя,

Digitized by Google

Рис. 109. Золотая серьга изъ Керчи.

спеціализируя тотъ же смыслъ. Серьга приняла видъ полулунія, или лунницы, мѣха виннаго, мѣшочка, съ разными имитированными способами закупориванія его отверстій по концамъ и пр., и какъ ни распространенъ этотъ типъ въ античныхъ древностяхъ, въ частности между древностями Босфора Киммерійскаго, всякая новая находка имѣетъ свой интересъ, почему мы и считаемъ нужнымъ издать новую находку этого рода въ Керчи, принадлежащую коллекціи А. Л. Бертье-Делагарда въ Одессѣ (рис. 109).

Рис. 110. Серьги изъ Тарса.

Далѣе мы уже говорили о томъ, какъ со временемъ выдѣлилась декоративная форма плоской лунницы, въ видѣ *мениска*, какъ говорили Греки, или нашей подвѣсной *цаты* («мѣсячной») къ иконамъ; для насъ важно въ особенности рѣзное украшеніе такихъ лунницъ двумя птичками, или двумя павлинами по сторонамъ чаши, креста, дерева и т. д., такъ какъ наши серьги переняли эту орнаментацію. Мы увидимъ, въ своемъ мѣстѣ, что эта орнаментальная форма принадлежитъ также Сиріи, перешла оттуда къ Коптамъ въ Египетъ и въ Малую Азію, а затѣмъ черезъ Византію была передана всему варварскому міру южнѣе Европы и встрѣчается разомъ въ Коптскихъ могилахъ, въ Тарсѣ (рис. 110), древностяхъ южной Россіи и Венгріи [1]), притомъ въ издѣліяхъ, почти не различающихся со сторонъ художественной и технической: а именно эти лунницы, видимо, выбивали насквозь и разомъ, помощью особаго штампа, изъ золотаго листа, и даже не шлифуя краевъ, пускали въ продажу. И мы, путемъ всякихъ косвенныхъ доказательствъ, приходимъ теперь къ окончательному выводу, что эти серьги идутъ изъ Сиріи. Именно тамъ серьги были издревле въ особой модѣ, и между тѣмъ, какъ въ Европѣ въ періодъ съ VI по XII вѣкъ ихъ употребленіе почти прекратилось,— въ Сиріи и на Востокѣ, и въ ближайшихъ къ Востоку странахъ Сѣвера, въ частности на Кавказѣ, въ Крыму и въ южной Россіи, продолжали существовать весьма разнообразныя формы этого украшенія [2]).

Вотъ почему должно съ особымъ вниманіемъ остановиться на прекрасной парѣ крохотныхъ золотыхъ сережекъ (рис. 111 и 112), происходящихъ изъ Майкопскаго отдѣла Кубанской области и поступившихъ въ 1895 году въ Императорскую Археологическую Коммиссію изъ хищническихъ раскопокъ кургана, среди другихъ любопытныхъ предметовъ золотаго погребальнаго убора, доставленныхъ, къ сожалѣнію, въ обрывкахъ; интересны одна пластинка отъ

[1]) Кромѣ указанныхъ вещей въ моемъ соч. объ *эмали*, см. изъ Моравіи и Зальцбурга, въ *Kunsthistorischer Atlas d. K. K. Central-Commission*. I, 1889, Taf. 98.

[2]) См. между прочимъ статью словаря Gay, *Glossaire archéologique*, v. *Boucles d'oreille*.

Digitized by Google

варварская серьга въ собраніи А. Л. Бертье-Делагарда (рис. 113, въ натуральную величину); при всей ея грубости, мы имѣемъ въ ней всѣ черты серьги колодкою «готскаго» типа, т. е. внутренняя выпуклая раковина покрыта съ лица щиткомъ, на которомъ въ лоточкахъ вставлены куски пиленаго граната, затѣмъ кайма щита и ободъ покрыты зернью городками. Серьги должны относиться къ IV—VI стол. по Р. Х.

Нѣсколько позднѣе, хотя немного, но по мѣсту происхожденія ближайшій памятникъ — пара серегъ изъ расхищеннаго кургана въ окрестностяхъ села Воздвиженскаго (рис. 114), Новогригорьевскаго уѣзда, Ставропольской губерніи (нынѣ въ Имп. Эрмитажѣ, Срв. отд.). Однако, интересъ этой пары (подобная въ собраніи графа С. Г. Строганова) въ ея отличительныхъ признакахъ: какъ и прочія вещи кургана, эти серьги были сдѣланы для похоронъ, грубо и наскоро выбиты, снабжены наколами, жгутиками, гнѣздами для гранатовъ, и притомъ составляютъ только орнаментальное подобіе серегъ — колтовъ, т. е. здѣсь вовсе нѣтъ полой внутренности, вся серьга выбита изъ плоскаго листа, и только имитируетъ мѣшочекъ, при чемъ, однако, даже наборы зернью сохранены, также жемчужины на спняхъ, проволоки которыхъ прикрыты трубочками и т. д. Словомъ, мы находимъ здѣсь всѣ детали, напр. серьги изъ сел. Кайбалы, но не находимъ самой сущности—самыхъ колодочекъ, и это обстоятельство могло бы служить для насъ наиболѣе нагляднымъ урокомъ того, какъ осторожно должно относиться къ погребальнымъ уборамъ, особенно изъ золота, чтобы не принимать имитацій за реальную обстановку и потому, каждый разъ, аналитически сообразовать форму вещи съ ея практическимъ назначеніемъ.

Пара подвѣсокъ изъ бѣловатаго золота и особенно крупнаго размѣра, происходящихъ изъ колоніи Михаельсфельдъ (рис. 115—6), близь Анапы, Кубанской области, должны быть названы теперь на первомъ мѣстѣ, то есть ранѣе экземпляра изъ сел. Кайбалы, Самарской губерніи [1]), бывшаго немного ранѣе единственнымъ образцомъ прототипа нашихъ позднѣйшихъ серегъ—колтовъ. Первое мѣсто принадлежитъ Кубанской парѣ, потому что она всѣхъ ближе къ поздне-египетской подвѣскѣ изъ Лувра [2]), принятой нами, уже по древнему типу изображеннаго на ней тонкою филигранью копчика, за наиболѣе ранній образецъ. Въ дѣйствительности, и здѣсь уже не находимъ въ формахъ вещи ея назначенія служить мѣшечкомъ для душистаго клочка хлопчатой бумаги, долженствующаго душить косу: на это назначеніе указываетъ, но его явно не выполняетъ средняя выемка, или углубленный лоточекъ, украшенный, какъ будто застежною пуговкою, гнѣздомъ камня (или цвѣтнаго стекла), окаймленнымъ филигранью. Въ экземплярѣ изъ Кайбалы, на мѣстѣ такого углубленія, сдѣлана узкая прорѣзь, видимо, едва вспоминающая основную форму, открываемую въ византійскихъ серьгахъ И. П. Балашова. Впрочемъ, обѣ пары болѣе сходны по типу, чѣмъ различны по орнаменту. Именно, лунный щитокъ, основа всего украшенія, потомъ назна-

[1]) Изданнаго нами въ соч. «Исторія и памятники византійской эмали. Собраніе А. В. Звенигородскаго», рис. 96—7.

[2]) Тамъ же, рис. 98, изъ Fontenay, *Les bijoux anciens et modernes*, 1887, стр. 138. Вещица сдѣлана изъ листоваго золота, должна быть предметомъ погребальнаго убора и относится къ эпохѣ послѣ Р. Х.

Digitized by Google

фонъ, и по немъ тончайшій филигранный ободокъ. На ободѣ нигдѣ инкрустацій нѣтъ. Далѣе, съ лица одной серьги имѣются четыре (изъ 5) крохотныхъ гнѣздъ съ зернами цвѣтнаго стекла, а въ выемкѣ одно стекло въ кругломъ гнѣздѣ, и стеклышки въ репьяхъ, съ филигранными ободками, украшающими бока этой выемки. Наконецъ, подвѣсная дужка серьги состоитъ въ двухъ ручкахъ съ отверстіями на верху, черезъ которыя проходившая проволока укрѣпляла серьгу въ ея подвѣскѣ. Любопытно, что внутренняя сторона ручекъ у одной серьги сдѣлана полою для того, чтобы принять тоже цвѣтную накладку.

Большая (рис. 117) серьга-колтъ, 0,05 м. въ поперечникѣ, изъ Симбирской губ., пріобрѣтенная отъ частнаго лица, представляетъ дружку для извѣстной ранѣе (въ Оружейной Палатѣ въ Москвѣ) серьги изъ Кайбалы, не только по типу и деталямъ формы, но и по самой фактурѣ. Ея оригинальный видъ нѣкогда усложнялся жемчужинами, сидѣвшими внутри поддужной выемки, какъ видно изъ дырочки, чрезъ которую пропущенъ былъ шпенекъ, на которомъ онѣ сидѣли. Но вставныхъ пиленыхъ гранатъ не было и не только въ рѣшетчатомъ ободкѣ, но и въ лунницѣ, гдѣ обычные разводы сдѣланы такъ небрежно, такъ условно подражаютъ прежнимъ ячейкамъ для гранатъ, а теперешнія ячейки настолько глубоки и совершенно чисты отъ всякой мастики, укрѣплявшей накладку или служившей для нея фономъ, дномъ, что мы полагаемъ необходимымъ думать, что здѣсь имитація формъ почему то совсѣмъ не знала самихъ инкрустацій. И наконецъ, припаянная зернь, въ своемъ обычномъ видѣ жемчужныхъ пронизокъ и бисерныхъ треугольничковъ, носитъ такой ясный характеръ погребальнаго убора, исполненнаго ad hoc, на случай, безъ всякихъ слѣдовъ ношенія, съ фабричными тонами свѣже-отлитой зерни и нарѣзанныхъ золотыхъ листовъ, что и эту серьгу мы считаемъ погребальною имитаціею дѣйствительнаго типа. Мы упоминаемъ здѣсь эту серьгу только ради близости ея находки къ серьгѣ изъ Кайбалы, ранѣе другихъ ставшей извѣстной.

Такимъ образомъ, эта послѣдняя серьга (рис. 118—9) изъ упомянутой находки въ Кайбалахъ, безслѣдно пропавшей, становится уже позади всѣхъ въ серіи памятниковъ этого

Рис. 117. Серьга изъ Симбирской губ.

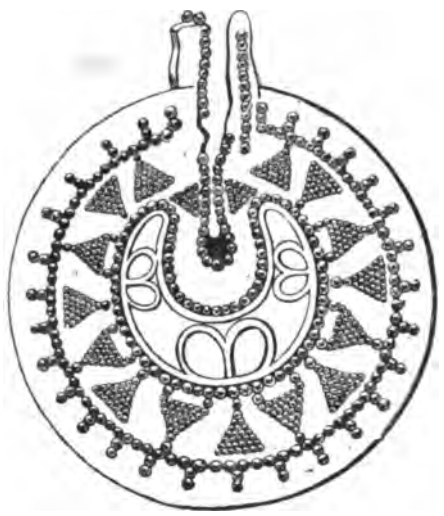


Рис. 118. Серьга изъ сел. Кайбалы.

Рис. 119. Серьга изъ сел. Кайбалы.

Digitized by Google

бутономъ въ срединѣ; на оборотѣ кружокъ съ крестообразною эмалевою орнаментикою и два сегмента или отрѣзки вѣнчика съ обычными аканѳовыми разводами.

Мы посвятили выше достаточно времени на разсмотрѣніе всѣхъ золотыхъ эмальированныхъ серегъ колодочекъ кіевскаго, рязанскаго и владимірскаго происхожденія и намъ остается лишь дополнить эти свѣдѣнія впослѣдствіи исторіею дальнѣйшаго развитія того же типа въ серебряныхъ серьгахъ XII—XIV столѣтій, оказавшихся въ различныхъ кладахъ.

Перстни встрѣчены во многихъ кіевскихъ кладахъ, какъ то: въ находкахъ сороковыхъ годовъ (рис. 69—73); въ кладѣ Лѣскова 1876 г. замѣчательный перстень со львомъ; въ кладѣ Е корскаго разомъ шесть серебряныхъ перстней съ штампованными рѣзными крестиками, од также со львомъ, и одно кольцо съ камнемъ; въ усадьбѣ Гребеновскаго при діадемѣ зался золотой перстень съ рѣзнымъ изображеніемъ архангела и пр. Напротивъ того русскомъ Сѣверѣ перстни встрѣчаются или встрѣчались доселѣ *очень рѣдко*, а имен можемъ указать только въ Рязанскомъ кладѣ 1822 года перстень, имѣющій осо форму и особое значеніе. На инородческомъ Востокѣ вообще, въ частности же, на Р Камѣ, въ Великихъ Болгарахъ и пр., весьма обильны кольца съ камнями, по ществу съ кораллами (обыкновенно выцвѣтшими), но совершенно отсутствуютъ пе печатками. Если же мы всмотримся въ рядъ кіевскихъ перстней, то ихъ зн большинство относится къ разряду византійскихъ серебряныхъ перстней съ печат тѣхъ служебныхъ перстней или, скорѣе, печатей, которые должны были по древней Руси, вмѣстѣ съ грамотою, торговыми договорами и юридическими словомъ съ греческою культурою, и притомъ въ Кіевской Руси, по преимуще

Сообразно съ этимъ, большинство перстней представляетъ простое глад напаянной сверху широкою, плоскою печаткою, овальной, круглой, шестиуго ной, крестообразной и ромбоидальной формы; внутри щитка печати, въ каймѣ, обыкновенно углубленной, сдѣланъ рѣзьбою крестъ, простой, мо орнаментальный, или даже прямо оставлено поле для того, чтобы вырѣз ціалы именной печати (но этого часто не сдѣлано) въ лавровомъ вѣнк бордюрѣ. Очевидно, печать Кіевскаго клада 1889 г. въ усадьбѣ Гребен 13, рис. 86—7), съ изображеніемъ архангела, принадлежала духовной ос только золотая, но и художественно украшена по цвѣточной чашечкѣ дами византійскаго орнамента. Одинъ изъ перстней Кіевскаго университет № 1235 (рис. 71) и оба перстня находки 1889 года въ усадьбѣ сложную монограмму, другіе перстни представляются тоже «именными» въ собраніяхъ князя Трубецкого относятся къ разряду базарныхъ именнымъ печатямъ, потому что на ихъ печаткахъ чернью сдѣланъ разводъ, пальметка и т. под.

Наряду съ такими служебными перстнями кладовъ, преимуще вили и образцы колецъ съ камнями: оба золотыя кольца изъ клад

Digitized by Google

и,
въ
аго:
ъ же
ъ видѣ

рестиковъ,
ой 1865 г.,
и, см. таб. I,
–19, и нако-
жерелье и най-
экз.) въ Исто-
. Городище, также
кой губ. [4]).
кновенную вѣточку
оптскихъ рукописяхъ
ь это уже или пальма,
ъ птицы, или вообще
матичной опредѣленности.
западное и восточное искус-
дѣлиться и разработать свой
повторений этой декоративной
цъ по сторонамъ древа, вѣтки
. Насколько лилія стала здѣсь
II вѣкахъ сталъ обычнымъ декора-
фантастическихъ животныхъ, сплет-
ейнымъ (копейнымъ) верхомъ, кото-
птицъ, а этой детали не понималъ

. *изд. Имп. Арх. Комм.*, № 14. 1893, таб. X, 12.
б. 155, 7, заставки рукописей и рисунокъ крестика

1231, 4187, 1181.

ristiana, IV, 238, 262, 231.

Digitized by Google

съ подвѣсками въ видѣ буллъ, лунницъ, орнаментальныхъ бляшекъ; одна низка составлена изъ 51 полуцилиндра, съ такою же точно подпайкою, съ подобными перехватцами, но съ тою существенною разницею, что полуцилиндрическія палочки подвѣшены всѣ на шарнирахъ, чтобы служить уже головною повязкою. Существенное свойство подобныхъ ожерелій—издавать легкій звонъ при движеніяхъ головы, шеи и груди (ожерелья эти болѣе лежатъ на груди). Между различными коллье, носимыми на турецкомъ Востокѣ [1]), встрѣчаемъ подобные наборы гремящихъ низокъ очень нерѣдко, и даже форма полуцилиндра и его орнаментаціи болѣе или менѣе сохраняется. Однако, всѣ эти и имъ подобныя формы отличаются, очевидно, тѣмъ отъ нашихъ низокъ, что все это головныя повязки, на колечкахъ, шарнирахъ и пр., тогда какъ наши ожерелья составляются изъ низокъ, соединенныхъ нитями, значитъ, представляютъ скорѣе плотную повязку, какъ будто укрѣпленную на лентѣ, тесьмѣ, или даже ремнѣ, а не свободно движущуюся низку обыкновеннаго типа. Такая оригинальная форма металлической повязки изъ низокъ, очевидно, должна быть объяснена подражаніемъ женскаго убора ременнымъ мужскимъ пояснымъ наборамъ и даже конскимъ. Дѣйствительно, точь въ точь такіе наборы на широкихъ тесьмахъ конской упряжи видимъ въ Ассиріи [2]). Въ находкахъ Симбирской губ., Сызранскаго у., села Губина, встрѣчаемъ ремень съ подобнымъ наборомъ, укрѣпленнымъ при помощи штифтовъ и петлей: поразительно тождество орнаментаціи этихъ полуцилиндровъ, найденныхъ съ поздними (XIII—XIV в.) перстнями, пряжками. Въ Музеѣ Гельсингфорса изъ Кальмисто мы видѣли много ремней съ бронзовыми наборами того же типа. Повидимому, наши низки ведутъ свое происхожденіе отъ женскихъ уборовъ южныхъ кочевниковъ, Половцевъ или Печенѣговъ, если судить также потому, что ожерелья эти встрѣчаются почти исключительно на Югѣ и притомъ спускаются замѣтно южнѣе Кіева. Грубость этого украшенія, напоминающаго восточныя погремушки, навѣшенныя вокругъ головы, шеи, рукъ, видна и въ манерѣ его орнаментаціи, котерая воспроизводитъ въ металлическомъ чеканѣ самыя простыя нарубки на деревянныхъ палочкахъ: имитація доведена до рабскаго воспроизведенія всѣхъ подробностей рѣзьбы въ деревѣ.

Какъ уже было замѣчено, мы имѣемъ въ виду продолжать начатое здѣсь описаніе кладовъ и связанное съ нимъ изслѣдованіе художественныхъ, бытовыхъ и культурно-общественныхъ формъ въ русскихъ древностяхъ, какъ случайно сохраненныхъ кладами, такъ и намѣренно курганами и могильниками, и предполагаемъ разсмотрѣть въ слѣдующемъ выпускѣ этого труда клады Гнѣздовскій и Невельскій, Курско-Орловскіе, Владиміро-Суздальскіе, приволжскіе, пермскіе и др. Мы попытаемся тамъ войти въ разсмотрѣніе разнообразныхъ формъ и предметовъ, связанныхъ съ господствомъ ранняго грековосточнаго стиля и распространеніемъ новаго стиля арабскаго, а также ознакомимся съ позднѣйшимъ сліяніемъ слоевъ восточно-азіатской культуры съ формами, шедшими съ культурнаго юга въ періодѣ великокня-

---

[1]) Racinet *Le costume historique*, pl. 140, fig. 12, 22, 23: double cordonnet изъ двухъ рядовъ желудеобразныхъ низокъ, которыя сверху представляются, по словамъ издателя, rondes bosses, тогда какъ leur revers est en plaquette.

[2]) Perrot et Chipiez, *Histoire de l'art, Chaldée* p. 562, 767, fig. 440.

Digitized by Google

жескій; туда же войдетъ разсмотрѣніе и многихъ формъ, здѣсь частію затронутыхъ въ текстѣ или даже изображенныхъ на приложенныхъ таблицахъ, какъ напр. серебряныхъ витыхъ и пластинчатыхъ браслетовъ съ фигурными фризами, звѣздчатыхъ серегъ и гривенъ, которыя должны быть изслѣдованы среди другихъ варіантовъ и въ связи съ группою родственныхъ древностей.

Рис. 121. Крестъ-складень изъ Херсонеса (об. рис. 25).

Digitized by Google

Рис. 122. Миніатюра изъ греч. рукописи [illegible] Іоанна [illegible] Іуда и [illegible] брошенной въ огонь горесть нахлынувъ [illegible].

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Рукопись, изъ которой фотографическимъ способомъ были сняты четыре миніатюры, здѣсь изображенныя во фронтисписахъ главъ, находится въ Національной Библіотекѣ Мадрида за № 5 з 22, имѣетъ латинское заглавіе, одинаковое съ греческимъ заголовкомъ въ началѣ текста: «Синопсисъ Исторіи отъ восшествія на престолъ Никифора до царствованія Исаака Комнина, составленный Іоанномъ Скилицею, Куропалатомъ и Великимъ Друнгаріемъ Вигды», и состоитъ изъ 234 листовъ in fol перг., съ начальнымъ на каждомъ листѣ. Текстъ, какъ извѣстно, составляетъ въ значительнѣйшей части простой списокъ съ хроники Кедрина, хранящій подъ именемъ Іоанна Куропалата и, повидимому, рано украшенный иллюстраціями: подъ тѣмъ же именемъ изданъ былъ въ Венеціи въ 1570 г. Габіемъ и рецензированъ Фабриціемъ въ 6 томѣ, на стр. 387. Мы не знаемъ, былъ ли данный списокъ пересматриваемъ въ послѣднее время и не заключаетъ ли онъ въ себѣ какого либо интереса со стороны хотя нѣкоторыхъ данныхъ приписей миніатюръ съ миніатюрами, хотя онѣ, повидимому, повторяютъ только текстъ, ради удобства разсматриванія, окружающій рисунки.

Рукопись написана вразъ одною рукою въ XIV вѣкѣ, но миніатюры исполнены нѣсколькими руками и съ раннихъ оригиналовъ, болѣе раннихъ и позднѣйшихъ, а какая либо часть, конечно, худшая, и была здѣсь исполнена вновь для даннаго списка. Миніатюры отъ 1 до 87 листъ представляютъ отличную живопись строгаго византійскаго рисунка, XII вѣка, безъ фоновъ, въ видѣ виньетокъ. Съ 87 по 96 листъ вовсе нѣтъ иллюстрацій. Съ 96 листа миніатюры пишутся крупнѣе, темнѣе и грязнѣе въ краскахъ, но за то и

Digitized by Google

характернѣе, съ чертами натурализма. Съ листа 157 по 187 идутъ миніатюры третьей руки, рѣзко разнящіяся отъ предъидущихъ: архитектурныя композиціи здѣсь очень сложны, отличаются прекраснымъ исполненіемъ, но въ то же время чисто византійскій утонченный характеръ миніатюръ уступаетъ мѣсто иному, народному типу, замѣтному въ господствѣ красной краски, легкихъ тонахъ моделлировки тѣла, румянцѣ щекъ, господствѣ рыжихъ и каштановыхъ волосъ, отсутствіи оливковыхъ тоновъ въ изображеніи тѣла. Вмѣстѣ съ тѣмъ сюжеты и сцены отличаются смѣлостью, живыми позами, и очень близко напоминаютъ раннюю итальянскую живопись XIII—XIV вѣка. Въ рисовкѣ вовсе исчезаютъ прежнія схемы, появляются игрушечныя, дѣтскія фигуры, одежды передаются общими чертами, безъ всякой шраффировки, бликовъ и ломанныхъ складокъ. Можно думать, что рукопись въ этой части иллюстрирована была по какому либо древнему оригиналу. Съ листа 194 по 219 идутъ дурные рисунки, мало имѣющіе интереса, но того же характера, что на листахъ 96—155. Съ листа 219 до конца повторяется манера миніатюриста листовъ 155—187, но худшаго исполненія. Почему рукопись иллюстрировалась по частямъ и безъ послѣдовательности, мы не можемъ догадаться, хотя можемъ указать, что съ 155 листа начинается исторія царствованія I. Цимисхія, а съ 196 листа—Константина.

Въ числѣ иллюстрацій множество интересныхъ съ различныхъ точекъ зрѣнія: л. 10—об. царя Михаила поднимаютъ на щитѣ; на л. 14 представленъ хрисотриклиній съ коническимъ верхомъ; на 17—дворецъ Буколеонъ со статуями льва и быка по сторонамъ зданія, согласно тексту; на 43—Θеофилъ подъѣзжаетъ къ Влахернскому храму; л. 44-5—исторія Θеодоры, почитательницы иконъ; л. 65—бронзовая статуя о трехъ головахъ; л. 83 об.—Церковь Діомида; л. 103 об.—чудо съ Евангеліемъ передъ архонтомъ Руссовъ (здѣсь воспроизведено въ рис. 122); л. 130—флотъ Руссовъ; л. 135—пріемъ Ольги (см. рис. къ I гл.), сбоку дворца надпись, называющая «жену архонта Россовъ» Ἔλγα; л. 145—въѣздъ Никифора Θоки; л. 157—царскій дворецъ; л. 161 об.—Печенѣги; л. 167—Ромеи гонятся за Россами; л. 170—Святославъ внутри дома совѣтуется со своими; л. 171—Переговоры Цимисхія со Святославомъ (см. рис.); л. 172—Свиданіе Цимисхія со Святославомъ; л. 173—Печенѣги убиваютъ Святослава и дружину; нал. 225—6 въ рядѣ миніатюръ представлена исторія нападенія Россовъ на Византію при Константинѣ Мономахѣ, переговоры съ княземъ Владиміромъ и пр.

Если выдѣлить свойственную византійскимъ миніатюрамъ условность, воспроизводимыя нами сцены изъ древнѣйшей русской исторіи не могутъ не представить своеобразнаго интереса, но входить въ разборъ разнообразныхъ особенностей представленія сѣверныхъ варваровъ, съ точки зрѣнія исторіи византійской миніатюры, было бы здѣсь излишне.

По случаю высказаннаго мною на стр. 163 мнѣнія, что слово *бахрома* означало кайму изъ *пурпуровыхъ* прядей, В. Г. Тизенгаузенъ сообщилъ мнѣ слѣдующее. «Не зашло ли къ намъ это слово съ Востока? на арабскомъ языкѣ глаголъ *бахрама* значитъ: *окрашивать въ темнокрасный цвѣтъ*, а имя существительное *бахрам* цвѣтокъ хенны (lawsonia inermis), употребляемый для такой окраски. Ярко-красный яхонтъ, т. е. рубинъ, арабы называли *бахрамнымъ яхонтомъ* (эльякут эльбахрамани). См. Clément-Mullet, Essai sur la minéralogie arabe (Journ. Asiat. 1868, I), стр. 32—33. *Dozy*, Supplément aux dictionnaires arabes (Leyde, 1884), I, 122. Въ такомъ-же значеніи слово это является и въ персидскомъ языкѣ. См. Vullers, Lex. Pers.-Lat. I, 285, подъ словомъ *бахраман*: lapis quidem pretiosus rubri coloris, rubinus.

Digitized by Google

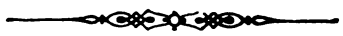
Оглавленіе.

стр.

Глава I. Предметные клады русскихъ древностей домонгольскаго періода и ихъ значеніе для русской археологіи.—Необходимость изслѣдованія древностей этого періода на основаніи господствовавшихъ въ предѣлахъ Россіи художественныхъ стилей. — «Арабскій стиль». — Орнаментика турьихъ роговъ Черниговскаго кургана. — Вопросъ объ источникахъ «звѣринаго стиля». — Связи древней Руси съ культурою передне-азіатскаго Востока.—Арабскій стиль въ древностяхъ скандинавскихъ и отношеніе ихъ къ русскимъ. — Греко-восточный стиль IX — X стол., извѣстный издревле подъ именемъ Корсунскаго.—Памятники Корсунскаго дѣла въ южной Россіи.—Русско-византійскія древности XI—XII столѣтія.—Техника древне-русской перегородчатой эмали.—Сканное дѣло въ XI и XII вѣкахъ. — Сканное мастерство Мономаховой шапки и вопросъ о ея древности и происхожденіи.—Необходимость изученія русско-византійскихъ древностей на основѣ древностей Византіи, какъ источника важнѣйшихъ формъ личнаго церемоніальнаго убора и связанныхъ съ нимъ общественныхъ отношеній 1

Глава II. Описаніе кладовъ: Рязанскаго 1822 г., Кіевскаго 1824 г., Кіевскихъ кладовъ: 1838 г., 1846 г., Чернигова 1850 г., Кіева: 1872 г., 1876 г. въ усадьбѣ Лѣскова, 1876 г. въ усадьбѣ Чайковскаго, 1880 г., съ Б. Житомірской улицы, 1882 г., Чернигова 1883 и 1887 гг., Кіева 1885 г. въ усадьбѣ Есикорскаго, Переяславля 1885 г., Кіевской губ. Каневскаго у. 1886 г. и 1888—9 гг., Кіева: въ усадьбѣ Златоверхо-Михайловскаго монастыря 1887 г., 1889 г. изъ усадьбы Раковскаго, 1889 изъ усадьбы Гребеновскаго, 1890 г. изъ окрестностей Черкасъ, 1892 г. и 1893 года 83

Глава III. Художественно-историческій разборъ отдѣльныхъ бытовыхъ и церемоніальныхъ предметовъ, формъ украшенія и уборовъ мужскихъ и женскихъ въ русскихъ древностяхъ домонгольскаго періода. — Княжеская женская діадема.—Гривны (бармы) и вообще нагрудныя украшенія въ ихъ отношеніи къ византійскимъ. — Цѣпи церемоніальныя и служебныя. — Серьги въ формѣ колодочки или колты, украшенныя эмалью и чернью.—Перстни.—Браслеты.—Прочія украшенія.—Приложеніе 145



Digitized by Google

Digitized by Google

Кладъ, найденный въ 1885 году въ Кіевѣ въ усадьбѣ г. Есикорскаго, близъ Софійскаго собора. И Эрмитажъ.

Digitized by Google

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

14

15

16

17

18

19

20

21

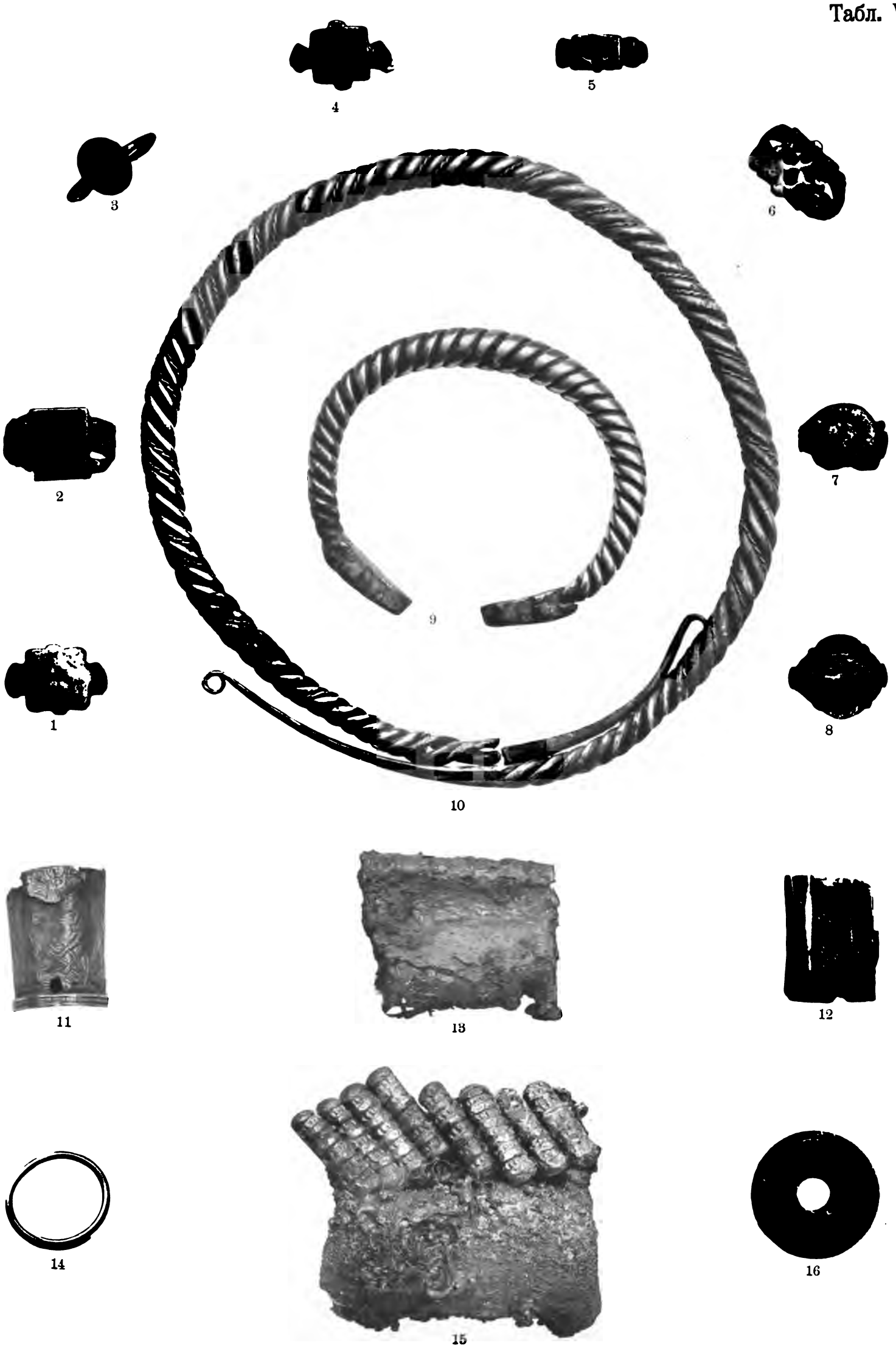
22

23

Кладъ, найденный въ 1885 г. въ Кіевѣ въ усадьбѣ г. Есикорскаго, близъ Софійскаго собора. Импер. Эрмитажъ.

Digitized by Google

Digitized by Google



Кладъ, найденный въ 1885 г. въ Кіевѣ въ усадьбѣ г. Есикорскаго, близъ Софійскаго собора. Импер. Эрмитажъ.

Digitized by Google

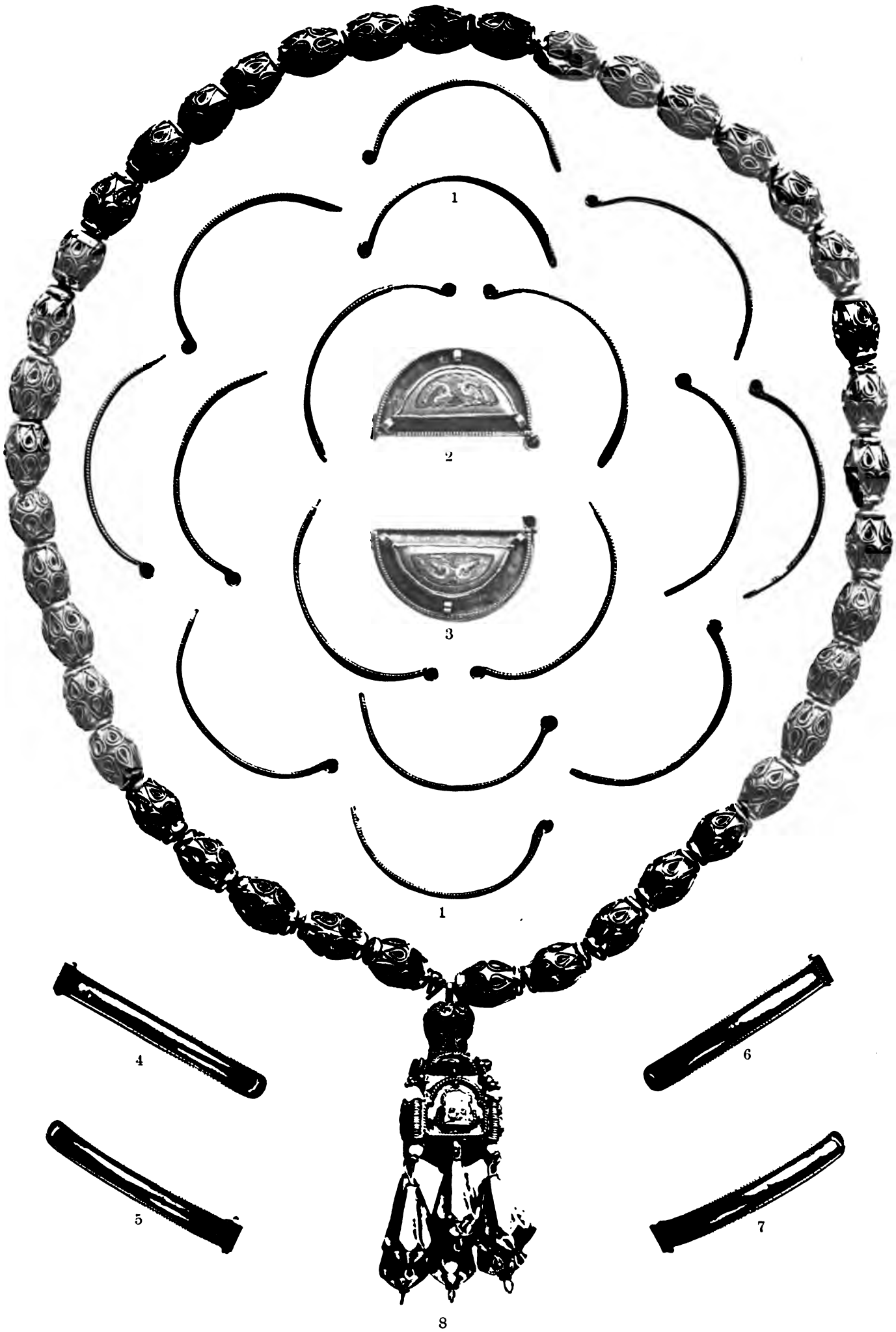
Digitized by Google

Кладъ, найденный въ Кіевѣ, въ оградѣ Михайловскаго монастыря, въ 1887 г. Императ. Эрмитажъ.

Digitized by Google

Лит. К. де Кастелли В.О. 11 л. № 22 С.П.Б.

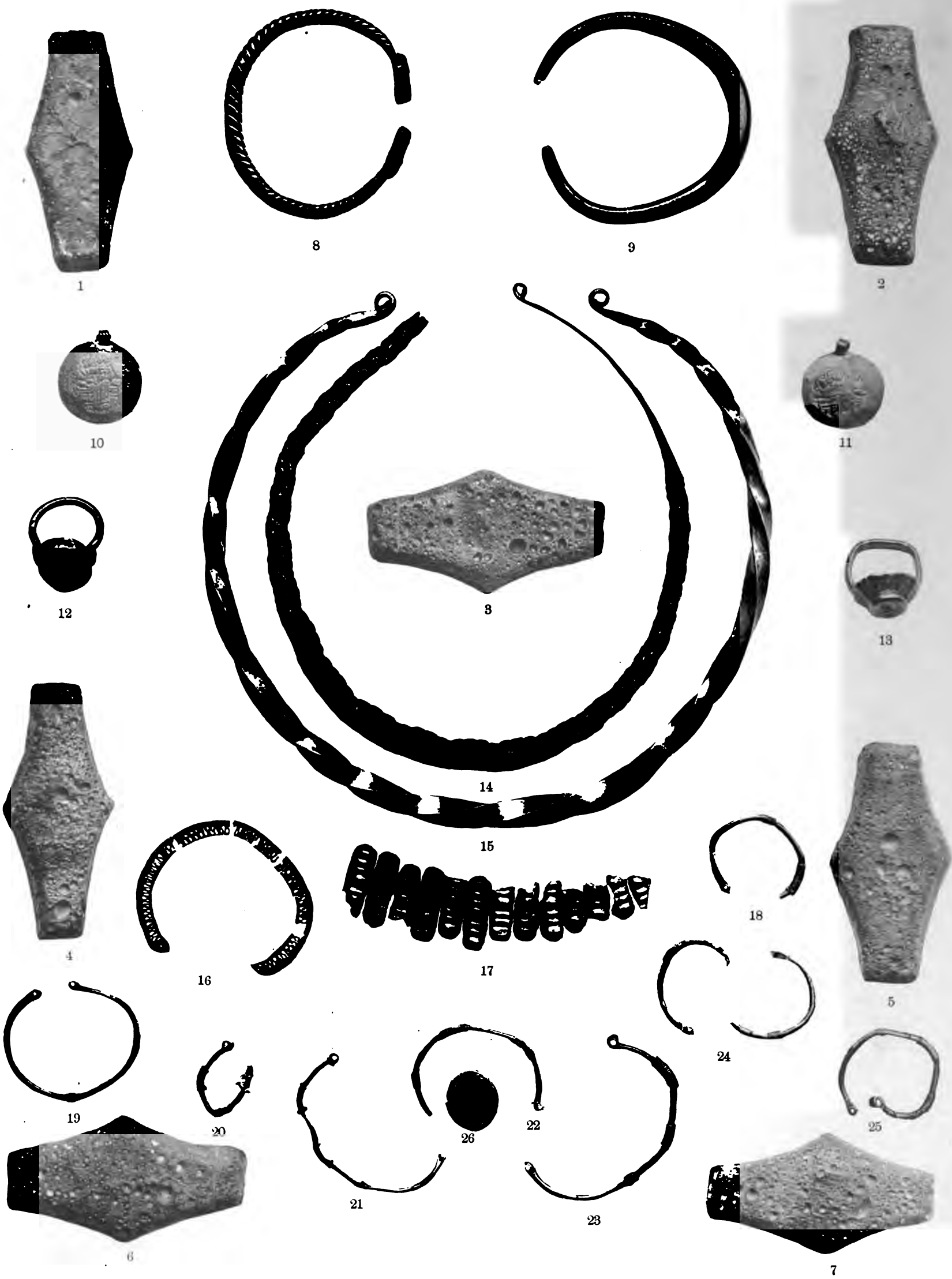
Digitized by Google



Digitized by Google

Кладъ, открытый въ Кіевѣ въ оградѣ Златоверхо-Михайловскаго монастыря, въ 1887 году. Импер. Эрмитажъ.

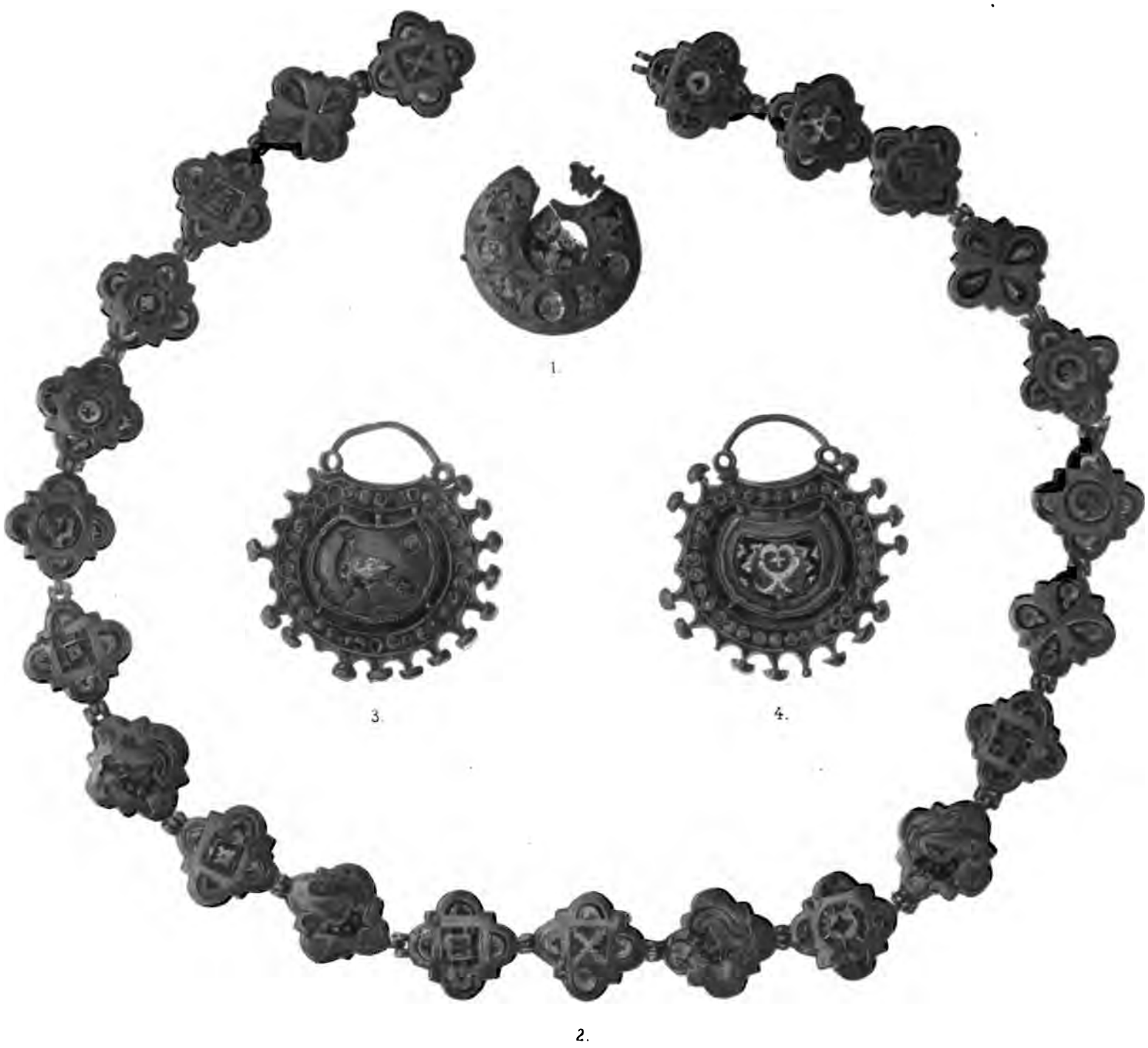
Digitized by Google



Предметы изъ клада, найденнаго въ 1889 г. въ Кіевѣ, въ усадьбѣ г. Гребеновскаго.

Digitized by Google

Digitized by Google

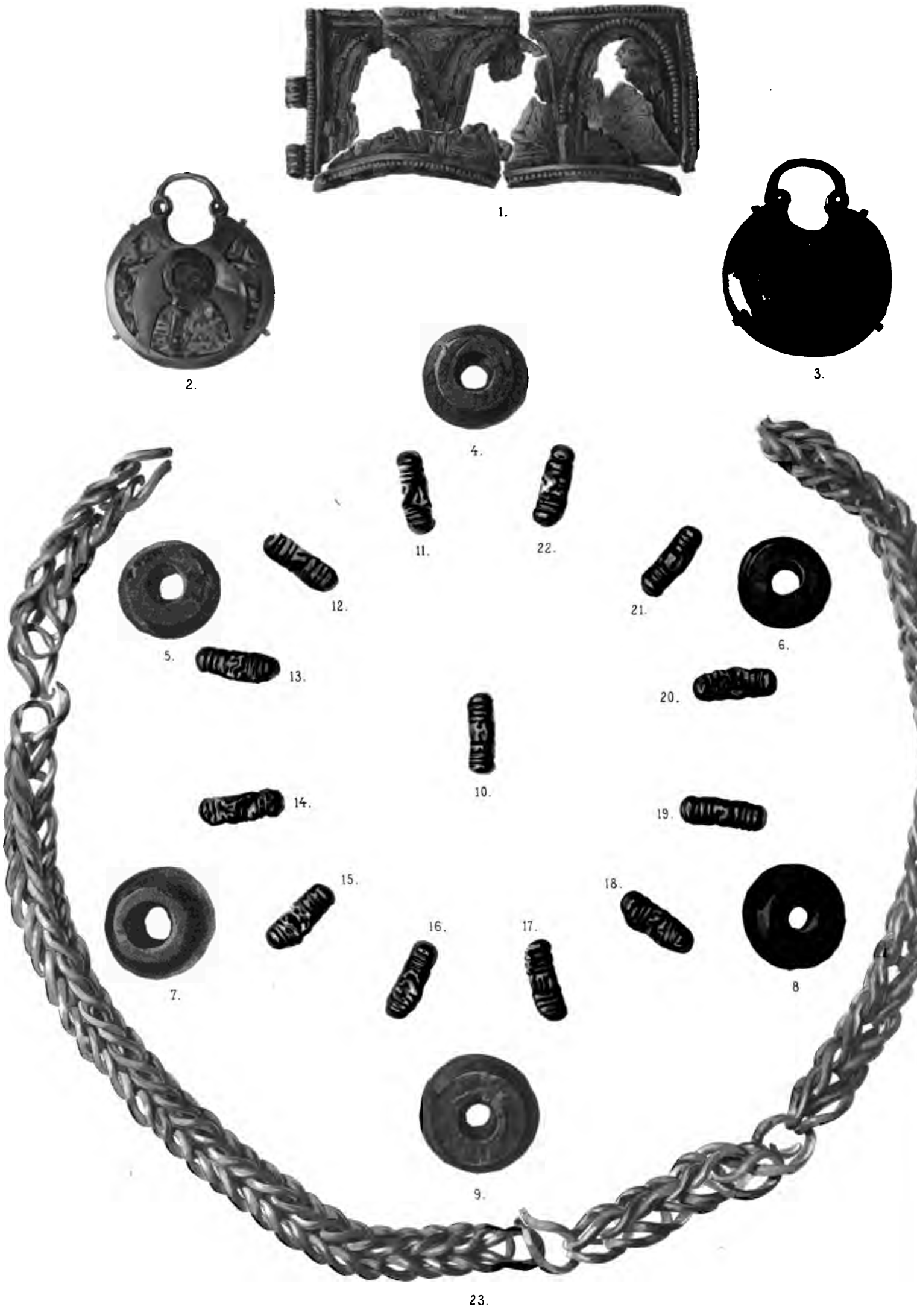


Цѣпь и серьги изъ клада, открытаго въ 1827 г. въ Кіевѣ, въ домѣ Августиновича на Львовской ул. Импер. Эрмитажъ.

Лит. К. де Кастелли В. О. 11 д. № 22. С.П.Б.

Digitized by Google

Digitized by Google



Кладъ, найденный 1887 г. въ г. Черниговѣ, на Александровской площади.

Импер. Эрмитажъ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Кладъ древностей, открытый въ 1885 г. въ г. Переяславлѣ Полтавской губ. Импер. Эрмитажъ.

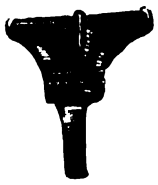
Digitized by Google

Digitized by Google

1.

3.

2.


4.

5.

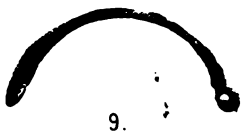
6.

12.

7.

8

14.


9.

10

13.

16.

15.

11.

18.

17.

19.

Кладъ открытый въ 1876 г. въ усадьбѣ Лѣскова, на углу Десятинной ул. въ Кіевѣ.

Digitized by Google

Digitized by Google

1.

2.

3.

4.

5.

Кладъ, найденный въ 1822 г. въ Старой Рязани и извѣстный подъ именемъ древнихъ „Рязанскихъ бармъ“.

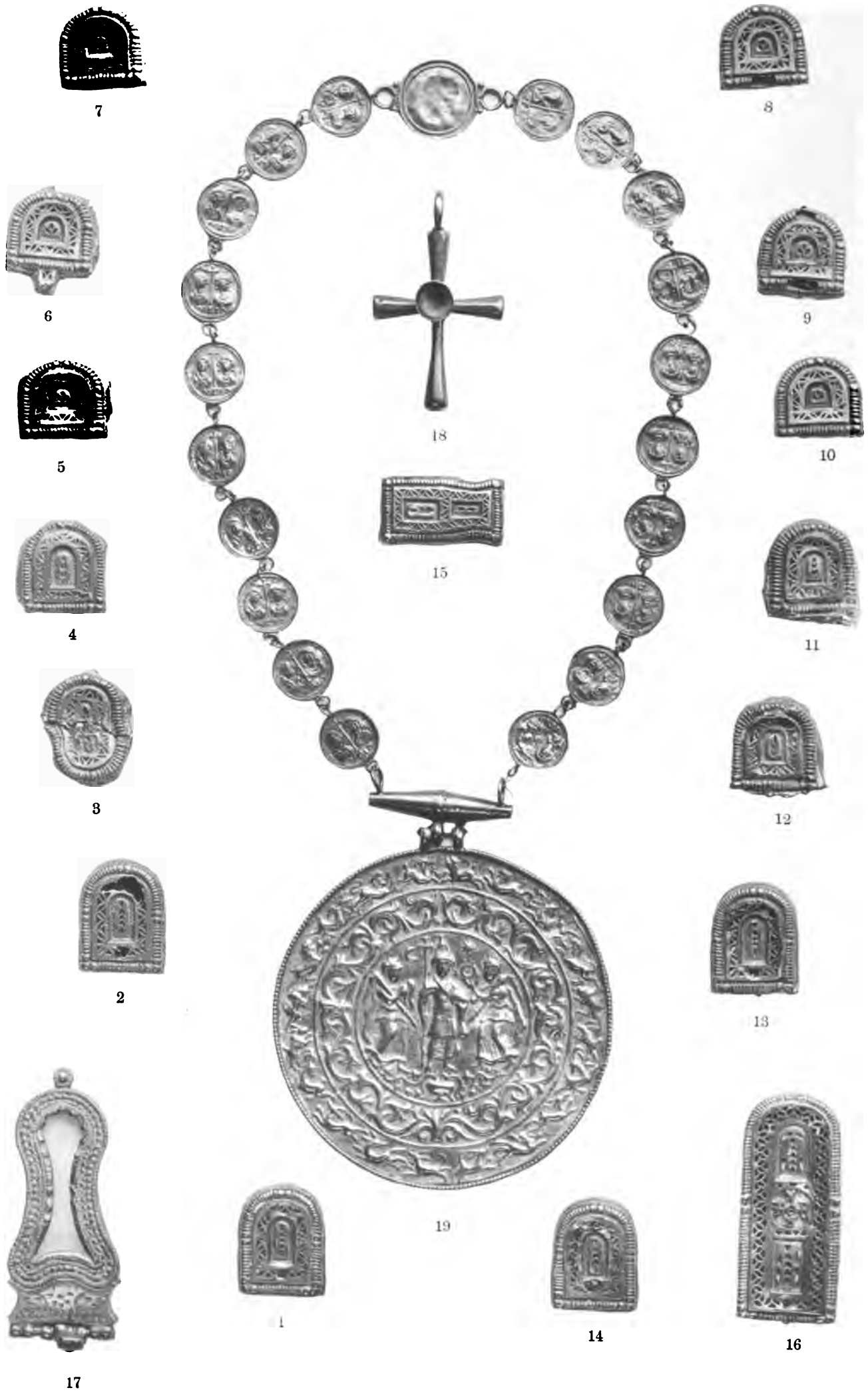
Digitized by Google

Digitized by Google

Предметы золотаго варварскаго убора VII вѣка изъ Мерсины (близь развалинъ Тарса), поднесенные Государю Императору Александру III. Императорскій Эрмитажъ.

Digitized by Google

Digitized by Google



Предметы золотаго варварскаго убора VII вѣка изъ Мерсины (близъ развалинъ Тарса), поднесенные Государю Императору Александру III. Императорскій Эрмитажъ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Шапка Мономахова: общій видъ и снимокъ одной пластинки въ натур. вел.

Digitized by Google

ФОТОТИПІЯ А. И. ВИЛЬБОРГЪ С.П.Б. ИЗД. IV.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

C.1
Libraries
107 662

DK
30
.K65
f
v.1

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(415) 723-1493

All books may be recalled after 7 days

DATE DUE

MAR 8 9 1999
AUG 9 - 1999

Digitized by Google

Digitized by Google

38-DD

DK
30
.K65
f
v.1

DK 30 .K65 f C.1
Ruskie klady :
Stanford University Libraries
3 6105 035 407 662

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(415) 723-1493

All books may be recalled after 7 days

DATE DUE

MAR 8 1999
AUG 9 1999

Digitized by Google

Digitized by Google